

А.А. Чувакин

ОСНОВЫ ФИЛОЛОГИИ

Учебное пособие

А.А. Чувакин

ОСНОВЫ ФИЛОЛОГИИ

Учебное пособие

Под редакцией А.И. Куляпина

*Рекомендовано УМО по классическому университетскому
образованию для студентов высших учебных заведений
в качестве учебного пособия по направлению 032700 (031000)
и специальности 031001 – «Филология»*

Москва
Издательство «ФЛИНТА»
Издательство «Наука»
2011

УДК 80(075.8)
ББК 80я73
Ч82

Рецензенты:

кафедра современного русского языка и речевой коммуникации
Алтайского государственного университета;
д-р филол. наук, профессор *Е.Г. Елина*
(Саратовский государственный университет им. Н.Г. Чернышевского)

Чувакин А.А.

Ч82 Основы филологии : учеб. пособие / А.А. Чувакин; под ред. А.И. Куляпина. — М. : ФЛИНТА : Наука, 2011. — 240 с.

ISBN 978-5-9765-0939-9 (ФЛИНТА)

ISBN 978-5-02-037256-6 (Наука)

Учебное пособие содержит материал по курсу «Основы филологии», на фоне краткого исторического очерка дается представление о современном этапе филологии; освещаются все основные объекты современной филологии: естественный язык, текст, homo loquens; рассматриваются методологические проблемы современной филологии, особенности научного исследования в области филологии. В книге также помещены примерная программа учебной дисциплины (содержание дисциплины, примерная тематика практических занятий), вопросы и задания для самостоятельной работы и извлечения из сочинений отечественных и зарубежных авторов.

Для студентов, обучающихся по направлению 032700 (031000) и специальности 031001 — «Филология» (бакалавриат), и преподавателей вузов.

УДК 80(075.8)
ББК 80я73

ISBN 978-5-9765-0939-9 (ФЛИНТА)
ISBN 978-5-02-037256-6 (Наука)

© Чувакин А.А., 2011
© Издательство «ФЛИНТА», 2011

ПРЕДИСЛОВИЕ

Федеральный государственный образовательный стандарт по направлению подготовки 032700 – Филология (бакалавриат) предусматривает изучение дисциплины «Основы филологии». Этот шаг кажется вполне естественным, если исходить из новой реальности, в которой мы живем. Она такова: в современной филологии все более основательно проявляются процессы интеграции. Филологическое образование ориентирует бакалавра филологии на более широкий спектр профессий, зачастую вырастающих на перекрестье литературоведения, лингвистики и фольклористики, во взаимодействии с другими гуманитарными науками и научными дисциплинами.

Это объясняет необходимость углубления общефилологической составляющей университетского филологического образования: чтобы освоить соответствующие сферы деятельности, чтобы быть мобильным на рынке труда, современный филолог должен иметь представление о филологии как таковой, ее статусе в современном обществе, о способах приобретения различных профессиональных компетенций на филологической базе. В этом контексте актуально суждение Д.С. Лихачева: **«Филология лежит в основе не только науки, но и всей человеческой культуры»**.

Настоящее учебное пособие подготовлено в соответствии с программой изучения данной дисциплины (см. приложение). Его основу составили лекции, читаемые автором в Алтайском государственном университете (АлтГУ, г. Барнаул) с 2004 г.

Помимо теоретического материала, в книгу включены вопросы и задания для самостоятельной работы студентов, а также материалы для чтения. Этот важный раздел книги сформирован из фрагментов работ ряда исследователей, преимущественно филологов и философов, и писателей. Выражаю надежду, что

знакомство с этими работами вызовет у читателя размышления над ключевыми вопросами современной филологии, поможет студентам освоить основные идеи курса и, что не менее важно, будет способствовать развитию интереса к проблематике филологии на современном этапе ее развития. Все материалы книги могут быть использованы и для организации цикла семинарских и практических занятий, формирования пакета контрольных заданий.

Содержательно учебное пособие строится по схеме, традиционной для теоретических филологических дисциплин: история — теория — метод. Центральным элементом содержания является рассмотрение объектов современной филологии: естественного языка, текста и *homo loquens*. Именно эти объекты сегодня объединяют филологические науки и дисциплины в одну отрасль гуманитарных наук.

Автор выражает благодарность своим слушателям — студентам бакалавриата по направлению «Филология» АлтГУ, а также студентам и аспирантам, любезно предоставившим материалы для использования их в книге в качестве иллюстраций. Особая признательность бакалавру филологии Анне Левенко за помощь в подготовке рукописи к изданию и студенту-первокурснику бакалавриата Сергею Медведеву, прочитавшему отдельные главы книги в рукописи и высказавшему ряд интересных соображений.

Считаю своим приятным долгом выразить благодарность кандидату философских наук, доценту Л.А.Кощей (АлтГУ), творческие дискуссии с которой помогли рождению концепции книги; научному редактору издания доктору филологических наук, профессору А.И.Куляпину (АлтГУ) и рецензентам — кафедре современного русского языка и речевой коммуникации АлтГУ и доктору филологических наук, профессору Е.Г. Елиной (Саратовский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского) — за конструктивные замечания, учтенные на стадии завершения работы над учебным пособием.

Автор

Лингвистика, универсальное образование
и знание людей — вот составные элементы,
из которых великий Зодчий
создает гениального филолога.

К. Бюлер

Филология лежит в основе не только науки,
но и всей человеческой культуры.

Д.С. Лихачев

Глава 1. ВВЕДЕНИЕ

1.1. Филология: слово — практическая деятельность — знание — область науки. Возникновение филологии как деятельности и как знания

Филология существует более двух с половиной тысячелетий. В центре ее интересов не случайно всегда стояло слово. «Я словом все могу!» — утверждал русский писатель М. Пришвин. Интерес к слову частично отразился и в самом термине *филология*: др.-греч. *φιλολογία*, лат. *philologia*, англ. *philology*, нем. *Philologie*, итальянск. *filologia*, фр. *philology*, польск. *filologia*, чешск. *filologie*, русск. *филология*...

Считается, что древнегреческое слово *φιλολογία* первоначально имело двойное значение. Этот факт объясняется широтой значений второй части слова — «логос»¹. Как **слово обыденного языка** древнегреческое «филология» означало *любовь к слову*. Интересно замечание Г.О. Винокура о том, что в «Законах» Платона афинянин называет себя «филолохус» — *словоохотливый, разговорчивый* в отличие от спартанца, которого он называет «брахолохус» — *малоречивый, говорящий кратко*².

Как слово **специального языка** древнегреческое «логос», по наблюдению С.И. Радцига, могло выражать все понятия, кото-

рые передаются человеческим словом, и имело значения *рассказ, ораторская речь, мысль, которая выражается словом, и высшая мысль или разум*; стало быть, древнегреческое «филология» может быть истолковано как *любовь к ученым беседам, ученым занятиям*. Русский филолог К. Зеленецкий отмечает у слова «логос» три значения: «ум, произведения ума, т.е. науки и знания, и слово или речь»³.

Другая часть рассматриваемого сложного слова — «филия» — означала *любовь*. Интересно, что греки различали несколько видов любви, чему соответствовало и несколько имен: *agape* — жертвенно-нисходящая любовь, *storge* — привязанность, *eros* — спонтанная и независимая от воли стихийная страсть. На этом фоне рассматриваемое нами слово *филия* означает любовь-приязнь, любовь-симпатию, любовь-дружбу, любовь, которая основывается на свободном индивидуальном выборе человека.

Термин «филология» начал складываться в конце III — начале I в. до н.э. со значением *всеобъемлющая наука*. «Филологом» именовал себя грек Эратосфен (конец III — начало II в. до н.э.) — поэт, грамматик, математик, географ, историк. В Древнем Риме одним из первых называет себя «филологом» Аттей (III—II вв. до н.э.), который преподавал риторику и изучал филологические и исторические древности. По наблюдениям Ю.С. Степанова, «филолог» (с ударением на втором слоге) приобретает значение *прилежный к словам, изучающий слова* в III — V вв. н.э. Таковы начала терминологизации слова «филология».

Филология как практическая деятельность и как практически ориентированное знание возникает на Западе и на Востоке исторически одновременно: в эпоху поздней античности, т.е. в эпоху эллинизма на Западе и эпоху Ханьской империи на Востоке, в Китае. «Александрийские книжники собирали литературные произведения классической поры своей античности — эпохи полисов, китайские — классической поры своей античности — эпохи леги. Они не только собирали, но и работали над установлением их текстов; работа же над текстом влекла за собой работу над самим произведением. Так сложилось, ставшее классическим, существо филологической работы: *собираание письменных памятников прошлого, установление их текста и истолкование их*» (Н.И. Конрад)⁴.

Это направление практической деятельности связано с работой над письменными текстами, с созданием библиотек; крупнейшей библиотекой традиционно называется библиотека в г. Александрии (Египет; III—II вв. до н.э.).

Другое направление — обучение. В V в. до н.э. оно состояло из чтения и разбора поэтических текстов, которые к тому времени оценивались как первоклассные («классические») и требовали перевода, комментария и толкования. Это дало толчок появлению поэтики (др.-греч. *poietike techne* — творческое искусство). Поэтика возникает в V — IV вв. до н.э. в сочинениях софистов, Платона, Аристотеля, которые впервые различили и описали типы литературных произведений, или роды литературы: эпос, лирику, драму, заложили основы учения о жанрах.

Филологи Древней Индии и Древнего Китая в V — IV вв. до н.э. дали миру грамматические и стилистические учения, науку о письменности, способы толкования текста. От человека, занимавшегося практической филологией, требовалось прежде всего знание языка / языков, аналитические умения при работе над письменным текстом, широкая культура, т.е., как писал Дионисий Фракийец (ок. 170—90 гг. до н.э.), «осведомленность в большей части того, о чем говорится у поэтов и прозаиков».

Филологическая деятельность в Древней Греции носила название грамматического искусства; люди, занимавшиеся ею, именовались грамматиками. Обратим внимание на то, что термин «грамматика» в этом случае означает нечто иное, чем в современном языковедении. Дионисий Фракийец, например, выделял в грамматике шесть частей: чтение, объяснение тропов, общепонятная передача трудных слов и рассказов, нахождение этимологии, отбор аналогий (установление места изучаемого произведения в традиции), оценка произведений⁵.

Так возникают **первые филологические профессии** — толкователя текстов, переводчика, учителя словесности, библиотекаря. Фактически в число первых филологических профессий входит и профессия учителя риторики (др.-греч. *rhētorikē*). Риторика представляет собой порождение демократического устройства афинского общества (V в. до н.э.). Это устройство требовало от гражданина умения владеть словом — в народном собрании,

в судебном заседании, «при случае» (в ситуациях торжества, похвалы и т.п.). Задачу научения граждан мастерству красноречия решали учителя риторики, они же стали и создателями трактатов и учебников по риторике. Из числа первых сохранившихся риторических сочинений укажем диалоги Платона (427–347 гг. до н.э.) «Горгий» и «Федр» и трактат Аристотеля (384–322 гг. до н.э.) «Риторика». Таким образом, древний ритор тоже работает со словом (только с устным!), и ему нужны энциклопедическая образованность и знание человека, чтобы найти аргументы для убеждения.

Но в античном мире филология («грамматическое искусство») и риторика («искусство убеждения») существуют раздельно, как две разные науки о слове. Одна из них, филология, — наука о «слове как таковом» (Ю.С. Степанов), другая, риторика, — о слове убеждающем.

В Древнем Риме происходит разграничение филологии и грамматики; риторика существует по-прежнему обособленно от филологии. В первой половине XIX в. складывается филология как наука. В середине XX в. возрождается риторика, которая занимает свое место в системе филологических дисциплин.

1.2. Что такое современная филология?

Чтобы получить ответ на поставленный вопрос, оттолкнемся от определения филологии, сформулированного на рубеже 1960–1970-х годов С.С. Аверинцевым. С некоторыми вариациями оно публиковалось в «Большой советской энциклопедии» (Изд. 3-е. Т. 27), «Краткой литературной энциклопедии» (М., 1972. Т.7), энциклопедии «Русский язык» (М., 1979), «Лингвистическом энциклопедическом словаре» (М., 1990) и др. Определение это таково: «**ФИЛОЛОГИЯ** (греч. philología, букв. — любовь к слову, от philḗō — люблю и lógos — слово) — содружество гуманитарных дисциплин — языкознания, литературоведения, текстологии, источниковедения, палеографии и др., изучающих духовную культуру человечества через языковой и стилистический анализ письменных текстов. Текст во всей совокупности

своих внутренних аспектов и внешних связей — исходная реальность филологии»⁶.

Прокомментируем это определение. Оно

1) устанавливает статус филологии (филология — «содружество гуманитарных дисциплин») и состав входящих в нее наук (языкознание, литературоведение, текстология, источниковедение, палеография и др.);

2) отвечает на вопрос, что изучает филология (объектом изучения филологии является «духовная культура человечества»);

3) называет методы исследования (это «языковой и стилистический анализ»);

4) указывает материал исследования («письменные тексты»).

Итак, главный вопрос — что изучает филология: духовную культуру? Текст? Или иное?

В определении утверждается, что филология изучает духовную культуру человечества. Это утверждение вполне соответствует филологической традиции (ее рассмотрению будет посвящена вторая глава книги). На современном этапе развития науки духовная культура, как и другие виды культуры, стала объектом отдельной гуманитарной науки — культурологии.

Так что же изучает филология, если культура — объект культурологии? Ю.С. Степанов (р. 1930) в своем определении филологии пишет, что филология изучает текст: «**ФИЛОЛОГИЯ** (греч. *philología* букв. — любовь к слову, от *philḗō* — люблю и *lógos* — слово) — область гуманитарного знания, имеющая своим непосредственным объектом главное воплощение человеческого слова и духа — т е к с т»⁷. Согласимся с этим: все современные филологические науки — языкознание, литературоведение, фольклористика — имеют дело с текстом, устным или письменным, печатным или виртуальным.

Одновременно зададимся вопросом: только ли текст изучает филология? Ответ зависит от того, что подразумевается под объектом филологии. Будем исходить из того, что объектами филологии являются такие факты, стороны, грани и под. действительности, которые выделены и обработаны филологическим разумом и с которыми имеют дело **все** филологические

науки и дисциплины (ср. позднелат. *objectum* — предмет, от лат. *objicio* — бросаю вперед, противопоставляю). Есть такая неповторимая совокупность объектов, которой в современной науке не занимается ни одна отрасль, кроме филологии. В эту совокупность входят естественный язык, текст и *homo loquens* (от лат. *homo* — человек, *loquens* — причастие от *loquor* — говорить, разговаривать, т.е. человек в его функции говорящего и пишущего, слушающего и читающего; русск. эквивалент: «человек говорящий» в широком смысле).

В самом деле, **homo loquens** не является объектом никаких иных наук, кроме филологических. Филологические науки не могут обойтись без фигуры *homo loquens*: он предстает в виде сказителя и певца, автора и читателя, ведущего телевизионного шоу и радиожурналиста, создает текст и потребляет его, он «присутствует» в тексте устном, письменном и, разумеется, электронном...

В приводимых ниже текстах, представляющих собой пародии на выступления известных политиков, хорошо видны те особенности их речи, за которыми вполне определенно просматривается говорящий. Эти тексты сочинила журналист Мария Варденга (цит. по: Чудинов А.П., Чудинова Е.А. Риторика и культура речи: сборник упражнений. Екатеринбург, 2001. С. 17).

Пародируется первая фраза из «Героя нашего времени» М.Ю. Лермонтова: «Я ехал на перекладных из Тифлиса». Ниже см. пародийные тексты и имена их «авторов»:

В.В. Жириновский: *Я ехал на перекладных из Тифлиса. Тифлис — это столица Грузии. Грузия — страна на Кавказе. Кавказ — это горячая точка. Точка — это математическое понятие. У меня два высших образования, и математику я знаю.*

И.В. Сталин: *Ехал я, товарищи, домой. Домой, товарищи, я ехал на лошадах, которые меняли на каждой станции. Поэтому, товарищи, их называют перекладными. А ехал я, товарищи, из Тифлиса.*

Л.И. Брежнев: *Товарищи! Многомиллионная армия советских коммунистов и все прогрессивное человечество с глубоким волнением наблюдали, как Генеральный секретарь ЦК КПСС, Председатель Президиума Верховного Совета СССР отправлялся с*

дружеским визитом из Тифлиса. В аэропорту его провожали руководители солнечной советской Грузии, представители рабочего класса и крестьянства.

(Предлагаем читателю самому установить, какие особенности речи политических деятелей пародируются журналистом.)

Естественный язык — это сугубо человеческий «инструмент»: без него нет человека, следовательно, нет и текста.

Текст — это сообщение, которое говорящий и пишущий создает средствами языка для слушающего и читающего, даже если слушающим и читающим является сам говорящий и пишущий. Такое «совпадение» имеет место, например, в записных книжках, в ситуациях рассуждения вслух...

Каждая из филологических наук обращена ко всей совокупности объектов. Именно они и входят в число филологических. Другое дело, что каждая из них изучает разные стороны этих объектов.

Так, лингвистика изучает язык как некий отдельный объект действительности во всей его полноте (в современном состоянии и в истории, в состоянии покоя и в действии), как материал, из которого «ткуются» тексты, и сами тексты в их многообразии; наконец именно лингвистика рассматривает язык как то, без чего немислим человек, и человека в его способности к деятельности посредством языка и самое эту деятельность.

Литературоведение изучает ту часть совокупности текстов, «сотканых» человеком посредством языка, которые представляют собой единство искусства вымысла и искусства слова (эта часть текстов образует художественную литературу); язык для литературоведения интересен как искусство слова; человек же есть и предмет художественного исследования, и сам исследователь, т.е. писатель, автор, и тот, для кого это художественное исследование осуществляется (читатель).

Вернемся к культуре. Теперь возникает вопрос: если культура не объект изучения филологии, то каковы их отношения? Самоопределение культуры как предмета изучения особой науки, культурологии, совсем не отменяет тесных взаимоотношений культуры и объектов филологии.

Что такое **культура**? Если это «весьма сложный комплекс представлений, организованных в кодекс отношений и ценностей: традиций, религии, законов, политики, этики, искусства — всего того, чем человек, где бы он ни родился, пропитан до самых глубин своего сознания и что направляет его поведение во всех формах деятельности»,⁸ то она, культура, вместе с природой и обществом, составляет среду, в которой развиваются и функционируют человек — язык — текст. **«Мы живем в мире культуры»** (Ю.М. Лотман). Значит, сущность естественного языка, текста и тем более *homo loquens* во многом обусловлена культурой. В этих отношениях есть еще одна сторона: и текст, и язык, и человек как целое есть главное воплощение человеческого духа (см. приведенное выше определение филологии, данное Ю.С. Степановым).

Яркой иллюстрацией взаимодействия культуры и языка служат исследования выдающегося лингвиста современности Анны Вежбицкой (р. 1938). В книге «Язык. Познание. Культура» (русс. перевод — М., 1997. С. 33—88) она показывает, что «особенности русского национального характера раскрываются и отражаются в трех уникальных понятиях русской культуры». Это — *душа, судьба, тоска*. Они «постоянно возникают в повседневном речевом общении», «к ним неоднократно возвращается русская литература». Ученый выделяет ряд семантических свойств, которые особенно заметны при анализе названных слов. Одно из этих семантических свойств — эмоциональность. Так, в русском языке, при сопоставлении его с английским, видится богатство «активных» эмоциональных глаголов: *радоваться, тосковать, скучать, грустить, волноваться, беспокоиться, огорчаться, хандрить, унывать, гордиться, ужасаться, стыдиться, любоваться, восхищаться, ликовать, злиться, гневаться, тревожиться, возмущаться, негодовать, томиться, нервничать* и др. «...Представление о том, что русские активно и вполне сознательно «отдаются во власть» стихии чувств, нередко находит эксплицитное (см.: англ. *explicit* — явно, открыто выраженный. — А.Ч.) подтверждение в самом языке, что ясно видно из следующих примеров:

Часто отдается унынию, негодованию о том, что делается в мире (Толстой).

Не унынию должны мы предаваться при всякой внезапной утрате... (Гоголь).

Не отдаваться чувству досады... (Толстой)».

Итак, современная филология изучает три объекта: естественный язык, текст и homo loquens как главное воплощение человеческого духа.

Письменный текст как материал филологии. Рассматриваемое определение филологии указывает на письменные тексты как материал филологии. Это указание более всего обращено к тому времени, когда интерес филологических наук был сосредоточен на изучении «мертвых» языков — древнегреческого, латинского, готского, старотюркского, старославянского и др. Дело в том, что изучать их можно только по данным письменных текстов. Та же ситуация имеет место и при изучении истории «живых» (= современных) языков и литературных произведений большинства писателей и сказителей.

Конец XX — начало XXI в. — время, когда радикально меняются отношения филологии и текста. Во-первых, филологические науки не ограничиваются изучением только письменных текстов: XX век принес методы аудио- и видеозаписи устных текстов, новый вид текстов — виртуальные — привлек внимание к «смешанным» текстам (таковы большинство рекламных текстов, тексты устной речи, создаваемые и воспринимаемые в связи с ситуацией, и мн. др.).

Во-вторых, филология обратилась к текстам, которые традиционно не признаются «образцами» культуры. К числу «образцовых» обычно относят, например, произведения классиков литературы (но не местных и тем более не начинающих писателей), речи выдающихся общественных, политических деятелей (но не местных политиков) и под. Однако любой текст, еще раз повторим Ю.С. Степанова, есть воплощение человеческого духа. Человеческий дух воплощен в разных формах и содержит разные смыслы: от высокого до низкого, — проявляется как в

поэзии, например И. Бродского, так и в агитационных призывах, написанных на стенах зданий, гаражей; в текстах, размещенных на сайте Президента России, существующих в чатах, в блогах и твиттере...

Итак, материал современной филологии составляют все виды текстов независимо от их фактуры (лат. *factura* — обработка, строение), их отношения к «высокой» культуре. Поэтому в современной филологии в качестве обозначения текстов любой фактуры используется термин **сообщение**. Так разрывается связь между *текстом* и его принадлежностью к *письменному* роду фактуры. Поэтому можно сказать, что слова Г.О. Винокура: «Все написанное, напечатанное, сказанное есть предмет филологического комментария»⁹ звучат пророчески.

Методы исследования в филологии. Из методов филологии С.С. Аверинцев не случайно выделяет анализ.

Анализ (др.-греч. *analysis* — разложение, расчленение) как метод филологии имеет целью получить ответ на ключевой вопрос: как постигается «живой смысл» (Гадамер), т.е. как осуществляется процесс понимания, каков результат этого процесса? Иначе говоря, анализ в филологии это не просто расчленение, разложение изучаемого объекта на составные части, но и установление их роли (функций) в решении задачи постижения смысла. Так, анализ отзывов на произведения в жанре миниатюры (на сайте <http://www.proza.ru/>) заставляет искать те сигналы, которые читатель (точнее: пользователь Интернета) усматривает в рецензируемом тексте и которые соответственно служат основой его отзыва. Они могут

- лежать в разных плоскостях текста миниатюры. Это — языковые и речевые особенности текста, способ его компьютерного представления, смысл в том виде, как он усмотрен читателем:

*Прости о Боже, за все бывлые прегрешенья
За все плохое у тебя Иисус прошу прощенья.
За боль и слезы близких и родных,*

За ложь, измену и непонимание других.

За то что мало помогал,

Тем кто нуждался и страдал.

За ненависть, за нелюбовь,

Прошу прощенья вновь и вновь (Виа Долороса).

Рец. просто класс!

в этих строках уместилось все...

*я так думаю, что **это исповедь каждого человека в этом мире...** (Клик-Клик);*

- таиться в личности автора, его стиле, манере, приемах письма, также в отдельных суждениях:

***Я не хочу взрослеть.** Мне страшно. Реально страшно. Разговоры о взрослой жизни, ответственности и принятии решений выбивают меня из колеи. Я пытаюсь убедить, скрыться, лечь на дно, но все мои старания тщетны. Бремя взросления тенью ходит за мной по пятам. <...> (Пингвинко Пингвинко. Я ищу. И я не хочу взрослеть).*

*Рец. Занятно. **Первый раз встречаю человека который не хотел бы поскорей повзрослеть** (Чао Бомбино);*

- исходить из жизненных ситуаций, которые лежат за текстом:

<...> Мой витязь, я тебе спою,

Как убивал мечту свою.

Вступил с ней в битву я давно,

Но биться было нелегко...

Чтоб обрела мечта конец

Достал я с дуба кладенец.

В ночи ее с мечом стерег...

Убил я то, что так берег.

Вонзил в мечту тоску свою...

Слепец-гуслиар теперь, пою... (Ин Дрим. Былина).

*Рец. **А мне не надо было биться с мечтой,***

*я просто проспал её, только и всего,
я проспал тот миг, когда она проходила мимо моего
дома,
и всё...*

С уважением, Вячеслав (Вячеслав Черкасов);

- обуславливаться текстом как нерасчлененной целостностью:

Однажды Подсвечник сказал Свече:

— Что ни говори, а хозяину без меня не обойтись!

— Конечно, — согласилась Свеча, — не будь тебя, он обжёг бы руку моим расплавленным воском.

— Что верно, то верно! — гордо воскликнул Подсвечник. — Дело моё благородно и заслуживает уважения! А ты... — вздохнул он с горьким разочарованием. — Всё горючие слёзы льешь да укорачиваешься в размерах. Сгоришь, и ничего от тебя не останется. И слёзы твои не помогут. Глядя на твой короткий век, самому плакать хочется. — Он даже всхлипнул. — Что успеешь сделать за столь недолгий срок? Считай — бесполезное существование... <...>

(Елена Горисвет. Подсвечник и свеча).

Рец. *Великолепно, очень красиво* (Мерхий).

(В приведенном материале сохраняется авторский стиль, орфография и пунктуация.)

Таким образом, изучая текст, мы фактически обращаемся к его автору и читателю — к тем фигурам, которые обобщаются понятием *homo loquens*. Однако чтобы ответить, почему избирается тот или иной сигнал, как он может использоваться, следует применить дополнительно к анализу другие методы исследования (см. главу 6 учебного пособия). Здесь же подчеркнем два положения: в филологии анализ является фундаментальным, но не единственным методом исследования; в современных филологических науках анализ стал более разнообразным (существует анализ лингвистический, литературоведческий, филологический, коммуникативный,

риторический, семиотический, герменевтический и ряд других).

Наконец, рассмотрим **статус филологии, ее место в системе наук**. Важно, что современная филология уже освободилась из «плена» других гуманитарных наук и стала самостоятельной областью знания, входящей в гуманитарные науки. Каков же ее статус?

Интересную мысль на сей счет высказал Г.О. Винокур: «ф и л о л о г и я не е с т ь н а у к а, точнее... нет такой науки, которую в отличие от других можно было бы обозначить словом “филология” как ее названием»¹⁰. Это же положение, только выраженное иными словами, содержится и в определении С.С. Аверинцева. Он квалифицирует филологию не как науку, а как *содружество* гуманитарных дисциплин. Так возникает вопрос о характере отношений между филологическими дисциплинами. Что представляет собой филология: *содружество* — *совокупность* наук / научных дисциплин — «агрегат сведений» (Гегель)? (В сравнении с науками научные дисциплины решают более частные задачи.)

Объектное единство филологических наук, общность их методов и материала исследования позволяет отрицательно оценить тезис Гегеля о филологии как агрегате сведений (ср.: лат. *aggregatus* — присоединенный), т.е. как о механическом образовании, без внутренних связей между составляющими частями. Уровень дифференциации наук и научных дисциплин на современном этапе развития филологии, степень их самостоятельности позволяют признать современную филологию *совокупностью* наук и научных дисциплин. (Учтем, что понятие *совокупность* более нейтрально, чем *содружество*.)

Таким образом, **современная филология представляет собой совокупность гуманитарных наук и научных дисциплин, изучающих посредством анализа естественный язык, текст и homo loquens — «главное воплощение человеческого <...> духа» (Ю.С. Степанов).**

Филология, в том числе и на современном этапе ее развития, сосредоточена на главной проблеме человеческого существования — проблеме понимания. Эта мысль была подчеркнута

еще С.С. Аверицевым (см. материалы для чтения). На рубеже XX—XXI вв. проблема понимания стала еще более значимой, поскольку современный человек становится все более сложным, индивидуализируется; недаром существует выражение: «XX век — век возражений».

1.3. Современная филология как отрасль науки и направление высшего профессионального образования. Цели и задачи курса «Основы филологии»

Вместе с философией, историей, искусствоведением, культурологией, педагогикой, психологией и другими науками филология образует область гуманитарных наук. В составе гуманитарных наук филология является одной из отраслей. Филология включает в себя ряд наук и научных дисциплин.

Филологическими науками являются языкознание (языковедение, лингвистика) и литературоведение.

В число филологических научных дисциплин входит несколько групп научных дисциплин.

1) **Дисциплины, существующие на стыке лингвистики и литературоведения.** Главные из них:

- **риторика** (др.-греч. *rhētorikē*). Главная задача современной риторики — изучение речевой коммуникации в ее воздействии на читающего / слушающего посредством сообщения. Современная риторика представляет собой междисциплинарную филологическую науку, которая существует на стыке лингвистики, литературоведения, теории аргументации, философии;

- **поэтика** (др.-греч. *poietike techne* — творческое искусство). В современной филологии поэтика есть учение о том, как устроено литературное произведение, что есть творчество писателя, литературное направление. Область поэтики, внимание которой сосредоточено на языке произведения, составляет лингвистическую поэтику. Однако современная поэтика изучает не только художественно-литературные произведения, но и иные — публицистические, рекламные и др.;

- **стилистика** (фр. *stylistique*, от лат. *stilus, stylus* — остроко-
нечная палочка для письма, манера письма). Термин «стилистика» возник в начале XIX в. в трудах немецкого ученого и писателя Новалиса (подлинное имя — Фридрих фон Харденберг). Стилистика как научная дисциплина складывается в середине XIX в., фактически «на развалинах» риторики, которая к этому времени прекращает свое существование. В изучении языка как отдельного объекта действительности у стилистики есть своя собственная задача — изучение употребления языка. Ее внимание сосредоточено на таких вопросах, как стилистические средства языка, возможности их использования в тексте вообще и в текстах разных видов, разными говорящими / слушающими. Традиционно различаются лингвистическая стилистика и литературоведческая стилистика. Вторая сосредоточивает свое внимание на речи художественного произведения как проявлению искусства слова.

2) **Вспомогательные филологические дисциплины.** Важнейшие из них:

- **текстология** (лат. *textus* — связь, ткань и *logos* — слово), которая изучает рукописные и печатные тексты художественных, литературно-критических и публицистических произведений для их издания и интерпретации. Термин «текстология» ввел в конце 1920-х годов Б.В. Томашевский. На Западе по преимуществу используется термин «критика текста»;

- **источниковедение**, изучающее способы разыскания и систематизации источников для дальнейшего использования лингвистикой (лингвистическое источниковедение), литературоведением (литературное источниковедение);

- **библиография** (др.-греч. *biblion* — книги и *graphō* — пишу), которая занимается учетом научной и печатной продукции и информацией о ней. Библиография как научная дисциплина включает библиографию лингвистическую, литературную и др.

К числу вспомогательных относятся и дисциплины историко-филологической принадлежности. Они решают задачи, связанные с изучением древних текстов; это **палеография** (от греч. *palaiós* — древний и *graphō* — пишу) и **археография** (от греч. *archaios* — древний и *graphō* — пишу).

3) **Дисциплины, существующие на стыке филологии и других наук.** Укажем некоторые из них:

- **семиотика** (др.-греч. *sēmeiōtikē* — учение о знаках), изучающая знаки и знаковые системы. Центральное понятие семиотики — знак;

- **герменевтика** (др.-греч. *hermēneutikē* (*techne*) — истолковательное (искусство)), изучающая способы толкования смысла. Центральные понятия герменевтики: смысл, понимание;

- **теория текста**, которая изучает текст в семиотическом смысле. Текстом является не только последовательность языковых знаков, воплощающая смысл, но и, например, картина, город, человек и другие последовательности, созданные из неязыковых знаков или из сочетания знаков языковых и неязыковых, воплощающие смысл. Таковы, например, высказывания типа «Летит!» в соединении с жестом, указывающим, например, на летящий в небе самолет (означает: «Самолет летит!»). Центральное понятие теории текста — текст;

- **филологическая теория коммуникации**, изучающая деятельность человека по созданию и пониманию текста. Центральное понятие — коммуникативная деятельность *homo loquens*;

- **филологическая информатика**, изучающая пути и способы создания, хранения, обработки, изучения, передачи и т. п. филологической информации при помощи информационных (компьютерных) технологий.

В современной филологии сохраняется и традиционное деление филологии по языку (группе языков). Различаются филологии славянская, германская, романская, тюркская и др., русская, украинская, алтайская, бурятская и др. Каждая из филологий изучает соответствующие языки / соответствующий язык и литературу.

Каждая из филологических наук и дисциплин имеет особое внутреннее устройство, свои собственные связи с другими филологическими, гуманитарными и естественными науками и дисциплинами.

Филология является одним из направлений подготовки специалистов с высшим профессиональным образованием. Современный филолог готовится к работе с языками (отече-

ственным и иностранными), художественной литературой (отечественной и зарубежной) и устным народным творчеством, различными типами текстов — письменными, устными и виртуальными (включая гипертексты и текстовые элементы мультимедийных объектов), устной и письменной коммуникацией. Это определено ныне действующим Федеральным государственным образовательным стандартом по направлению подготовки «Филология» (бакалавриат).

В системе профессиональных дисциплин бакалавриата по направлению подготовки «Филология» выделяются два цикла: 1) дисциплины, в которых изучаются основные понятия и термины филологической науки, ее внутренняя стратификация; вырабатывается у обучаемых понимание сущности и значения информации в развитии современного информационного общества (общепрофессиональный цикл); 2) дисциплины, в которых изучаются основные положения и концепции в области теории и истории основного изучаемого языка (языков) и литературы (литератур); теории коммуникации и филологического анализа текста; дается представление об истории, современном состоянии и перспективах развития филологии (профессиональный цикл).

«Основы филологии» являются одной из учебных дисциплин первого цикла. Курс основ филологии имеет своей целью дать целостное представление о филологии в ее связях с другими науками; заложить у обучаемых мировоззренческие основы для осмысления отдельных отраслей филологии (славянской, тюркской, германской, романской и др.; русистики, украинистики и др.; лингвистики, литературоведения и фольклористики) как компонентов целого; познакомить с общими особенностями научного исследования в области филологии.

Задачи курса: 1) представить картину возникновения и основных этапов развития филологии; 2) рассмотреть основные объекты филологии; 3) очертить проблему методологии филологии. Каждая из задач реализуется в отдельном разделе учебной дисциплины.

¹ Радциг С.И. Введение в классическую филологию. М., 1965. С. 77 и след.

- ² Винокур Г.О. Введение в изучение филологических наук. М., 2000. С. 13.
- ³ Зеленецкий К. Введение в общую филологию. Одесса, 1853. С. 4.
- ⁴ Конрад Н.И. Запад и Восток. М., 1972. С. 7.
- ⁵ Панин Л.Г. Словесность как филологическая дисциплина // Методология современной лингвистики: проблемы, поиски, перспективы. Барнаул, 2000. С. 121—127.
- ⁶ Русский язык. Энциклопедия. М., 1979. С. 372.
- ⁷ Русский язык. Энциклопедия. Изд. 2. М., 1997. С. 592.
- ⁸ Бенвенист Э. Общая лингвистика. М., 1974. С. 31.
- ⁹ Винокур Г.О. Культура языка. Очерки лингвистической технологии. М., 1925. С. 215.
- ¹⁰ Винокур Г.О. Введение в изучение филологических наук. М., 2000. С. 51.

ВОПРОСЫ И ЗАДАНИЯ

- Первые филологические профессии. Объясните причины их возникновения.
- В каком отношении к первым филологическим профессиям находится профессия учителя риторики?
- Что такое современная филология «по С.С. Аверинцеву»; «по Ю.С. Степанову»?
- Как определяется современная филология в данном учебном пособии?
- В чем видите причины различий в определениях филологии, которые упоминаются в двух предыдущих вопросах?
- Что такое объект филологии?
- Каковы источники материала, изучаемого современной филологией?
- Что такое методы исследования в филологии?
- Каково место филологии в системе наук? в современном мире?
- Чем различаются филологические науки и научные дисциплины?
- Перечислите важнейшие филологические научные дисциплины. Как они связаны между собой? с филологическими науками?
- Соотнесите понятия «филология — филологическая наука — филологическая научная дисциплина».

МАТЕРИАЛЫ ДЛЯ ЧТЕНИЯ

Сергей Аверинцев. Похвальное слово филологии

<...> Что такое филология и зачем ею занимаются? Слово «филология» состоит из двух греческих корней. «Филейн» означает «любить». «Логос» означает «слово», но также и «смысл»: смысл, данный в слове и неотделимый от конкретности слова. Филология занимается «смыслом» — смыслом человеческого слова и человеческой мысли, смыслом культуры, — но не нагим смыслом, как это делает философия, а смыслом, живущим внутри слова и одушевляющим слово. Филология есть искусство понимать сказанное и написанное. Поэтому в область ее непосредственных занятий входят язык и литература. Но в более широком смысле человек «говорит», «высказывается», «окликает» своих товарищей по человечеству каждым своим поступком и жестом. И в этом аспекте — как существо, создающее и использующее «говорящие» символы, — берет человека филология. Таков подход филологии к бытию, ее специальный, присущий ей подступ к проблеме человеческого. Она не должна смешивать себя с философией; ее дело — кропотливая, деловитая работа над словом, над текстом. Слово и текст должны быть для настоящей филологии существенней, чем самая блистательная «концепция».

Возвратимся к слову «филология». Поразительно, что в ее имени фигурирует корень глагола «филейн» — «любить». Это свойство своего имени филология делит только с философией («любословие» и «любомудрие»). Филология требует от человека, ею занимающегося, какой-то особой степени, или особого качества, или особого модуса любви к своему материалу. Понятно, что дело идет о некоей очень не-сентиментальной любви, о некоем подобии того, что Спиноза называл «интеллектуальной любовью». Но разве математикой или физикой можно заниматься без «интеллектуальной любви», очень часто перерастающей в подлинную, всепоглощающую страсть? Было бы нелепо вообразить, будто математик меньше любит число, чем филолог — слово, или, лучше сказать, будто число требует меньшей любви, нежели слово. Не меньшей, но существенно иной. Та интеллектуальная любовь, которой требует — уже самым своим именем! — филология, не выше и

не ниже, не сильнее и не слабее той интеллектуальной любви, которой требуют так называемые точные науки, но в чем-то качественно от нее отличается. Чтобы уразуметь, в чем именно, нам нужно поближе приглядеться уже не к наименованию филологии, а к ней самой. Притом мы должны отграничить ее от ложных ее подобий.

Существуют два, увы, весьма распространенных способа придавать филологии по видимости актуальное, животрепещущее, «созвучное современности» обличье. Эти два пути непохожи один на другой. Более того, они противоположны. Но в обоих случаях дело идет, по моему глубокому убеждению, о мнимой актуальности, о мнимой жизненности. Оба пути отдаляют филологию от выполнения ее истинных задач перед жизнью, перед современностью, перед людьми.

Первый путь я позволил бы себе назвать методологическим панибратством. Строгая интеллектуальная любовь подменяется более или менее сентиментальным и всегда поверхностным «сочувствием», и все наследие мировой культуры становится складом объектов такого сочувствия. Так легко извлечь из контекста исторических связей отдельное слово, отдельное изречение, отдельный человеческий «жест» и с торжеством продемонстрировать публике: смотрите, как нам это близко, как нам это «созвучно!» Все мы писали в школе сочинения: «Чем нам близок и дорог...»; так вот, важно понять, что для подлинной филологии любой человеческий материал «дорог» — в смысле интеллектуальной любви — и никакой человеческий материал не «близок» — в смысле панибратской «короткости», в смысле потери временной дистанции.

Освоить духовный мир чужой эпохи филология может лишь после того, как она честно примет к сведению отдаленность этого мира, его внутренние законы, его бытие внутри самого себя. Слов нет, всегда легко «приблизить» любую старину к современному восприятию, если принять предпосылку, будто во все времена «гуманистические» мыслители имели в принципе одинаковое понимание всех кардинальных вопросов жизни и только иногда, к несчастью, «отдавали дань времени», того-то «недопоняли» и того-то «недоучли», чем, впрочем, можно великодушно пренебречь... Но это ложная предпосылка. Когда современность познает иную, минувшую эпоху, она должна остерегаться проецировать на исторический материал себя самое, чтобы

не превратить в собственном доме окна в зеркала, возвращающие ей снова ее собственный, уже знакомый облик. Долг филологии состоит в конечном счете в том, чтобы помочь современности познать себя и оказаться на уровне своих собственных задач; но с самопознанием дело обстоит не так просто даже в жизни отдельного человека. Каждый из нас не сможет найти себя, если он будет искать себя и только себя в каждом из своих собеседников и сотоварищей по жизни, если он превратит свое бытие в монолог. Для того, чтобы найти себя в нравственном смысле этого слова, нужно преодолеть себя. Чтобы найти себя в интеллектуальном смысле слова, то есть познать себя, нужно суметь забыть себя и в самом глубоком, самом серьезном смысле «присматриваться» и «прислушиваться» к другим, отрешаясь от всех готовых представлений о каждом из них и проявляя честную волю к непредвзятому пониманию. Иного пути к себе нет. Как сказал философ Генрих Якоби, «без «ты» невозможно «я» (сравни замечание в Марксовом «Капитале» о «человеке Петре», который способен познать свою человеческую сущность лишь через взгляды в «человека Павла»). Но так же точно и эпоха сможет обрести полную ясность в осмыслении собственных задач лишь тогда, когда она не будет искать эти ситуации и эти задачи в минувших эпохах, но осознает на фоне всего, что не она, свою неповторимость. В этом ей должна помочь история, дело которой состоит в том, чтобы выяснять, «как оно, собственно, было» (выражение немецкого историка Ранке). В этом ей должна помочь филология, вникающая в чужое слово, в чужую мысль, силиющаяся понять эту мысль так, как она была впервые «помыслена» (это никогда невозможно осуществить до конца, но стремиться нужно к этому и только к этому). Непредвзятость — совесть филологии.

Люди, стоящие от филологии далеко, склонны усматривать «романтику» труда филолога в эмоциональной стороне дела («Ах, он просто влюблен в свою античность!..»). Верно то, что филолог должен любить свой материал — мы видели, что об этом требовании свидетельствует само имя филологии. Верно то, что перед лицом великих духовных достижений прошлого восхищение — более по-человечески достойная реакция, чем прокурорское умничанье по поводу того, чего «не сумели учесть» несчастные старики. Но не всякая любовь годится как эмоциональная основа для филологической работы. Каждый из нас знает, что и в жизни не всякое сильное и искреннее чувство мо-

жет стать основой для подлинного взаимопонимания в браке или в дружбе. Годится только такая любовь, которая включает в себя постоянную, неутомимую волю к пониманию, подтверждающую себя в каждой из возможных конкретных ситуаций. Любовь как ответственная воля к пониманию чужого — это и есть та любовь, которой требует этика филологии.

Поэтому путь приближения истории литературы к актуальной литературной критике, путь нарочитой «актуализации» материала, путь нескромно-субъективного «вчувствования» не поможет, а помешает филологии исполнить ее задачу перед современностью. При подходе к культурам прошедшего мы должны бояться соблазна ложной понятности. Чтобы по-настоящему ощутить предмет, надо на него натолкнуться и ощутить его сопротивление. Когда процесс понимания идет слишком беспрепятственно, как лошадь, которая порвала соединявшие ее с телегой постромки, есть все основания не доверять такому пониманию. Всякий из нас по жизненному опыту знает, что человек, слишком легко готовый «вчувствоваться» в наше существование, — плохой собеседник. Тем более опасно это для науки. Как часто мы встречаем «интерпретаторов», которые умеют слушать только самих себя, для которых их «концепции» важнее того, что они интерпретируют! Между тем стоит вспомнить, что само слово «интерпретатор» по своему изначальному смыслу обозначает «толмача», то есть перелагателя в некотором диалоге, изъяснителя, который обязан в каждое мгновение своей изъясняющей речи продолжать неукоснительно прислушиваться к речи изъясняемой.

Но наряду с соблазном субъективизма существует и другой, противоположный соблазн, другой ложный путь. Как и первый, он связан с потребностью представить филологию в обличье современности. Как известно, наше время постоянно ассоциируется с успехами технического разума. Сентенция Слуцкого о посрамленных лириках и торжествующих физиках — едва ли не самое затасканное из ходовых словечек последнего десятилетия. Герой эпохи — это инженер и физик, который вычисляет, который проектирует, который «строит модели». Идеал эпохи — точность математической формулы. Это приводит к мысли, что филология и прочая «гуманитария» сможет стать современной лишь при условии, что она примет формы мысли, характерные для точных наук. Филолог тоже обязывается вычислять и строить модели. Эта

тенденция выявляется в наше время на самых различных уровнях — от серьезных, почти героических усилий преобразовать глубинный строй науки до маскарадной игры в математические обороты. Я хотел бы, чтобы мои сомнения в истинности этой тенденции были правильно поняты. Я менее всего намерен отрицать заслуги школы, обозначаемой обычно как «структурализм», в выработке методов, безусловно оправдывающих себя в приложении к определенным уровням филологического материала. Мне и в голову не придет дикая мысль высмеивать стиховеда, ставящего на место дилетантской приблизительности в описании стиха точную статистику. Поверять алгеброй гармонию — не выдумка человеконенавистников из компании Сальери, а закон науки. Но свести гармонию к алгебре нельзя. Точные методы — в том смысле слова «точность», в котором математику именуют «точной наукой», — возможны, строго говоря, лишь в тех вспомогательных дисциплинах филологии, которые не являются для нее специфичными. Филология, как мне представляется, никогда не станет «точной наукой»: в этом ее слабость, которая не может быть раз и навсегда устранена хитрым методологическим изобретением, но которую приходится вновь и вновь перебарывать напряжением научной воли; в этом же ее сила и гордость. В наше время часто приходится слышать споры, в которых одни требуют от филологии объективности точных наук, а другие говорят о ее «праве на субъективность». Мне кажется, что обе стороны неправы.

Филолог ни в коем случае не имеет «права на субъективность», то есть права на любование своей субъективностью, на культивирование субъективности. Но он не может оградиться от произвола надежной стеной точных методов, ему приходится встречать эту опасность лицом к лицу и преодолевать ее. Дело в том, что каждый факт истории человеческого духа есть не только такой же факт, как любой факт «естественной истории», со всеми правами и свойствами факта, но одновременно это есть некое обращение к нам, молчаливое окликание, вопрос. Поэт или мыслитель прошедшего знают (вспомним слова Баратынского):

И как нашел я друга в поколеньи,
Читателя найду в потомстве я.

Мы — эти читатели, вступающие с автором в общение, а н а л о г и ч н о е (хотя никоим образом не подобное) общению между современниками («...И как нашел я друга в поколеньи»). Изучая слово поэта

и мысль мыслителя прошедшей эпохи, мы разбираем, рассматриваем, расчлениаем это слово и эту мысль, как объект анализа; но одновременно мы позволяем помыслившему эту мысль и сказавшему это слово апеллировать к нам и быть не только объектом, но и партнером нашей умственной работы. Предмет филологии составлен не из вещей, а из слов, знаков, из символов; но если вещь только позволяет, чтобы на нее смотрели, символ и сам, в свою очередь, «смотрит» на нас. Великий немецкий поэт Рильке так обращается к посетителю музея, рассматривающему античный торс Аполлона: «Здесь нет ни единого места, которое бы тебя не видел о. — Ты должен изменить свою жизнь» (речь в стихотворении идет о безголовом и, стало быть, безглазом торсе: это углубляет метафору, лишая ее поверхностной наглядности).

Поэтому филология есть «строгая» наука, но не «точная» наука. Ее строгость состоит не в искусственной точности математизированного мыслительного аппарата, но в постоянном нравственно-интеллектуальном усилии, преодолевающем произвол и высвобождающем возможности человеческого понимания. Одна из главных задач человека на земле — понять другого человека, не превращая его мыслью ни в поддающуюся «исчислению» вещь, ни в отражение собственных эмоций. Эта задача стоит перед каждым отдельным человеком, но и перед всей эпохой, перед всем человечеством. Чем выше будет строгость науки филологии, тем вернее сможет она помочь выполнению этой задачи. Филология есть служба понимания.

Вот почему ею стоит заниматься. <...>

Цит. по: *Юность. 1969. № 1. С. 99—101.*

Д.С. Лихачев. Об искусстве слова и филологии

<...> Сейчас время от времени вопрос о необходимости «возвращения к филологии» поднимается вновь и вновь.

Существует ходячее представление о том, что науки, развиваясь, дифференцируются. Кажется поэтому, что разделение филологии на ряд наук, из которых главнейшие лингвистика и литературоведение, — дело неизбежное и, в сущности, хорошее. Это глубокое заблуждение.

Количество наук действительно возрастает, но появление новых идет не только за счет их дифференциации и «специализации», но и

за счет возникновения связующих дисциплин. Сливаются физика и химия, образуя ряд промежуточных дисциплин, с соседними и несоседними науками вступает в связь математика, происходит «математизация» многих наук. И замечательно продвижение наших знаний о мире происходит именно в промежутках между «традиционными» науками.

Роль филологии именно связующая, а потому и особенно важная. Она связывает историческое источниковедение с языкознанием и литературоведением. Она придает широкий аспект изучению истории текста. Она соединяет литературоведение и языкознание в области изучения стиля произведения — наиболее сложной области литературоведения. По самой своей сути филология антиформалистична, ибо учит правильно понимать смысл текста, будь то исторический источник или художественный памятник. Она требует глубоких знаний не только по истории языков, но и знания реалий той или иной эпохи, эстетических представлений своего времени, истории идей и т.д.

Приведу примеры того, как важно филологическое понимание значения слов. Новое значение возникает из сочетания слов, а иногда и из их простого повторения. Вот несколько строк из стихотворения «В гостях» хорошего советского поэта, и притом простого, доступного, — Н. Рубцова.

И все торчит
В дверях торчит сосед,
Торчат за ним разбуженные тетки,
Торчат слова,
Торчит бутылка водки,
Торчит в окне бессмысленный рассвет!
Опять стекло оконное в дожде,
Опять туманом тянет и ознобом.

Если бы не было в этой строфе двух последних строк, то и повторения «торчит», «торчат» не были полны смысла. Но объяснить эту магию слов может только филолог.

Дело в том, что литература — это не только искусство слова — это искусство преодоления слова, приобретения словом особой «легкости»

от того, в какие сочетания входят слова. Над всеми смыслами отдельных слов в тексте, над текстом витает еще некий сверхсмысл, который и превращает текст из простой знаковой системы в систему художественную. Сочетания слов, а только они рождают в тексте ассоциации, выявляют в слове необходимые оттенки смысла, создают эмоциональность текста. Подобно тому как в танце преодолевается тяжесть человеческого тела, в живописи преодолевается однозначность цвета благодаря сочетаниям цветов, в скульптуре преодолевается косность камня, бронзы, дерева, – так и в литературе преодолеваются обычные словарные значения слова. Слово в сочетаниях приобретает такие оттенки, которых не найдешь в самых лучших исторических словарях русского языка.

Поэзия и хорошая проза ассоциативны по своей природе. И филология толкует не только значения слов, а и художественное значение всего текста. Совершенно ясно, что нельзя заниматься литературой, не будучи хоть немного лингвистом, нельзя быть текстологом, не вдаваясь в потаенный смысл текста, всего текста, а не только отдельных слов текста.

Слова в поэзии означают больше, чем они называют, «знаками» чего они являются. Эти слова всегда наличествуют в поэзии — тогда ли, когда они входят в метафору, в символ или сами ими являются, тогда ли, когда они связаны с реалиями, требующими от читателей некоторых знаний, тогда ли, когда они сопряжены с историческими ассоциациями.

<...>

Поэтому не должно представлять себе, что филология связана по преимуществу с лингвистическим пониманием текста. Понимание текста есть понимание всей стоящей за текстом жизни своей эпохи. Поэтому филология есть связь всех связей. Она нужна текстологам, источниковедам, историкам литературы и историкам науки, она нужна историкам искусства, ибо в основе каждого из искусств, в самых его «глубинных глубинах» лежат слово и связь слов. Она нужна всем, кто пользуется языком, словом; слово связано с любыми формами бытия, с любым познанием бытия: слово, а еще точнее, сочетания слов. Отсюда ясно, что филология лежит в основе не только науки, но и всей человеческой культуры. Знание и творче-

ство оформляются через слово, и через преодоление косности слова рождается культура.

<...>

Цит. по: *Лихачев Д.С. О филологии. М.: Высш. шк., 1989.*
[Электронный ресурс]. URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Linguist/Lih/index.php

Ю.С. Степанов. Слово
Из статьи для Словаря концептов («Концептуария»)
русской культуры

<...>

3. Эволюция концепта ‘Слово’ была теснейшим образом связана со становлением цикла наук о слове (конечно, называть их «науками» можно лишь с большой долей условности). Поскольку словалогосы бывают не только истинными, но и ложными, постольку ощущима потребность в науке об истинном рассуждении, проникающем сквозь оболочку слов, — такой наукой стала л о г и к а. В соответствии с тем, что слова служат не одному познанию, но также выражению индивидуальных и групповых эмоций, желаний, устремлений и т. п., возникли две науки о рассуждении, не получившие общего названия, — д и а л е к т и к а и р и т о р и к а. Риторика первоначально мыслилась как искусство ораторской речи, диалектика — как искусство установления истины через обнаружение противоречий в высказываниях оппонентов, т.е. как искусство беседы, ведущей к правильному познанию. Аристотель, универсальный гений, создал «параллельные» труды в каждой из этих сфер: логике были посвящены «Категории», «Об истолковании» и «Аналитики»; наукам о речи — диалектике и риторике — трактаты «О софистических опровержениях» и «Риторика».

Одновременно с этим создавалась третья наука, ф и л о л о г и я — о «чистом» слове, о слове как таковом. Уже около IV в. до н.э. в греческом языке появился глагол φιλολογέω ‘любить науки, стремиться к учению’ и соответствующие ему имена: существительное φιλολογία ‘любовь к научному рассуждению, к научному спору, к ученой беседе’ (ср. выше деление на логику и диалектику) и прилагательное φιλόλογος ‘любящий научное рассуждение, научный спор’. Сначала эти слова выступали как

антонимы к $\mu\iota\sigma\omicron\lambda\omicron\gamma\acute{\epsilon}\omega$ ‘не любить наук и научных споров’: «<...> мое отношение к рассуждениям, — говорит Лахет у Платона, — <...> двузначно: ведь я могу одновременно показаться и любителем слов ($\phi\iota\lambda\omicron\lambda\omicron\gamma\omicron\varsigma$) и их ненавистником ($\mu\iota\sigma\omicron\lambda\omicron\gamma\omicron\varsigma$)» («Лахет», 188 с.; перевод С. Я. Шейнман-Топштейн). Позднее, у Плотина, Порфирия (III в.), Прокла (V в.), понятие «филолог» приобрело значение ‘внимательный к словам, изучающий слова’. Сдвиг ударения — $\phi\iota\lambda\omicron\lambda\omicron\gamma\omicron\varsigma$ — подчеркивал отличие от ранее утвердившегося $\phi\iota\lambda\omicron\lambda\omicron\gamma\omicron\varsigma$, которое означало образованного человека вообще. В свою очередь, оба слова противопоставлялись слову $\phi\iota\lambda\omicron\sigma\omicron\phi\omicron\varsigma$ ‘любящий знание, мудрость, софию’ (тем самым попутно знание отвлеклось от слов и представало как самостоятельная сущность).

Еще в эпоху эллинизма (III—I вв. до н.э.), до разделения двух значений слова ($\phi\iota\lambda\omicron\lambda\omicron\gamma\omicron\varsigma$ и $\phi\iota\lambda\omicron\lambda\omicron\gamma\omicron\varsigma$), т.е. до появления особой дисциплины, ученые уже занимались филологией, не отличая ее, правда, от грамматики, и назывались $\gamma\rho\alpha\mu\mu\alpha\tau\iota\kappa\omicron\iota$ ‘грамматики, грамматисты’. В Александрии был основан Μουσείον (святилище муз), государственное учреждение, находившееся под особым попечением царя, и знаменитая библиотека, для которой приобретались рукописи во всех концах греческого мира. Для издания произведений греческой классики, и прежде всего Гомера, александрийские ученые-грамматисты (а по существу — филологи) развернули огромную работу: разбирали и отбирали рукописи, сличали варианты текста, отделяли подлинное от приписываемого, устанавливали наиболее авторитетный текст, акцентировали его, комментировали неясные места, устаревшие и непонятные слова и т.д. Знаменитый филолог-грамматист Аристофан Александрийский (257—180 гг. до н.э.) может считаться основателем научной лексикографии.

В эпоху христианства главным объектом внимания любителей слова, филологов, становится слово божественное: литургическое, молитвенное и т.д. Постепенно толкования Св. Писания («слово о слове») становятся очень тонкими, филологически и богословски изощренными, и наряду со словом $\phi\iota\lambda\omicron\lambda\omicron\gamma\omicron\varsigma$ (в его новом, филологическом значении) появляется еще один термин — $\phi\iota\lambda\omicron\lambda\omicron\gamma\epsilon\upsilon\varsigma$ ‘ученый комментатор, схолиаст’ [впервые этот термин зафиксирован у Оригена (около 185—253 или 254)]. Таким образом была заложена одна из основных дисциплин в изучении слова — критика библейского текста, которая в XIX и XX вв. переросла в герменевтику и сомкнулась с философией.

<...>

Современное состояние концепта 'Слово' связано, в первую очередь, с филологией как особой отраслью человеческого знания. В отечественной филологии есть два вершинных ее определения: одно принадлежит Ф.Ф. Зелинскому, другое — Г.О. Винокуру. Определение Зелинского гласит: историко-филологическая наука — это «наука, имѣющая своимъ содержаніемъ изученіе твореній человѣческаго духа въ ихъ послѣдовательности, т. е. въ ихъ развитіи» (1902, 811). Это требует непростого разграничения «сфер влияния» двух ее областей — филологии и истории. Поскольку «*матеріальное* разграниченіе обѣихъ областей невозможно» (1902, 811–812), Зелинский пытается провести между ними границы, опираясь на идеи германского науковедения конца прошлого века: по словам самого автора, его статья «является <...> первой попыткой построить систему Ф<илологии> (точнѣе — историко-филологической науки) на заимствованной у Вундта основной мысли», согласно которой «Ф<илологія> — это обращенная къ памятникамъ, исторія — обращенная къ общимъ законамъ развитія сторона историко-филологической науки; исторія и Ф<илологія> — не двѣ различныхъ науки, а два различныхъ аспекта одной и той же области знанія» (1902, 816, 812).

Горячо поддержав это утверждение Зелинского, Г.О. Винокур категорически заявил: «Со всей решительностью нужно установить прежде всего то положение, что филология не есть наука, точнее — что нет такой науки, которую, в отличие от других, можно было бы обозначить словом «филология». <...> Эмпирическое содержание всего того, с чем имеет дело филология, без остатка покрывается предметом соответствующих специальных наук, исследующих отдельные стороны исторической действительности» (1981, 36). Этот тезис нуждается в чисто терминологическом уточнении, связанном с науковедческими попытками дифференциации объекта науки и ее предмета. В отличие от объекта предмет исследования определяется избранным методом, и потому у филологического исследования есть свой собственный предмет. Его, между прочим, называет и сам Винокур: это с о о б щ е н и е, понятое в предельно широком смысле (1981, 36–37). «Сообщение — это не только слово, документ, но также и различного рода вещи, если только мы не ограничиваемся их практическим применением. Такова, например, мебель, помещаемая в музей. Мы, разумеется, и ее «можем взять в руки», но в руках у нас в этом случае будет «находиться только

кусочек дерева, а не самый стиль его обработки и не его художественно-исторический смысл. Последний нельзя «взять в руки», его можно только понять» (1981, 37). Точка зрения Винокура удивительно современна: для «филологической семиотики» наших дней и ряды слов, и ряды вещей есть равно носители информации. Но универсальным (инвариантным, архетипическим) аккумулятором смысла является именно слово, и в первую очередь слово письменное: как справедливо замечает Винокур, «письменный текст представляет собой и д е а л ь н о е с о о б щ е н и е» (1981, 37–38).

Итак, филология есть область гуманитарного знания, непосредственным предметом изучения которой служит главное воплощение человеческого слова и духа — сообщение, и наиболее совершенный вид его — словесный письменный текст. При этом филология имеет дело исключительно с текстами, обращенными к читателю, хотя бы и неопределенному. Текст, в принципе лишенный адреса, никакого отношения к филологии не имеет — понять его невозможно.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Название будущей книги — «Константы: Словарь русской культуры». Разумеется, «константность» концептов не означает их неизменности, а лишь их постоянное присутствие в культурном сознании.

<...>

БИБЛИОГРАФИЯ

<...>

Винокур, Г.О.: 1981, 'Введение в изучение филологических наук: (Выпуск первый. Задачи филологии)' [1944–1946], Проблемы структурной лингвистики 1978, Москва 1981, 3–58.

Зелинский, Ф.: 1902, 'Филология', Энциклопедический Словарь, С.-Петербург, т. XXXVA: Фенолы — Финляндия, 811–816.

<...>

Цит. по: *Philologica. 1994. М., 1. № 1 / 2. Р. 11–31.*
[Электронный ресурс]. URL: <http://www.rvb.ru/philologica/01/01stepanov.htm>

Не есть ли филология нечто большее,
чем «дисциплина», — символ
современного состояния человека?

Или, еще точнее, — символ того,
что такое «быть человеком»...?

Ю.С. Степанов

Глава 2. ИСТОРИЯ ФИЛОЛОГИИ: ОТ ФИЛОЛОГИИ КАК КОМПЛЕКСНОГО ЗНАНИЯ К ФИЛОЛОГИИ КАК КОМПЛЕКСУ НАУК

Филология возникла как практическая деятельность и практически ориентированное знание. Это знание отличалось комплексностью. Недаром, чтобы заниматься филологией, человеку нужно было иметь энциклопедическую образованность. Такое положение сохраняется до середины XIX в., когда филология утрачивает направленность на решение прежде всего сиюминутных практических задач, когда в филологии складываются научные методы, происходят мощные процессы дифференциации знания. «Донаучный» этап филологии сменяется этапом научным.

2.1. Филология как практически ориентированное комплексное знание (V—IV вв. до н.э. — середина XIX в. н.э.)

До середины XIX в. филология сохраняет статус *практически ориентированного знания и деятельности и имеет комплексный характер* (раздел 1.1.). Эти особенности хорошо заметны на начальных этапах развития филологии.

Филология эпохи античности. Древневосточные (Индия, Китай) и западные (Греция, Рим) тексты стали изучаться уже в античном мире (X в. до н.э. — V в. н.э.). В разное время здесь возникли задачи, обусловившие формирование филологии как практической деятельности. Восточная и западная традиции складывались и развивались обособленно.

На базе западной традиции возникает **классическая филология**. Она формируется в Европе во времена Возрождения (XIV—XVI вв.) как возврат к древнегреческому и древнеримскому наследию. Это была реакция на засилье церковной латыни, ставшая одним из проявлений гуманистической позиции: «человек есть центр мироздания». «Я поставил тебя в центр Вселенной для того, чтобы ты лицезрел все, что я туда поместил. Я сделал тебя самым собой; подобно скульптору, ты ваешь свое собственное «Я». Ты можешь выродиться в животное, но ты также в состоянии возвыситься одним желанием твоей души до образа божественного», — говорит Бог человеку в сочинении итальянского гуманиста Пико делла Мирандолы (1463—1494).

Термин «классический» связан с лат. *classis* — разряд. Жители Древнего Рима делились на разряды: те, что были подведены под первый разряд, имели максимум богатств, максимум прав. Отсюда у слова *классический* и возникает значение «первоклассный».

Классическая филология изучает языки, литературу, античный быт, историю, философию, искусство, культуру Древней Греции и Древнего Рима. Таким образом, она возникает и развивается как комплекс знаний об античном мире. Ее изучение требовало от человека владения целым комплексом сведений об античном мире: знания древнегреческого и латыни, истории, права, политики, военной истории, культуры, быта и многого другого. При этом одни филологи-классики сосредоточивают свое внимание преимущественно на грамматике и критике текста, другие — на истории, археологии, культуре, быте Древних Греции и Рима. Результатом деятельности филологов-классиков является подготовка древних текстов к публикации, всестороннее комментирование их, создание и публикация научных сочинений о духовной и материальной культуре древности.

Библейская филология (древнегреч. *biblia*, мн. ч. от *biblion* — книга). Библейская филология направлена на изучение Библии. Считается, что первым исследователем библейского текста является Ориген (185—253 гг.), хотя уже в самой Библии имеет место комментирование входящих в нее текстов.

Библия включает в себя множество разнообразных по содержанию и в жанровом отношении текстов: законы и кодексы, хроники, описания путешествий, гимны, афоризмы, свадебные, лирические песни и мн. другое. Библия состоит из двух частей — Ветхого Завета и Нового Завета. Ветхий Завет создается с XIII в. до н.э. по II в. до н.э. Его тексты написаны на древнееврейском, древнегреческом и арамейском языках. Тысячелетие существования Ветхого Завета постоянно требовало истолкования составляющих его текстов: менялись языки, при переписке в тексты привносилось то, что в них изначально отсутствовало, описанные в текстах события, имена и факты уходили из памяти человечества, преобразовывались. Так возникает собственно филологическая проблема, связанная с чтением, пониманием и истолкованием библейского текста. Ещё сложнее была ситуация с Новым Заветом, который создается как перевод Ветхого Завета: задачи чтения, понимания, истолкования текста осложняется еще одной — задачей **перевода**.

Наконец применительно к библейским текстам в целом оказалось актуальным решение еще одного вопроса: есть ли данные тексты результат Божественного откровения или созданы людьми?

Таковы важнейшие филологические задачи, возникшие в связи с изучением библейских текстов. Решение этих задач вызвало к жизни две филологические дисциплины: **критику** (от др.-греч. *kritikē* — искусство разбирать, судить) в виде библейской критики и **экзегетику** (от др.-греч. *exēgētikos* — объясняющий, толкующий). Главным вопросом, который поставила перед собой библейская критика, был вопрос об авторстве библейских текстов. Поиск ответа проходил на основе сопоставления библейских текстов и текстов мифологических, фольклорных. Экзегетика возникла в связи с исследованием поэм Гомера, впоследствии же она обратилась к изучению сакральных текстов

(лат. *sacer / sacri /* — священный, относящийся к религиозному культу, ритуалу; обрядовый). Ее задачей стал поиск единственно верного толкования библейских текстов — в «изначальной глубине и святости слова Божьего».

Восточная филология возникает в XVI—XVII вв. в Европе, когда отдельные европейские страны осуществляли колониальный захват восточных народов и территорий. В термине отражается взгляд европейцев на территорию заселения народами, язык и культура которых изучается: это Азия и Африка. Таким образом, восточная филология складывается отдельно от древнекитайской и древнеиндийской традиций.

Основой восточной филологии явилось изучение языков. К изучению языков прибавилось изучение географии, этнографии, обычаев и нравов, верований, культуры и литературы, политического, военного устройства народов Востока. Восточная филология возникает и долгое время существует как наиболее широкий комплекс знаний и сведений о народах Востока. В этом комплексе соединяются знания по языкознанию, литературоведению, философии, истории, региональному религиоведению и др.

Так закладывается **филологическая традиция**. Ее существование и развитие поддерживается потребностями в практической филологии со стороны различных сфер жизни общества. Наиболее существенное значение в «донаучный» период филологии имели **конфессиональные потребности** (лат. *confessionalis* — вероисповедный, церковный). К ним относится создание алфавитов и систем письма главным образом для культорелигиозных целей, переводы конфессиональных книг на современные (для того или иного периода) языки и др. Яркий след в истории филологии оставила, например, европейская Реформация — движение за социальное, культурное, религиозное преобразование общества, развернувшееся в XVI—XVII вв. В числе ее лозунгов было требование введения богослужения на родном для прихожан языке, перевод церковных книг на родной язык; это означает расширение социальных функций языка, актуализирует проблему перевода. Так, *Томас Мюнцер* (1490—1525), переводя латинские псалмы на немецкий язык, отметил, что делал это «более по смыслу, чем дословно».

Попытки филологии обрести самостоятельность связаны с интересом к национальным языкам и культурам. В Европе этот интерес приводит к возникновению ростков национальных филологий. **Национальные филологии** появляются в эпоху Возрождения. Один из первых трудов в этой области — трактат *Данте Алигверти* (1265—1321) «О народном красноречии». Важнейшим в трактате является вопрос об особенностях ряда современных автору языков. Он отмечает, что французский общедоступен и приятен; на испанском стали сочинять первые стихи; у итальянского (или италийского, как тогда говорили; родного языка Данте) два преимущества: первое — на итальянском сочиняют «наиболее сладостные и утонченные» стихи; второе — он более всего близок к латинскому языку (языку Древнего Рима). Начинается работа над составлением словарей и грамматик современных языков, растет внимание к произведениям словесности на родных языках.

Интерес к национальным языкам сопровождается осмыслением национальной культуры, разработкой теоретических вопросов филологии. Во Франции в XVII в. *Антуан Арно* и *Клод Лансло* создают грамматическое описание языков, которое основано на признании всеобщности категорий языка. Эта мысль проверялась авторами путем сравнения материала языков классических (древнегреческого, латинского, древнееврейского) и современных (французского, итальянского, испанского, нидерландского, немецкого и др.). Труд этот — «Грамматика общая и рациональная» (Париж, 1660; русск. перев. 1998) — по месту написания носит название «Грамматика Пор-Рояля» (Пор-Рояль — город во Франции). Названная работа является «первой чисто научной системой» (Ю.В. Рождественский). Итак, «Грамматика Пор-Рояля» служит преодолению комплексности и практической ориентированности филологического знания как его главной особенности.

В России важное значение для складывания филологии сыграли сочинения *М.В. Ломоносова* (1711—1765): «Российская грамматика» (1755), ставшая образцом для грамматик русского языка вплоть до нашего времени, и «Предисловие о пользе книг церковных в российском языке» (1758), в котором заложены

основы учения о жанровом и стилистическом богатстве русского языка.

2.2. Рубежное значение трудов Ф.А. Вольфа и его современников для филологии

Важным рубежом в развитии филологии стали труды ряда немецких ученых конца XVIII — середины XIX в.: Ф. А. Вольфа, А. Бёка, Ф. Шлейермахера и др. Дело в том, что Германия с середины XVIII в. искала основы для сплочения народа. Этот поиск опирался на народный дух, народное творчество, разум, что неизбежно приводило к филологии. Именно в этот период и были заложены главные черты современной филологии.

Этап филологии, начавшийся на рубеже XVIII—XIX вв., получил название «новой филологии», а Вольф считается ее основателем.

Фридрих Август Вольф (1759—1824) — первый известный культурному человечеству студент, который при поступлении на учебу в университет (в Геттингене, Германия) записал себя как *Studiosus Philologiae* (студент-филолог), т.е. использовал приведенную формулу для обозначения профессии. По окончании университета он преподавал в гимназии, затем был профессором университетов в Галле и Берлине.

Как отмечается в энциклопедии Брокгауза и Эфрона, Вольф был в большой строгости воспитан отцом, кантором и органистом. В гимназии Вольф с необыкновенным рвением изучал древние языки, в университете же посещал лекции неаккуратно, предпочитая самостоятельные занятия. По окончании занятий в университете он представил как пробную работу статью, в которой изложил свои взгляды на Гомеровские песни; но профессор Гейне почему-то весьма холодно отнесся к сочинению Вольфа. Однако вскоре эта работа была издана. В 1783 г. Вольф приглашается на кафедру философии в университет в Галле.

В процессе филологических занятий и преподавания Вольф пришел к новому пониманию филологии как науки о древности. Оно было сформулировано им в лекциях, которые он читал с

1785 г., а затем и в сочинении «Darstellung der Alterhtums-Wissenschaft» (1807; «Очерк науки о древности / перев. с нем. СПб., 1877).

Понятие науки о древности у Вольфа относится «к *основному содержанию знаний и известий, которые нас знакомят с деяниями и судьбами, с политическим, ученым и домашним состоянием греков и римлян, с их культурою, с их языком, искусством и наукой, нравами, религией, национальным характером и образом мыслей, знакомят таким образом, что мы делаемся в состоянии основательно понимать дошедшие до нас их произведения и наслаждаться ими, углубляясь в их содержание и дух, воскрешая перед собою античную жизнь и сравнивая ее с позднейшею и современною*» (с. 17–18)¹.

В этой науке им выделяются две части.

Первую часть образуют так называемые **служебные науки**, «подготавливающие доступ к предметам» изучения (с. 27). В эту группу входят три науки:

- **грамматика** — наука «обо всех периодах жизни языка» (с. 19), т.е. фактически это языкознание;
- **герменевтика** — «искусство проникательно раскрывать мысли автора из их изложения»;
- **филологическая критика**, изучающая время создания, подлинность и исконность памятников, их первоначальный вид.

Эти науки, как пишет Вольф, представляют собой **орган собственно науки**.

Вторую часть составляют науки, изучающие разные стороны жизни народов Древней Греции и Древнего Рима. Таковы древняя география, история, мифология, история литературы, история искусств и др.

Итак, по Вольфу, филология — это совокупность наук и научных методов для изучения жизни и культуры любого народа, а также совокупность историко-филологических наук, изучающих Древнюю Грецию и Древний Рим (классическая филология в одном из ее толкований).

Идеи Ф.А. Вольфа получили развитие в трудах его современников. Так, *Август Бёк* (1785–1867) выдвинул тезис: «Цель

филологии... познание познанного». Этот тезис разъясняется автором: «познавать... познанное — значит понимать; понимание есть общая функция филологии». *Готфрид Германн* (1772—1848) настаивал на том, что филология — это критика и истолкование текста.

Фридрих Шлейермахер (1768—1834) признается создателем **современной герменевтики** как науки о понимании. В отличие от экзегетики, толкующей только сакральные тексты, герменевтика, по Шлейермахеру, изучает понимание любого текста. Его главный тезис: «Понимать речь сперва так же хорошо, а потом и лучше, чем ее автор». Герменевтика тесно связана с риторикой.

«Новая филология» обретает смысл своего существования: в центре филологии стоит проблема понимания; решению этой проблемы служат научные методы, которые могут быть применены при изучении любого народа (герменевтика, критика и др.). При этом сохраняется понимание филологии и как историко-филологического комплекса знаний о древних народах (классическая филология в одной из ее версий). В течение XIX в. произойдет размежевание филологии и истории.

Так началось превращение филологии как комплексного знания в филологию как комплекс наук и научных дисциплин.

2.3. Специализация филологического знания и дифференциация филологических наук: середина XIX — середина XX в.

В середине XIX — середине XX в. в филологии активно развиваются процессы специализации знаний. Разные предметные области, входившие в состав комплексного филологического знания, превратились в основу отдельных наук (научных дисциплин). Таким образом происходит дифференциация филологических наук (научных дисциплин) внутри филологии.

В рамках «новой филологии» складываются **национальные филологии**: славянская, германская, романская, тюркская, иранская, алтайская и др.; к ним примыкает восточная филология,

ставшая наукой. Продолжает существовать и классическая филология. Таково одно направление дифференциации.

Второе направление приводит к разделению филологии как комплексного знания на следующие **филологические науки: языкознание, литературоведение, фольклористика**. Образование этих наук вызвано тем, что в филологии складываются идеи и принципы, ориентированные на исследование языка, художественной литературы или фольклора. (Впрочем, фольклористика часто рассматривается как составная часть литературоведения.) Складывание каждой из наук идет своим путем.

Рождение **языкознания** как науки связано с началом в первой половине XIX в. *сравнительно-исторического* исследования языка (Р. Раск, Ф. Бопп, Я. Гримм, А.Х. Востоков). Оно выдвинуло задачу восстановления картины исторического прошлого языков на основе выделения так называемых родственных языков, раскрытия закономерностей развития языков. Это направление исследования не связано с удовлетворением практических потребностей. Оно оставляло в стороне многие виды традиционной филологической работы с текстом (критику, истолкование смысла и др.). Тем самым языкознание обособляется от других филологических наук. Процессы обособления усиливаются к концу XIX в. и в XX в., когда побеждает интерес к изучению структуры языка (Ф. де Соссюр и др.; структурализм). Это связано прежде всего с влиянием семиотики и естественных наук. Однако в языкознании сохраняется и развивается мысль о языке как «духе народа» (В. фон Гумбольдт). Во многом именно это позволяет науке о языке «удерживаться» в составе филологии.

Базой научного **литературоведения** послужило исследование художественной литературы на основе данных биографии авторов (1830-е годы; Ш. О. Сент-Бёв и др.) и в сравнительно-историческом отношении (1840-е и последующие годы; Г.М. Посснетт, А.И. Кирпичников и др.).

Фольклористика как наука началась в трудах немецкого ученого *Иоганна Гердера* (1744–1803), который признавал, что в искусстве выражается «дух народа», его воззрения, чувства, характер; искусство связано с народным творчеством. Важную роль в складывании фольклористики сыграла мифологическая

(др.-греч. *mythos* — слово; сказание, предание) школа в науке (братья В. и Я. Гримм и др.), которая сформулировала основы сравнительной мифологии. Фольклористика при ее возникновении отдалялась от других филологических наук, в особенности от языкознания.

Следующее направление специализации научного знания в рассматриваемый период — **внутренняя дифференциация** наук. Во-первых, сохраняются и развиваются филологические дисциплины, возникшие ранее. Это — критика текста, источниковедение, библиография, палеография, археография и др.

Во-вторых, возникают новые научные дисциплины. Это, например, разделы лингвистики: общее языкознание, описательное языкознание, историческое языкознание; разделы литературоведения: история литературы, теория литературы, литературная критика и др.

Одной из причин дифференциации наук является складывание и развитие **научных школ** в филологии, т.е. таких объединений исследователей, которые имеют общие взгляды на изучаемый объект. Это и национальные школы, сложившиеся в конце XIX — начале XX в.: немецкая, англосаксонская, французская и бельгийская, североамериканская, русская; и школы, объединяющиеся на базе идей одного или группы крупных ученых, например: сосюрская (Ф. де Сосюр, Ш. Балли, А. Сешэ и др.), виноградская (В.В. Виноградов, С.И. Ожегов, Н.С. Поспелов и др.) в языкознании, психологическая (В. Вундт, Д.Н. Овсянников-Куликовский и др.), формальная (Ю.Н. Тынянов, В.Б. Шкловский, Б.М. Эйхенбаум и др.) в литературоведении, историко-географическая (Ю. и К. Круны), историческая (В.Ф. Миллер) в фольклористике и др.

В филологии первой половины XX в. высказываются идеи в пользу интеграции как основы исследования.

Так, *Л.В. Щерба* (1880—1944) видел задачу филологии в истолковании смысла художественного текста с опорой на его и языковую, и художественную структуру (речь идет о художественном тексте). Этим способом истолкования филолог отличается от языковеда и литературоведа: языковед изучает языковую структуру текста, а литературовед — художественную. (См.

в приводимых ниже материалах для чтения фрагменты статьи Л.В. Щербы, посвященной анализу стихотворения М.Ю. Лермонтова «Сосна» в сравнении с ее немецким оригиналом.)

По *М.М. Бахтину* (1895–1975), фундаментальная основа филологии — идея диалогизма. Слово находится в отношениях диалога с другими словами. Это значит, что оно не только обращено к предмету, процессу и пр., который обозначает, но «разговаривает», «перекликается» с другими словами данного и иных текстов. То же относится к высказыванию и тексту. «Жить — значит участвовать в диалоге», — писал М.М. Бахтин (см. в приводимых ниже материалах для чтения фрагменты книги М.М. Бахтина о Ф. Достоевском).

Так в филологических науках первой половины XX в. развиваются идеи филологии прошлого, тем самым укрепляя **междисциплинарное (= общефилологическое) ядро** филологических наук. Филология *может* стать методом интегративного изучения языка, текста, наконец, человека как автора, читателя, персонажа и т.д. Тем более что эта задача, поставленная в трудах великих филологов XX в., соответствует исследовательским традициям филологии.

Таким образом, закономерный процесс специализации научного знания приводит к тому, что филология как единая комплексная, практически ориентированная наука перестает существовать. На ее месте вырастает ряд наук и научных дисциплин. Однако филология сохраняется как единая **отрасль** науки.

Заметным в этот период стало **самопознание филологии**. Дискутируется сам факт существования филологии как самостоятельной области знания. Отечественный литературовед *В.Н. Перетц* (1870–1935) видит границу между историей и филологией в следующем: история есть проявление мысли в действии во внешнем мире, а филология — это проявление человеческого творчества в слове как таковом. Австрийский лингвист *Г. Шухардт* (1842–1927) призывает отказаться даже от самого термина «филология», смысл которого он признает неопределенным, неустойчивым.

По-разному формулируется ответ на главный вопрос филологии: что она изучает? В первой половине XX в. возникли две

принципиально разные позиции. Автором одной из них является *Ф.Ф. Зелинский* (1859–1944), который признает существование единой историко-филологической науки: это «наука, имеющая своим содержанием изучение творений человеческого духа в их последовательности, т.е. в их развитии». Филология в составе этой науки обращена к изучению памятников письменности, история же — к изучению общих законов развития. Авторство другой позиции принадлежит *Г.О. Винокуру* (1896–1947): наука о литературе и лингвистика — это «сестры, произведения одинаково ориентированного сознания, которое ставит себе задачей истолкование текста».

2.4. Современная, или «новейшая филология»: человек как центр филологии

В середине XX в. в развитии науки произошли серьезные изменения. После Второй мировой войны (1939–1945) в мире растет понимание ценности человеческой жизни, возможности существования разных представлений и позиций. В гуманитарной науке эти новые тенденции выражаются в развитии подходов к изучению человека, основанных на принципе диалогизма.

Во второй половине XX в. в общественной мысли и культуре складывается новое течение — **постмодернизм** (англ. *postmodernism*, фр. *postmodernisme*, нем. *Postmodernismus*). Человек в постмодернистских творениях предстает как «механико-органический монстр» (И.П. Смирнов). Соответственно художественный текст (как и текст вообще) лишается цельности, а часто и связности, становится «безбрежным» — открытым для всевозможных истолкований².

Приведем пример такого рода текста (из второй части романа Вл. Сорокина «Норма»):

нормальная забота
нормальные носки
нормальная заплатка
нормальное молочко

нормальное тепло
нормальная грелка
нормальная одышка
нормальный этаж
нормальный валокордин
нормальный сырничек.

1960—1970-е годы — **начало современного, или новейшего, этапа в развитии филологии.** В филологии и составляющих ее науках и научных дисциплинах постепенно человек становится центром ее знания.

Рассмотрим ситуацию **в лингвистике.** Традиционно ее интересы сосредоточены на изучении языка как системы. В число предметов пристального внимания современного языковедения входит феномен общения. Рассмотрим фрагмент текста, имеющего место в следующей ситуации.

*Студент приходит в деканат и обращается к секретарю: «**Анна Ивановна, можно у Вас справку взять?**».* При изучении языка как системы в процессе анализа будет установлен, например, грамматический тип предложения (простое, осложненное обращением, односоставное, безличное), способы и средства выражения членов предложения; описание ситуации для этого в принципе не нужно.

Если это же предложение рассмотреть с точки зрения учения об общении, то задача может состоять в том, чтобы объяснить, что заставляет говорящего избрать приведенную форму обращения. Заставляет же ситуация делового общения: говорящий — студент, адресат — работник деканата, тип отношений — официальные, тематика общения связана с организацией работы, поэтому используется официальная форма обращения. Итак, если в первом случае главной ценностью являются единицы языка (морфема, слово, предложение и др.) и отношения между ними, то во втором — деятельность общения (коммуникация). Этот факт выражен в формуле: **«от лингвистики языка — к лингвистике общения».** Именно так сформулировал современный отечественный лингвист Б.Ю. Городецкий главную тенденцию развития филологии в наше время.

Приведем пример из области теории и практики перевода. Здесь происходит изменение принципа перевода: **не эквивалентность слов, а эквивалентность смыслов**. Итальянский ученый У. Эко (р. 1932) раскрывает сущность этого принципа: «Предположим, в каком-нибудь американском тексте один персонаж говорит другому: *you are just pulling my leg*. Переводчику не следует передавать это буквально: «ты только тянешь меня за ногу» или «да ты водишь меня за ногу»; правильно будет «ты пытаешься обвести меня вокруг пальца» <...> или еще лучше «ты меня за нос водишь» <...>». У. Эко объясняет, что буквальный перевод в данном случае создал бы непривычный для итальянца оборот, а «если заменить «ногу» — «носом», то итальянский читатель окажется в той же ситуации, в которую автор текста хотел поместить читателя английского»³.

Приведем пример из области **литературоведения**. В рассказе М.А. Шолохова «Судьба человека» (1956—1957) в середине и конце 1950-х годов виделись прежде всего те черты, которые типизированы писателем в образе главного героя Андрея Соколова: национальная гордость и достоинство русского человека, выносливость, душевная человечность и др. Автор ХХI в. Н.Л. Лейдерман⁴ анализирует рассказ Шолохова сквозь призму обновления соцреалистической концепции личности, усматривая новизну рассказа в возвращении к «простым» и вечным общечеловеческим ценностям.

Современная филология отличается активным развитием **общефилологического** ядра знаний с человеком в центре. В чем это проявляется?

«**Воссоединение**» литературы и языка. Эту тенденцию зафиксировал в середине 1960-х годов французский философ и филолог Р. Барт (1915—1980). Рассматривая отношения языка и литературы на Западе, ученый в статье 1970 г. отметил, что до середины XIX в. язык и литературу соединяла риторика. Когда же риторика пала, то общее начало языка и литературы утратилось. В середине 1960-х годов они вновь «воссоединяются». Дело в том, что, по наблюдению Барта, «литература теперь является наукой уже не о «человеческом сердце», а о человеческой речи»: она изучает эффекты, свя-

занные с сообщением⁵ (сообщение традиционно «подведомственно» лингвистике!).

Приведем пример. В романе А. Кристи «...И в трещинах зеркальный круг» коллизия, связанная с расследованием причин смерти Марины Грегг, «увядающей, но все еще очаровательной кинозвезды», возникает в связи с тем, что у горничной Глэдис Диксон «хромала грамматика». Тема «хромающей грамматики» периодически всплывает в романе. Вот один из фрагментов текста, в котором развивается эта тема. Мисс Марпл рассказывает эпизод из прошлого: *«Ей (горничной Лористонов. Это и есть фигура из прошлого. — А.Ч.), конечно, приходилось подходить к телефону и отвечать на звонки, но не сказать, что она здорово с этим управлялась. Ей что-то передадут, и общий смысл она ухватит, но запишет все так, что иногда выходила полная ерунда. Наверное, у нее хромала грамматика. Случались прямо-таки настоящие казусы. Некий мистер Берроуз, если не путаю, позвонил и передал, что он встречается с мистером Элвастоном по поводу сломанного забора, но ремонт забора — это совсем не его дело. Забор находится на другой стороне собственности, и он хочет уточнить, действительно ли это так, а потом уж действовать дальше, от этого зависит, браться ему за это дело или нет, и прежде чем обращаться к стряпчим, ему нужен четкий план территории. Сами видите, какая вышла невнятица. Картина не прояснилась, а только затуманилась»* (Агата Кристи. Соч.: в 3 т. М., 1992. С. 534). (Прошу читателей обратить внимание на то, какие имена существительные в тексте заменяются личными местоимениями.)

Если литературный текст демонстрирует факты неправильного употребления местоимений, то задача лингвистов состоит в поиске ответа на вопрос об эффекте подобного устройства текста. Так и создается «точка схождения» лингвистики и литературоведения.

В современной филологии «точки схождения» разрастаются. См. хотя бы приведенный выше фрагмент из романа Вл. Сорокина: если классический литературный текст состоит из предложений, то в тексте Сорокина предложение усмотреть трудно (фактически невозможно). Так возникает проблема взаимного

влияния языка и литературы, лингвистики и литературоведения.

Филология следует за человеком — создателем и потребителем текстовых сообщений. Это следование проявляется в том, что в поле зрения филологии попадают все типы, виды, разновидности текстов, созданных и создаваемых человечеством. Это актуализирует в науке проблему понимания. См., например, современный анекдот: *«Ушел в блоги, на обед не ждите»*. В этом сообщении (в жанре записки) проблема понимания может возникнуть в связи с незнанием слушающим / читающим английского *blog*. См.:

blog

1. *сущ.; информ.; от weblog*

1) *блог, веблог (периодически обновляемая лента сообщений на разные темы, каждое из которых может быть прокомментировано читателями; коллективная доска обсуждений)*

2) *сетевой дневник, «живой журнал», ЖЖ (часто обновляемый персональный сайт, в котором публикуются комментарии автора на различные темы)*

Суп: Live Journal, LJ

2. *вести блог; заниматься блоггингом*

(По данным электронного словаря ABBYY LINGVO 11).

Еще один пример из анекдота:

— *Дружище, за вами рубль.*

Оглянулся.

— *Где?*

В этом случае проблема уже не в незнании слов, а в оценке ситуации разговора.

В ходе решения проблемы понимания ищутся ответы на вопросы: благодаря чему человек способен понять / почему человек не способен понять другого? как идет процесс истолкования смысла текста (сообщения)? что нужно для достижения понимания? и др. (См. в приводимых ниже материалах для чтения фрагменты статьи М.Ю. Сидоровой, посвященной интернет-коммуникации.)

В современном мире **речь вновь обретает власть** (здесь перефразировано суждение Цв. Тодорова). Из причин этого феномена назовем развитие демократических тенденций в общественной жизни, прежде всего в странах Европы и Северной Америки (а затем и в других), рост значимости массовой коммуникации, потребности воздействовать на собеседника, на аудиторию посредством слова, а не путем насилия. В силу этого и оказалась вновь востребованной риторика. (О предмете современной риторики см. фрагмент книги А.К.Михальской, приведенный в материалах для чтения.) Благодаря риторике проблематика речевого воздействия актуализировалась во всех филологических науках, в филологии как целом. Как слово обретает власть над человеком? как сделать так, чтобы эта сила слова пошла во благо человеку? обществу? — вот главные вопросы, появляющиеся здесь.

На основе взаимодействия лингвистики и литературоведения возрождаются и возникают **новые интегральные области** исследования и обучения. Назовем две важнейшие.

Во-первых, **общая филология**. Ее возрождение произошло в трудах Ю.В. Рождественского (1926—1999), С.И. Гиндина (р. 1945) и других отечественных ученых. Так, Ю.В. Рождественский обосновал положение о том, что общая филология изучает способы и формы применения языка в общественно-языковой практике. Если частная (русская, татарская, испанская и др.) филология описывает состав текстов на том или ином языке, их истолкование в прошлом и современное состояние, то общая филология обобщает данные частных филологий и дает «первоначальную ориентировку в океане текстов и ориентировку в принципах их исследования»⁶. Итак, «главный герой» общей филологии, по Рождественскому, — текст, независимо от сферы его существования (художественная, деловая, политическая, правовая, научная, бытовая и др.).

Во-вторых, **теория словесности**. В ее возрождении большую роль сыграли труды ряда отечественных филологов — А.И. Горшкова (р. 1923), Ю.И. Минералова (р. 1948), Т.Д. Венедиктовой (род. 1952) и др. А.И. Горшков, например, замечает, что теория

словесности изучает содержание произведения словесности и способов языкового выражения этого содержания⁷.

На этом фоне продолжается специализация знания в филологии и дифференциация научных дисциплин. В наше время началось интенсивное формирование **прикладной филологии**. В отличие от теоретической филологии она изучает способы решения практических задач, возникающих в языковой, литературной и коммуникативной жизни человека и общества. Эти задачи связаны с аналитико-экспертной деятельностью, филологическим обеспечением современных видов коммуникации — политической, правовой, рекламной, межкультурной, интернет-коммуникации и др.

Самопознание филологии. В настоящее время заметны различия в понимании филологии как отрасли гуманитарного знания. Эти различия имеют место в разных странах, в разных научных дисциплинах, научных школах. Они хорошо отражаются в терминологических и иных словарях. Сравним, например, толкования термина *филология* хотя бы в некоторых из словарей: «**Филология** <...> это слово обычно обозначает изучение литературы вообще, но более определенным образом <...> — изучение письменных памятников и той формы языка, с которой они нас знакомят, а в еще более специальном смысле — изучение текстов и их передачи, за исключением исследования языка, которым занимается языковедение <...>»⁸; «**Филоло́гия** <...> věda o jazuse a písemnictví národa; v. též spoj. (наука о языке и письменности народа (перевод мой. — А.Ч.); см. также сочетания): германская, романская, славянская ф.»⁹; «**Philology** <...> the study of language, esp. its history and development (Филология — исследование языка, особенно его истории и развития (перевод мой. — А.Ч.) »¹⁰; «...понятие (филологии. — А.Ч.) передает обычно общность двух наук — литературоведения и лингвистики, в узком же смысле обозначает текстологию и критику текста»¹¹.

В развитии процессов самопознания филологии на новейшем этапе ее существования фундаментальную роль играет труд Г.О. Винокура «Введение в изучение филологических наук», впервые (в военные годы!) прочитавшего одноименный курс студентам. Книга написана более 50 лет назад и впервые

опубликована в 1981 г. (переиздание — 2000 г.). Филология в книге ученого рассматривается с разных сторон — как изучение языка, обработка текста, история национальной культуры, «момент» в научной работе и др. Идеи Г.О. Винокура получили развитие в сочинениях ряда современных отечественных авторов (С.И. Гиндина, А.А. Чувакина и др.).

Итак, в современной филологии как совокупности гуманитарных наук и научных дисциплин, изучающих естественный язык, текст и *homo loquens*, существует междисциплинарное (= общефилологическое) ядро знания. Так появляется второе основание для признания филологии самостоятельной отраслью в системе гуманитарных наук.

¹ Ф.А. Вольф. Очерк науки о древности: пер. с нем. СПб., 1877.

² Хализев Е.В. Теория литературы. М., 2000. С. 79, 155, 212.

³ Эко У. Сказать почти то же самое. Опыты о переводе. СПб., 2006. С. 16.

⁴ Лейдерман Н.Л., Липовецкий Н.М. Русская литература XX века (1950—1990-е годы): в 2 т. М., 2008. Т.1. С. 105—115.

⁵ Барт Р. Система моды. Статьи по семиотике культуры. М., 2003. С. 473.

⁶ Рождественский Ю.В. Введение в общую филологию. М., 1979. С. 15.

⁷ Горшков А.И. Русская словесность: от слова к словесности. М., 1996. С. 17.

⁸ Марузо Ж. Словарь лингвистических терминов. М., 1960. С. 326.

⁹ Rusko-český slovník lingvistické terminologie. Praha, 1960. S. 287.

¹⁰ Cambridge International Dictionary. Camb. Univ. Press, 2001. P. 1057.

¹¹ Литературная энциклопедия терминов и понятий. М., 2003. С. 476.

ВОПРОСЫ И ЗАДАНИЯ

- Назовите задачи, объединяющие классическую, библейскую и восточную филологию в период их возникновения и первоначального развития. Какие задачи различают эти три направления филологии?
- Найдите в энциклопедических словарях материалы, рассказывающие о возникновении национальной филологии — русской,

татарской, бурятской, якутской, английской, болгарской и др. (по вашему выбору). Когда они возникают? Каковы их достижения? Назовите крупных ученых в каждой из национальных филологий.

- Какие идеи Ф.А. Вольфа нашли свое отражение в понимании современной филологии, предложенном в учебном пособии?
- Чем объясните, что становление филологических наук связано со сравнительно-историческими исследованиями в гуманитарном знании? Аргументируйте факт объективности процессов дифференциации в филологии середины XIX — середины XX в.?
- Что такое междисциплинарное ядро знаний в филологии? Каково его значение для развития филологических наук? филологии как отрасли гуманитарного знания?
- Какие процессы в науке и культуре вызвали складывание новейшей филологии?
- В чем отличия филологии на новейшем этапе ее развития от «новой филологии»? С чем они связаны?
- Какие изменения претерпевает общefилологическое ядро филологического знания на современном этапе развития филологии?
- В двух-трех энциклопедических словарях найдите словарные статьи «филология». Сопоставьте их содержание. Что общего между ними? Какие различия отметили? Попробуйте объяснить их.

МАТЕРИАЛЫ ДЛЯ ЧТЕНИЯ

М.М. Бахтин. Проблемы творчества Достоевского

Глава V

СЛОВО У ДОСТОЕВСКОГО

1. ТИПЫ ПРОЗАИЧЕСКОГО СЛОВА.

СЛОВО У ДОСТОЕВСКОГО

<...> мы имеем в виду слово, то есть язык в его конкретной и живой целокупности, а не язык как специфический предмет лингвистики <...>.

Диалогические отношения <...> внелингвистичны. Но в то же время их никак нельзя оторвать от области слова, то есть от языка как конкретного целостного явления. Язык живет только в диалогическом общении пользующихся им. Диалогическое общение и есть подлинная сфера *жизни* языка. Вся жизнь языка, в любой области его употребления (бытовой, деловой, научной, художественной и др.), пронизана диалогическими отношениями. Но лингвистика изучает сам «язык» с его специфической логикой в его *общности*, как то, что *делает возможным* диалогическое общение, от самих же диалогических отношений лингвистика последовательно отвлекается. Отношения эти лежат в области слова, так как слово по своей природе диалогично, и поэтому должны изучаться металингвистикой, выходящей за пределы лингвистики и имеющей самостоятельный предмет и задачи.

Диалогические отношения не сводимы и к отношениям логическим и предметно-смысловым, которые *сами по себе* лишены диалогического момента. Они должны облечься в слово, стать высказываниями, стать выраженными в слове позициями разных субъектов, чтобы между ними могли возникнуть диалогические отношения.

«Жизнь хороша». «Жизнь не хороша». Перед нами два суждения, обладающие определенной логической формой и определенным предметно-смысловым содержанием (философские суждения о ценности жизни). Между этими суждениями есть определенное логическое отношение: одно является отрицанием другого. Но между ними нет и не может быть никаких диалогических отношений, они вовсе не спорят друг с другом (хотя они и могут дать предметный материал и логическое основание для спора). Оба этих суждения должны воплотиться, чтобы между ними или к ним могло возникнуть диалогическое отношение. Так, оба этих суждения могут, как теза и антитеза, объединиться в одном высказывании одного субъекта, выражающем его единую диалектическую позицию по данному вопросу. В этом случае диалогических отношений не возникает. Но если эти два суждения будут разделены между двумя разными высказываниями двух разных субъектов, то между ними возникнут диалогические отношения.

«Жизнь хороша». «Жизнь хороша». Здесь два совершенно одинаковых суждения, по существу, следовательно, одно-единственное суждение, написанное (или произнесенное) нами два раза, но это «два» относится только к словесному воплощению, а не к самому суждению.

Правда, мы можем говорить здесь и о логическом отношении тождества между двумя суждениями. Но если это суждение будет выражено в двух высказываниях двух разных субъектов, то между этими высказываниями возникнут диалогические отношения (согласия, подтверждения).

Диалогические отношения совершенно невозможны без логических и предметно-смысловых отношений, но они не сводятся к ним, а имеют свою специфику.

Логические и предметно-смысловые отношения, чтобы стать диалектическими, как мы уже сказали, должны воплотиться, то есть должны войти в другую сферу бытия: стать словом, то есть высказыванием, и получить *автора*, то есть творца данного высказывания, чью позицию оно выражает.

Всякое высказывание в этом смысле имеет своего автора, которого мы слышим в самом высказывании как творца его. О реальном авторе, как он существует вне высказывания, мы можем ровно ничего не знать. И формы этого реального авторства могут быть очень различны. Какое-нибудь произведение может быть продуктом коллективного труда, может создаваться преемственным трудом ряда поколений и т.п., — все равно мы слышим в нем единую творческую волю, определенную позицию, на которую можно диалогически реагировать. Диалогическая реакция персонифицирует всякое высказывание, на которое реагирует.

Диалогические отношения возможны не только между целыми (относительно) высказываниями, но диалогический подход возможен и к любой значащей части высказывания, даже к отдельному слову, если оно воспринимается не как безличное слово языка, а как знак чужой смысловой позиции, как представитель чужого высказывания, т.е. если мы слышим в нем чужой голос. Поэтому диалогические отношения могут проникать внутрь высказывания, даже внутрь отдельного слова, если в нем диалогически сталкиваются два голоса (микродиалог, о котором нам уже приходилось говорить).

С другой стороны, диалогические отношения возможны и между языковыми стилями, социальными диалектами и т.п., если только они воспринимаются как некие смысловые позиции, как своего рода языковые мировоззрения, т.е. уже не при лингвистическом их рассмотрении.

Наконец, диалогические отношения возможны и к своему собственному высказыванию в целом, к отдельным его частям и к отдель-

ному слову в нем, если мы как-то отделяем себя от них, говорим с внутренней оговоркой, занимаем дистанцию по отношению к ним, как бы ограничиваем или раздваиваем свое авторство.

В заключение напомним, что при широком рассмотрении диалогических отношений они возможны и между другими осмысленными явлениями, если только эти явления выражены в каком-нибудь *знаковом* материале. Например, диалогические отношения возможны между образами других искусств. Но эти отношения выходят за пределы металингвистики.

Главным предметом нашего рассмотрения, можно сказать, главным героем его будет *двуголосое слово*, неизбежно рождающееся в условиях диалогического общения, т.е. в условиях подлинной жизни слова. <...>

Цит. по: *Бахтин М.М. Проблемы поэтики Достоевского / / Бахтин М.М. Проблемы творчества Достоевского. Киев, 1994. С. 395, 397–399.*

А.К. Михальская. Основы риторики. Определение современной риторики

<...> § 14. Теперь у нас есть некоторые основания для того, чтобы попытаться найти определение современной риторики.

Риторика — это теория и мастерство целесобразной, воздействующей гармонизирующей речи.

Проанализируем наше определение, чтобы оно стало окончательно ясным.

Мы говорим о риторике и как о теории, и как о мастерстве, так как риторическая теория возникла в древности и развивается до сих пор именно как обобщение мастерства красноречия в широком смысле этого слова, т.е. осмысление риторической практики. Немного найдется дисциплин, столь явно воплощающих классическое античное единство ремесла и искусства, мастерства и науки.

Целесобразность речи — ее соответствие цели говорящего (оратора) или, выражаясь языком современной науки, его речевому намерению. Целесобразность понимается как основное требование к риторическому произведению, как основной закон успешной речи еще со времен Аристотеля.

Столь же непременным свойством хорошей речи является сила ее воздействия на адресата. Риторически грамотная речь никогда и никого не оставит равнодушным — она пробудит ум и чувства, ratio и intuition, склонит слушателя сперва прислушаться, благосклонно и заинтересованно, а затем заставит всей душой принять ту картину мира, которую предложит ему говорящий. Такая речь способна не только побудить к согласию или исторгнуть слезы, но и подвигнуть людей на активные действия, а иногда и заставит полностью изменить образ жизни и мировосприятие.

И целесообразность речи, и способность ее воздействовать на слушателя определяются умением строить и вести речь по законам адресата, в соответствии с особенностями аудитории, с законами восприятия. Риторика, равно и древняя, и современная, относится к адресату с постоянным пристальным вниманием. Риторически грамотная (целесообразная, воздействующая) речь должна быть скроена по мерке адресата, как платье по мерке заказчика, иначе успешной она не будет. Значит, из двух главных участников общения (говорящий и слушающий) определяющая роль, как это ни парадоксально, принадлежит второму. Каждому ясно, что с первоклассником и министром просвещения по-разному надо говорить о проблемах образования, однако на практике мы видим часто иное. У нас сейчас редки ораторы, которые хотя бы относительно верно могли оценить аудиторию для эффективного воздействия на нее, и столь же немногие умеют вести себя верно в беседе, руководствуясь правильным представлением о собеседнике, понимая его особенности и потребности, ориентируясь на него. Фактически утрачена связь говорящего с теми, к кому обращена речь.

Целесообразная и воздействующая речь — это речь эффективная. Ясно, что для нашего определения риторики важно понять, что такое эффективность речи и речевого общения.

До последнего времени, опираясь на теорию информации и теорию коммуникации, специалисты по речевому общению склонны были считать эффективным (успешным) такое общение, при котором потери информации в процессе ее передачи от говорящего к слушателю минимальны. Вернемся к оценке эффективности речевого общения (50% без специальной подготовки): эта оценка сделана именно на основании информационного подхода. Итак, получается, что чем меньше по-

мех и потерь при передаче информации, тем успешнее общение, выше эффективность речи. Чтобы учесть, что человек все же отличается чем-то от компьютера, что у него есть чувства и эмоции, что он всегда оценивает действительность, стали различать три типа информации, передаваемой речью: понятийно-логическую, оценочную (+ или –), эмоциональную. Выходит, что если слушатель верно «расшифровал» информацию всех трех типов, присутствующую в общении говорящего, то общение между ними успешно (эффективно), а речь, соответственно, эффективна в том случае, если хорошо обеспечивает правильную расшифровку.

Рассмотрим, однако, следующую ситуацию, которая, несмотря на давность, легко узнаваема и сегодня.

Молодой человек лет двадцати трех-четырёх, жиденький, бледный, с белокурыми волосами и в довольно узком черном фраке, робко и смешавшись, явился на сцену.

«Здравствуйте, почтеннейший! — сказал генерал, благосклонно улыбаясь и не вставая с места. — Мой доктор очень хорошо отзывается об вас; я надеюсь, мы будем друг другом довольны. Эй, Васька! (при этом он свистнул). Что ж ты стула не подаешь? Думаешь, учитель, так и не надо... Прошу покорно. У меня, почтеннейший, сын-с; мальчик добрый, со способностями, хочу его в военную школу приготовить. Скажу вам откровенно, мне не нужно, чтоб из моего сына вышел магистер или философ; однако, почтеннейший, я хоть и слава Богу, но две тысячи пятьсот рублей платить даром не стану...» Молодой человек все это время молчал, краснел, перебирал носовой платок и собирался что-то сказать... он чувствовал, что вся его [генерала] речь вместе делает ощущение, похожее на то, когда рукой ведешь по моржовой коже против шерсти (Герцен А.И. Кто виноват?).

В этой речевой ситуации вся информация, передаваемая говорящим адресату, расшифрована последним полностью — и понятийная, и оценочная, и эмоциональная. Однако общее ощущение от этой речи, появляющееся у слушателя — учителя, никак не дает возможности назвать результат общения успешным, а саму речь — эффективной, скорее напротив.

Современная риторика, отражая наиболее актуальную проблему речевого общения в современном мире — проблему обеспечения наилучшего взаимопонимания между людьми, кон-

структивного решения возникающих конфликтов, прежде всего решает задачу объединения участников общения. Поэтому как неперемное требование к успешной речи сегодня вводится еще одно условие — гармонизация отношений говорящего и адресата. Гармонизирующая речь — это, возможно, речь будущего; в настоящем она представляет собой скорее идеал, к которому нужно стремиться, но идеал вполне осознанный и реально значимый. Потому в наше определение риторики мы и включаем это насущное для всех нас сегодня понятие — понятие гармонии. Особенно важно, что гармонизирующая речь — это риторический идеал, сложившийся в истории отечественной культуры, характерный для русской речевой традиции (подробнее об этом речь пойдет ниже).

Итак, современная риторика — это теория и мастерство эффективной (целесообразной, воздействующей, гармонизирующей) речи.

Цит. по: *Михальская А.К. Введение / / Михальская А.К. Основы риторики: Мысль и слово. М., 1996. С. 32—34.*

М.Ю. Сидорова. Лингвистическая уникальность и лингвистическая банальность русского Интернета

<...> Никто не приходит в Интернет в двухмесячном возрасте и не погружается в виртуальный мир настолько, чтобы полностью утратить нужду в мире реальном и контакт с этим окружающим миром (речь не идет об отдельных патологических случаях, не являющихся предметом нашей науки). Усваивая новые речевые навыки, необходимые для общения в сетевом пространстве, человек «накладывает» их на уже имеющиеся навыки внесетевого общения. Модели коммуникации, опосредованной и не опосредованной компьютером, начинают взаимодействовать в его сознании. Проникновение особенностей сетевой речи во внеинтернетовские письменные и устные тексты (например, использование смайликов в школьных сочинениях, на которое жалуются учителя) сразу привлекает внимание потому, что это проникновение спорадическое: отдельный инородный элемент, отступление от нормы резко выделяется на фоне жанрового или стилевого стандарта. Именно поэтому первые лингвистические исследования Рунета фокусируются

на том новом, что возникло в русской речи в сетевом пространстве. Обратное влияние — отражение в компьютерной коммуникации языковых явлений, существовавших и существующих до и помимо Интернета, — гораздо более объемно, оно само собой разумеется и в результате хуже описано. А ведь даже причина широкого распространения таких жанров межличностной коммуникации, как форумы и чаты, лежит не только в удобстве электронной формы общения, но и в укорененности этих жанров в досетевом языковом сознании, в наличии у русских людей потребности в разнообразных формах свободной, неформальной дискуссии, беседы, болтовни и в существовании в русском языке широкого диапазона средств, обеспечивающих эти жанры (разнообразные средства авторизации и адресации, выражения оценки, аргументации, побуждения, извинения и т.п.).

Отсюда должна вытекать идеология Интернет-русистики. Обращая внимание на то новое, что появилось в русской межличностной, политической, деловой, научной коммуникации, в нашей современной литературе с развитием компьютерных сетей, мы всегда будем помнить, что русский язык в Интернете — это лишь одна из форм существования русского языка, имеющего тысячелетнюю историю, уходящую в глубь веков письменную и литературную традицию, сложившуюся в течение столетий языковую систему и систему текстовых жанров. Потому и возможно научное изучение этой сферы русской речи, что у нас есть представление о языковых нормах, о стилистических характеристиках языковых единиц, об общих свойствах каждого уровня системы русского языка. Нет особого «языка Интернета» как некоторой формы реализации русской языковой системы, разновидности русского языка, обязательной для использования в мировой сети. В одних зонах и жанрах Интернета преобладает литературная кодифицированная речь, в других — внелитературная (жаргон, просторечие, антиорфография и т.п.), в одних коммуникация осуществляется по законам письменной речи, в других — по законам речи устной, но «переданной на письме». В одних текстах Интернета превалируют черты книжной речи, в других — языковые приметы разговорности, одни ориентированы на спонтанность, другие — на обработанность текста. Для пользования некоторыми жанрами и общения на некоторых территориях сети предполагается владение всей стилистической шкалой русского языка (высокий — нейтральный — сниженный стиль), для того чтобы уютно себя чувствовать в прочих жанрах и угол-

ках Рунета пользователю достаточно языковых средств сниженной стилистической окраски, в которых утопают элементы нейтрального стиля. Есть в Мировой Паутине и монолог, и диалог. Наконец, в Интернете представлены все традиционно выделяемые функциональные стили. И все перечисленные признаки: литературность (кодифицированность) / нелитературность, устная / письменность, монологичность / диалогичность, стилистическая ограниченность / стилистическая нейтральность, обработанность / спонтанность и др. — модифицированы сетевой формой осуществления речевой деятельности и существования языкового материала (текстов). Потому и возник на Западе термин «общение, опосредованное компьютером», гораздо лучше отражающий суть явления, чем пресловутый «язык Интернета». На весьма большом пространстве Рунета носитель русского языка может прекрасно существовать и решать свои коммуникативные задачи, не выходя за границы письменного литературного языка в его традиционном облике, не прибегая ни к каким специфическим знаковым ресурсам Интернета (ни к сетевому жаргону, ни к смайликам и другим графическим элементам, ни к сокращениям слов и т.п.). Другое дело, если носитель языка отправляется на территорию общения, заведомо чуждую нормам литературной речи и исповедующую иное отношение к языку (установку на неважность орфографии, приоритет сетевых традиций и правил над общезыковыми, упрощенность общения и словесного выражения). Но и здесь речь идет не об использовании какого-то иного, особого Интернет-языка, а просто

а) об иных фильтрах, которые применяются к реализованным и потенциальным возможностям русской языковой системы для отбора «подходящих» для данной сферы общения элементов, о снятии и добавлении определенных ограничений и разрешений на использование того или иного элемента плюс

б) о добавлении некоторых созданных компьютерной и сетевой формой способов выражения.

Виртуальное пространство, в котором происходит сетевое общение, создано человеком для себя, по человеческой мерке, ограничено пределами человеческого воображения и возможностей. А значит, глубинного противоречия между техническими новшествами «постгутенберговской эпохи» и особенностями языка и коммуникации, которые сложились до нее, нет.

Сегодня мы знаем о постгутенберговском человеке больше, чем в конце прошлого века, но по-прежнему недостаточно. Нестабильность междисциплинарных связей (прежде всего между лингвистикой и психологией) — одна из причин этого. Еще меньше знаем мы о русском постгутенберговском человеке: большая часть информации, которую можно извлечь из работ отечественных исследователей Интернета — нелингвистов, есть проекция на Рунет данных, полученных зарубежными коллегами при изучении англоязычной сети, и выводов, сделанных на основе этих данных. Выпадающие при этом из поля зрения такие языковые «частности», как разграничение в русском языке форм «ты» и «Вы» при обращении ко второму лицу, противопоставление по роду, выражаемое окончаниями глаголов в прошедшем времени и прилагательных, или, например, традиционная особая маркированность нецензурных, непечатных слов, не просто должны, как мы покажем далее, учитываться при перенесении интерпретаций англоязычного Интернета на Рунет, но и заставляют нас в некоторых случаях ограничить и существенно пересмотреть эти интерпретации.

Одна очевидная иллюстрация. Общим местом в рассуждениях специалистов по Интернет-коммуникации является постулирование анонимности общения в Интернете как источника неограниченных возможностей конструирования виртуального образа коммуниканта: «Анонимность общения в Интернете обогащает возможности самопрезентации человека, предоставляя ему возможность не просто создавать о себе впечатление по своему выбору, но и быть тем, кем он захочет, т.е. особенности коммуникации в Интернете позволяют человеку конструировать свою идентичность по своему выбору» (А.Е. Жичкина. Социально-психологические аспекты общения в Интернете, 1999). В самом деле, Интернет-коммуниканту, желающему в виртуальном пространстве жить под маской лица противоположного пола, чем его / ее реальный пол, на каком бы языке он / она ни писали, доступны языковые средства, позволяющие создать виртуальный образ, соответствующий тому или иному гендерному стереотипу. Но эти средства варьируются от языка к языку. Носителю английского языка гораздо проще осуществлять gender swar (виртуальную переменную пола) уже в силу того, что у него есть возможность строить тексты в прошедшем времени, не задумываясь о «предательских» окончаниях глаголов, которые часто выдают невнимательных русскоязычных Интернет-коммуникантов; писать о себе, не обращая внимания на форму прила-

гательного. Зато на почве русского языка открываются гораздо большие возможности изоэтранных гендерных мистификаций. Известны даже попытки делать записи в Интернет-дневнике «от среднего рода»: я было радо, я потянулось, я сносило это гордо и терпеливо и т.п. <...>

Цит. по: *Филология и человек. 2006. №1. С. 76—79.*

**Л.В. Щерба. Опыты лингвистического толкования
стихотворений / 1 /
II. «Сосна» Лермонтова в сравнении с ее немецким
прототипом / 2 /**

Целью и этого опыта толкования стихотворений является показ тех лингвистических средств, посредством которых выражается идейное и связанное с ним эмоциональное содержание литературных произведений. Что лингвисты должны уметь приводить к сознанию все эти средства, в этом не может быть никакого сомнения. Но это должны уметь делать и литературоведы, так как не могут же они довольствоваться интуицией и рассуждать об идеях, которые они, может быть, неправильно вычитали из текста. Само собой разумеется, что одного узколингвистического образования недостаточно для понимания литературных произведений: эти последние возникают в определённой социальной среде, в определённой исторической обстановке и имеют своих сверстников и предшественников, в свете которых они, конечно, только и могут быть поняты. Но плох и тот лингвист, который не разбирается в этих вопросах. <...>

В дальнейшем, путём подробного лингвистического анализа, я постараюсь показать, что лермонтовское стихотворение является хотя и прекрасной, но совершенно самостоятельной пьесой, очень далёкой от своего quasi-оригинала.

Ein Fichtenbaum steht einsam	На севере диком стоит одиноко
Im Norden auf kahler Höh!	На голой вершине сосна
Ihn schläfert, mit weisser Decke	И дремлет качаясь, и снегом сыпучим
Umhüllen ihn Eis und Schnee.	Одега, как ризой, она.
Er träumt von einer Palme,	И снится ей всё, что в пустыне далёкой,
Die fern im Morgenland	В том крае, где солнца восход,

Einsam und schweigend trauert Одна и грустна на утёсе горячем
Auf brennender Felsenwand. Прекрасная пальма растёт.

Fichtenbaum, что значит «пихта», Лермонтов передал словом *сосна*. В этом нет ничего удивительного, так как в русско-немецкой словарной традиции *Fichte* и до сих пор переводится через *сосна*, так же как и слово *Kiefer*, и обратно — *пихта* и *сосна* переводятся через *Fichte*, *Fichtenbaum* (ср. «Российский с немецким и французским переводами, словарь» Нордстета, 1780—82 гг.).

В самой Германии слово *Fichte* во многих местностях употребляется в смысле «сосна», и, по всей вероятности, Гейне под *Fichtenbaum* понимал именно «сосну». Для образа, созданного Лермонтовым, сосна, как мы увидим дальше, не совсем годится, между тем как для Гейне ботаническая порода дерева совершенно неважна, что доказывает, между прочим, тем, что другие русские переводчики перевели *Fichtenbaum* *кедром* (Тютчев, Фет, Майков), а другие даже *дубом* (Вейнберг). Зато совершенно очевидно уже из этих переводов, что мужеский род (*Fichtenbaum*, а не *Fichte*) не случаен / 3 / и что в своём противоположении женскому роду *Palme* он создаст образ мужской неудовлетворённой любви к далёкой, а потому недоступной женщине. Лермонтов женским родом *сосны* отнял у образа всю его любовную устремлённость и превратил сильную мужскую любовь в прекраснодушные мечты. В связи с этим стоят и почти все прочие отступления русского перевода.

По-немецки психологическим и грамматическим подлежащим является стоящее на первом месте *Fichtenbaum*, которое, таким образом, и является героем пьесы. По-русски *сосна* сделана психологическим сказуемым и, стоя на конце фразы, как бы отвечает на вопрос: «Кто стоит одиноко?» Ответ малосодержательный, так как ничего не разъясняет нам / 4 / ; но сейчас для нас это и неважно — важно только подчеркнуть, что у Лермонтова сосна лишена той действенной индивидуальности, которую она имеет в немецком оригинале как подлежащее. <...>

Из проделанного лингвистического анализа следует совершенно недвусмысленно, что сущность стихотворения Гейне сводится к тому, что некий мужчина, скованный по рукам и по ногам внешними обстоятельствами, стремится к недоступной для него и тоже находящейся в тяжёлом заточении женщине, а сущность стихотворения Лермонтова

— к тому, что некое одинокое существо благодушно мечтает о каком-то далёком, прекрасном и тоже одиноком существе. <...>

1. См. «Русская речь», I, изд. Фонетического ин-та, 1923, где помещен первый опыт — «Воспоминание» Пушкина.

2. В основе настоящей статьи лежит доклад, сделанный мною впервые в иностранной секции Общества изучения и преподавания языка и словесности в 1926 г.

3. На это мимоходом обратил внимание Потебня («Из записок по теории словесности», 1905, с. 69) и более подробно, хотя, по-моему, не очень удачно, Берлин («Сочинения М.Ю. Лермонтова», ч. I, 1912, с. 132) (очень интересное с педагогической точки зрения издание избранных сочинений Лермонтова с подробными комментариями и объяснениями, к сожалению забытое и, к еще большему сожалению, не нашедшее подражателей).

4. Нужно, впрочем, сказать, что отсутствие в русском языке неопределённого члена делает невозможным сделать из сосны индивидуальность, которая нужна для образа: «Сосна стоит одиноко на голой вершине» нельзя сказать, так как это значило бы, что сосна растёт одиноко на голых вершинах; сказать «некая сосна» нельзя, так как это говорит несколько больше, чем даже немецкий текст, и стилистически не подходит. Лучше всего было бы сказать «одна сосна», как мы говорим: «один доктор рассказывал нам», «одна старушка, живущая в этом доме, приходит к нам» и т.п. Однако всё же «одна сосна» звучит несколько двусмысленно ввиду непривычности индивидуализации неодушевлённых предметов: «один стол стоял в комнате» может значить только, что в комнате, кроме стола, ничего не было.

Цит. по: *Щерба Л.В. Избранные работы по русскому языку. М., 1957. С. 97, 98—99, 104.*

Глава 3. ЯЗЫК КАК ОБЪЕКТ СОВРЕМЕННОЙ ФИЛОЛОГИИ

3.1. Почему естественный язык является объектом современной филологии?

Естественный человеческий язык всегда был в центре внимания филологии. В XX в. он признается объектом филологии.

Характерна позиция Ф. де Соссюра (1857—1913) — одного из величайших лингвистов XX столетия, который сформулировал значимость языка для филологии в **традиционном** ее понимании. Рассматривая отношения филологии и лингвистики, ученый заявляет, что филология резко отличается от лингвистики: «Язык не является единственным объектом филологии: она прежде всего ставит себе задачу устанавливать, толковать и комментировать тексты. Эта основная задача приводит ее также к занятиям историей литературы, быта, социальных институтов и т.п. ...ее интересы лежат почти исключительно в области греческих и римских древностей». Язык востребован филологией для того, «чтобы сравнивать тексты различных эпох, определять язык, свойственный данному автору, расшифровывать и разъяснять надписи на архаических или плохо известных языках». В лингвистике же «язык представляет собою целостность сам по себе...»¹.

Признание языка объектом филологии (точнее, одним из объектов) Соссюр связывает с теми задачами, которые стоят перед филологией как наукой о древностях, т.е. перед филологией в традиционном смысле.

Обратимся к **современной** филологии. На современном этапе развития филологии **сохраняется задача изучения древних**

текстов — в классической и национальной филологии (в последней — при исследовании языка и литературы древних периодов), при работе с вновь находимыми текстами. Так, в XX в. в Египте были найдены многие древнегреческие документы, написанные на папирусе. Эти документы были утрачены уже в эпоху античности. Возникает папирология (др.-греч. *papyros* — вероятно, грецизированная форма древнеегипетского слова «царский») — вспомогательная историко-филологическая дисциплина, близкая к палеографии.

В XX в. сохраняется еще одна причина востребованности языка филологией: в сфере филологии находится **изучение языка художественной литературы и языка устного народно-поэтического творчества**. Язык есть первооснова («первоэлемент») литературы. Языки художественной литературы и устного народно-поэтического творчества имеют свою специфику в сравнении с общенародным языком: в основе языка художественной литературы лежит общенародный язык в его литературной форме; в основе же языка фольклора — диалект. Но несмотря на эти различия язык художественной литературы и язык фольклора — это язык: «...поэзия пишется не идеями, а словами» (Малларме).

Приведем пример. В «Словаре драматургии М. Горького» (Саратов, 1994. Вып. 2) зафиксировано употребление слова «мысль» в значении, которое отсутствует в толковом словаре, отражающем состояние лексики первой половины XX в. (Толковый словарь русского языка / под ред. Д.Н. Ушакова. М., 1938. Т. II): «мысль <...> — великие мысли (*перифраза*). *Политические идеи, связанные с социальным устройством общества*. Калмыкова [Шуре]. А я спрашиваю: ты способна серьезно отнестись к великому и опасному делу, к великим мыслям, ко всему, что перед тобой открывается? Это тебе нужно решить сразу и навсегда. Наступают решительные дни».

Этот и подобные факты демонстрируют возможности создания писателем контекстуального смысла слова, приращения смысла, совмещения значений в слове и др. Такие явления языка оказываются в поле интересов как лингвистики, так и литературоведения.

В XX в., особенно во второй половине, заметно развивается **специализация языка в разных сферах деятельности** — журналистике, рекламе, политике и др. Так возникают или развиваются наряду с языком художественной литературы и языком фольклора и иные разновидности языка — языки журналистики, рекламы, политики, права и т.д.

Например, на рубеже 1980-х—1990-х годов в России стала изучаться парламентская речь. Уже в то время сложились такие жанры парламентской речи, как официальный депутатский запрос, реплика, вопрос, информация, дискуссионное выступление и др. Традиционные жанры, например доклад, претерпевают определенные изменения. Так, в докладах первого Президента России Б.Н. Ельцина подчеркивается его собственное отношение к рассматриваемым проблемам: «До сих пор приватизация идет *медленно и уродливо*»; «Нам нужны *миллионы собственников*, а не *сотня миллионеров*»; «Как бы ни было трудно, национальное богатство России *свято и неразделимо!*». «Жанровое многообразие связано не столько с языковыми канонами, сколько со спецификой политической жизни в ее многоаспектном «человеческом измерении», — подчеркивается в коллективном труде «Культура парламентской речи» (М., 1994. С. 34).

Соответственно в филологии складываются новые научные дисциплины: политическая лингвистика, юридическая лингвистика, рекламоведение и др.

Кроме того, филология на современном этапе своего развития **сохраняет ответственность за решение проблемы понимания** — главной проблемы человеческого существования. Понимание в наше время осложняется многими факторами, связанными с языком. Укажем два из них.

Первый фактор: с конца XX — начала XXI в. идут небывало активные **процессы взаимодействия языков**, их более свободного «перемещения» в пространстве. Недаром с середины 1980-х годов в нашей стране ведутся дискуссии о роли англоязычного влияния на русский язык. В ходе дискуссий среди рядовых носителей языка, нередко политически ангажи-

рованных, выдвигается следующий тезис: не уничтожается ли этим влиянием русский язык как воплощение духа русского народа?

Приведенный «осложняющий» фактор требует более широкого изучения, чем собственно лингвистическое. Он требует обращения к широкому контексту существования и развития языка: важно понять и специфику культуры народа, и значимость художественной литературы в культуре. Англицизмы попадают преимущественно в те сферы современной русской речи, в которых соответствующие русские наименования отсутствуют или же являются международными. Так было всегда, например в период борьбы с иноязычными заимствованиями на рубеже XVIII—XIX вв. Известный государственный деятель того времени адмирал А.С. Шишков считал, что заимствования только вредят русскому языку. От своих противников он получил пародию на пропагандируемые им приемы словоупотребления: вместо фразы с рядом иностранных слов — *Франт идет из цирка в театр по бульвару в галошах* — приводился ее перевод в стиле Шишкова: *Хорошилице грядет по гульбищу из ристалища на позорище в мокроступах*.

С тех пор прошло много времени. Русский язык пережил не одно иноязычное влияние; но не только сохранился как русский, но и обогатился за счет средств других языков. Так и теперь. Приведем два текста. Их сопоставление продемонстрирует факт употребления иноязычных слов по необходимости (анализ читатель сможет провести самостоятельно):

1) *При установке программы Mail Reader мы подключили модуль дополнительной библиотеки редактора Word, и теперь вы можете перекодировать почтовые сообщения непосредственно в Word'e.*

Перед тем, как запустить редактор, еще раз скопируйте из почтовой программы в буфер обмена полученное вами сообщение от почтового робота в той кодировке, которая в вашей почтовой программе не читается. В этот раз мы его перекодируем в редакторе Word (Современный самоучитель работы в сети Интернет. Самые популярные программы. М., 2002. С. 195);

2) *Саша, парень лет двадцати пяти, худой, нескладный, на открытой галерее второго этажа сидит и слушает пение птиц. Астрахань, весна. Галерея старая, вокруг внутреннего двора старого дома. Часть ее была когда-то застеклена, облезлые рамы и сейчас на месте, но квадратики стекла уцелели лишь в двух-трех фрагментах орнамента. Красные шелудивые крыши, истоптанный, вдоль и поперек завешанный бельем двор, дерево акации. Там, внутри листвы, — две горлицы — вьюрр! вьюрр!* (В. Голованов. Тайный язык птиц // Новый мир. 2009. № 1. С. 7).

В то же самое время русские тексты активно переводятся на английский язык. Интересно, что в переводах, с точки зрения носителя русского языка, иногда допускаются неточности, приводящие к «приспособлению» российских реалий к реалиям страны, принимающей текст перевода. Это препятствует постижению смысла текста англоязычным читателем.

Приведем пример. При переводе предложения «*Ваньке что-то не очень нравилось в горбольнице...*» (В. Шукшин. Ванька Тепляшин) на британский английский и на американский английский обнаруживается следующая ситуация: русск. *горбольница* в обоих случаях переводится посредством англ. *city*. См.: *Somehow Vanka didn't like being in the city hospital* (американский вариант); *For some reason, Vanka didn't like the city hospital very much* (британский вариант). Однако значение англ. *city* в этих национальных вариантах английского языка различно. В американской культуре *city* используется для обозначения небольшого городка; в британской культуре *City* — крупный промышленный город (мегаполис).

Второй фактор: в процессах речевой коммуникации повышается роль посредников. Из таких посредников наиболее заметен в наше время Интернет. При решении проблемы понимания этот посредник требует нового обращения к филологии: язык Интернета — это еще один язык, прибавившийся к языку художественной литературы, политическому, деловому и др. В этом языке понимание обрывает своими трудностями. Одна из причин этих трудностей кроется в том, что на процессы интернет-коммуникации воздействуют нормы, принятые в

непосредственном (устном) и опосредованном (письменном) общении.

См. фрагмент разговора по «Скайпу» (разговаривают А. и Б.)

А. *Сегодня какой-то день столкновений: у меня знакомую машину на перекрестке сбила! Правда, слава Богу, все обошлось, она жива, руки-ноги целы, в себя приходит!*

Б. А у нас объявили, что пришла весна и все ТЭЦ переводятся на весенний режим (то, что ночью –28 – не считается)

А. Ничего себе!!

Вот это они дают!

Б. В квартире все же нормально (+18–20).

А. *Есть у нас в городе один очень нехороший перекресток – вот там ее и сбили, причем она переходила на зеленый дорожку, я сам там когда перехожу – смотрю не на свет светофора, а на наличие машин! Причем машина с места скрылась!*

Б. *Берегитесь...*

Впрочем, прорвемся: Солнце-то с нами!

А.: это точно!

Как и в случае непосредственного общения, в разговоре обсуждается несколько тем (каждая из тем выделена своим шрифтом). Однако параллельное обсуждение нескольких тем не мешает пониманию, если обсуждение ведется письменно (текст должен быть перед глазами) или если «вхождение» одной темы в другую не столь глубоко, как в приведенном материале. Наконец, порционная передача информации, «смайлик» – эти возможности предоставлены Интернетом.

Но дело не только в этом. Произведения художественной литературы, публикуемые в Сети, могут значительно отличаться от своих «бумажных» аналогов. Так, авторы произведений, публикуемых на сайте proza.ru под рубрикой «миниатюра», подводят под миниатюры тексты объемом и в 5–10 знаков, и в 10 тысяч знаков, тексты монологические, диалогические, прозаические и стихотворные. Приведем некоторые примеры.

- Краткая миниатюра:
Не заговаривай мне мои золотые зубы (Павел Ин. Роскошная ложь).

- В форме диалога:
 - Э-эх...
 - *Можно ли Вам помочь?*
 - *Если бы Вы помогли мне сделать что ни будь настоящее, своими руками.*

- *Именно это изначально делает — Бог.*
 - *Да-а?* (Сергей Одиниз. Диалоги).

- В стихотворной форме:
Последний выстрел глаз печальных —
— Дуплет через левое плечо.
И боль как тень. От слов прощальных
Расплавлен разум.

Го

ря

чо! (Дымок. Горячо).

Принадлежность приведенных текстов к жанру миниатюры в традиционном содержании этого понятия небесспорна.

Недаром литература, публикуемая в Сети, получает название Сетературы. «СЕТЕРАТУРА» — основанный на использовании письменности вид творчества, конечный продукт которого (произведение) может размещаться на разнесенных в пространстве узлах компьютерной сети, видоизменяться (редактироваться) во времени и быть доступным многим потребителям из разных мест одновременно» ([Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://slovar.lib.ru/dictionary/seteratura.htm>).

Итак, вопрос, поставленный в названии раздела, — почему язык является объектом современной филологии? — имеет несколько ответов: такова традиция; все науки, входящие в современную филологию, имеют дело с языком (впервые об этом сказано в главе 1); в современной филологии как целом существуют такие ключевые проблемы, связанные с языком, которые решаются только при совокупном усилии филологических наук.

3.2. Естественный человеческий язык как «духовная энергия народа», «дух народа» (В. фон Гумбольдт) и как система (Ф. де Соссюр).

Естественный язык как объект современной филологии

«Мы существуем... в языке и при языке», — пишет германский философ XX в. М. Хайдеггер (1889—1976). Именно поэтому язык — одно из наиболее сложных и трудно определяемых в науке явлений.

Для раскрытия сущности языка как объекта филологии оттолкнемся от понимания языка в лингвистике. Именно она, как писал Соссюр, постигает язык «вообще» т.е. язык как один из объектов действительности в его отношении к другим объектам.

Понимание языка в современной лингвистике восходит к идеям В. фон Гумбольдта (1767—1835) и Ф. де Соссюра (1857—1913), создавших два фундаментальных представления о языке.

По Гумбольдту, **«язык есть не продукт деятельности (ergon), а сама деятельность (energeia)»**. Это положение означает, что язык находится в постоянном движении: каждый человек, каждое поколение, пользуясь им, действует на него. Язык есть и нечто устойчивое, и в то же время постоянно меняющееся. Язык есть непрерывный творческий процесс. Признание этого положения делает возможным изучение языка в его употреблении, в развитии. (См. в приводимых ниже материалах для чтения фрагменты книги В. фон Гумбольдта.)

По Соссюру, **язык — это система знаков**. Всякий знак, утверждал Соссюр, имеет две стороны: внешнюю, т.е. означающее, и внутреннюю, т.е. означаемое. Это единство означающего и означаемого и есть знак. Например: слово *туман* как единство звукового или графического облика (означающее) и значения (означаемое). Система определяет внутреннее строение языка: все входящие в систему элементы оказываются связаны, а сама система составляет целое. Так, знаки языка находятся в отношениях синонимии, антонимии, омонимии и др. Признание этого положения создает возможность изучения языка в определенном состоянии, как «языковой техники».

Сложность природы языка состоит в том, что он есть и деятельность, и система знаков одновременно. Поэтому на основе идей Гумбольдта и Соссюра язык изучается как знаковая система в процессах ее «жизни». Такова ситуация в лингвистике.

Для филологии существенно такое понимание языка, которое служит всем филологическим наукам, а не только языкознанию.

И все же начнем с языкознания. Оно **выстраивает теоретическую картину естественного человеческого языка**, т.е. Языка в его употреблении (естественный человеческий язык как таковой написали с большой буквы: Язык). Главным в современной картине языка являются его функции — коммуникативная (функция общения) и др. На правах фрагментов этой картины находятся и характеристики языков художественной литературы, политики, права и других как разновидностей Языка. (См. в приводимых ниже материалах для чтения фрагменты книги французского ученого середины XX в. Э. Бенвениста.)

Обратимся к литературоведению. **Литературоведение видит в языке инструмент словесного творчества.**

«Быть инструментом» — это функциональная характеристика языка. В филологических и других гуманитарных науках язык часто квалифицируется как средство общения (ср. расхожее «определение»: язык — это важнейшее средство общения). В понятии инструмента, в отличие от понятия средства, подчеркнут момент активности. Функция «быть инструментом» выдвигает в общей характеристике языка его активное начало. Эта мысль, в сущности, и была высказана Гумбольдтом: «Язык не просто средство для понимания народа — это объединенная духовная энергия народа, чудесным образом запечатленная в известных, в определённых звуках». (В понятии «духовная энергия» кроется мысль о том, что язык — это не совокупность слов, предложений, правил их использования, а активная деятельность.)

В чем проявляется активное начало языка как инструмента словесного творчества?

Речь идет прежде всего о том, что **тот или иной предмет (вещь, признак, действие и т.д.), ситуация действительности могут быть обозначены разными словами и разными предло-**

жениями. Синонимы есть в Языке. См. пример лексических синонимов: *ровность — гладкость; ужиться — поладить*. См. синтаксические конструкции, обозначающие одну и ту же ситуацию: *Люблю тебя — Я люблю тебя*.

Для языка художественной литературы, особенно для языка поэзии, важно использование образных средств, присущих общенародному языку или созданных самим автором. См. из В. Маяковского: *Мама, у вашего сына пожар сердца*; из А. Ахматовой: *И Муза в дырявом платке / Протяжно поет и уныло*.

Главное, в чем проявляется активность языка художественной литературы, — это **способы сочетания языковых средств в тексте**. Приведем пример. Общеизвестно, что для передачи в тексте естественной человеческой речи в языке существуют конструкции с чужой речью — прямой, косвенной, несобственно-прямой и др. Приведем фрагменты рассказа В.М. Шукшина «Ванька Тепляшин»:

А мать уже стояла возле этого худого с красными глазами, просила его. Красноглазый даже и не слушал ее.

— Это ко мне! — издали еще сказал Ванька. — Это моя мать.

— В среду, субботу, воскресенье, — деревянно прокуковал красноглазый.

<...>

...но этот красноглазый придержал ее (мать. — А.Ч.).

— Назад.

— Да ко мне она! — закричал Ванька. — Ты что?

— В среду, субботу, воскресенье, — опять трижды отстукал этот... вахтер, что ли, как их там называют.

<...>

— Наз-зад, — как-то даже брезгливо сказал тот.

<...>

— Стигнеев! Лизавета Сергеевна!.. — закричал он. — Ко мне! Тут произвол! — И он, растопырив руки, как если бы надо было ловить буйнопомешанного, пошел на Ваньку. <...> Он оглянулся и опять закричал: — Стигнеев!

<...>

— Ко мне! — закричал красноглазый. И, растопырив руки, стал падать на Ваньку.

Здесь приведена вся речевая партия красноглазого. Взятая в отдельности, каждая из конструкций с прямой речью лишь передает «без изменений» высказывание человека. В тексте рассказа эти «командирские» высказывания даны сгущенно, плотно, сопряженно с описанием действий персонажа, с обозначением персонажа («красноглазый»: у кого в России глаза красные?!). Тем самым создается образ человека власти (= власть, по М. Фуко, есть множественность отношений силы), для которого люди — не люди.

Получается, что язык создает возможность конструировать в художественном тексте некий «возможный мир» — и «похожий» на реальную действительность, и совсем не «похожий» на нее. Обратите внимание на только что приведенные фрагменты из рассказа В.М. Шукшина: история, рассказанная писателем, и легко узнаваема, и в то же время представляет собой авторский вымысел. Эта история, даже если она и имела место в жизни, «вырвана» из ситуации реальной действительности, предстает обобщенной.

Наконец скажем еще об одном качестве языка художественной литературы. Используем для этого формулу А.А. Потебни (1835—1891): **«Говорить значит не передавать свою мысль другому, а только возбуждать в другом его собственные мысли»²**.

В первую очередь благодаря языку произведение художественной литературы становится, как отметил М.М. Бахтин, совокупностью факторов «художественного впечатления», т.е. создает и организует сферу чувственного (эстетического) восприятия человеком действительности.

Российский филолог середины XX в. Б.В. Томашевский писал: «Мы знаем, что настоящий писатель в своем творчестве равнодушен к формам языка <...>».

В языке выражается мысль писателя, его отношение к действительности; средствами языка он не только сообщает свой замысел читателю, но и воздействует на его чувства и воображение, заставляет его волноваться, сочувствовать, любить и ненавидеть, переживать с героями их радости и горести, осуждать или оправдывать их поведение, и этим писатель достигает своей цели: убедить читателя, заставить его поверить в правду изо-

бражаемого, обогатить его жизненный опыт и воспитать его для творческой деятельности»³.

Итак, со своей задачей «быть инструментом» язык справляется в самой сложной (самой «тонкой», собственно человеческой) сфере — в сфере словесного творчества. Напомним Гумбольдта: язык не *ergon*, но *energeia*. Напомним и Соссюра: в системе языка заложены необходимые средства и правила. Здесь сходятся позиции двух рассмотренных направлений в изучении языка в лингвистике. Поэтому появляется основание для постановки общего вопроса: что в языке существенно для всех филологических наук? Ответ на этот вопрос вытекает следующий: функциональная природа языка.

Для современных филологических наук плодотворно функциональное (лат. *functio* — исполнение) понимание языка.

Исследуя назначение языка, величайший лингвист XX в. Н. Хомский (р. 1928, США) заметил: «Язык решающим образом участвует в мысли, действии и социальных отношениях»⁴. Иначе говоря, язык обеспечивает практически все сферы жизни человека: без языка невозможно и общение, и сознание. Поэтому в науке о языке называются две основные функции языка: коммуникативная (лат. *communicatio*) — функция общения; когнитивная (лат. *cognitio*) — функция формирования мышления.

Для того чтобы язык мог выполнять свои предназначения, он оказывается насквозь функциональным: он и устроен и действует функционально.

Об устройстве языка. В языке как системе знаков имеются две основные единицы: слово и предложение.

Слово обозначает предмет, признак, действие и под., выделяя их из мира действительности как некие отдельности. См.: наиболее частотные знаменательные слова русского языка: *сказать, говорить, знать, год, большой, время, новый, самый, человек, люди*. Слово создает вокруг себя смысловое пространство, оно центр всех смысловых «токов», импульс смыслового развития текста.

По наблюдению Н.А. Кожевниковой (см.: Русский язык сегодня. М., 2000. Вып. 1. С. 530—539), некоторые из рассказов А.П. Чехова построены на основе образных параллелей: *жизнь* —

путь, мир — театр, мир — тюрьма, жизнь — сон. В этом плане оказывается сложно устроенным рассказ «Палата № 6», где слова *тюрьма* и *больница* стоят рядом, а мотив *больница — тюрьма* является сквозным.

Другой пример — бренд в одной из реклам: *Париж одевает женщин всего мира.* Под «чары» имени *Париж* попадает и рекламируемый товар, и фирма, и условия приобретения товара: такова сила действия имени города-символа. (См. в приводимых ниже материалах для чтения фрагменты статьи Р. Барта «Предисловие к словарю Ашетт».)

Предложение обозначает ситуацию (сложное предложение — «связку» ситуаций) как некоторый комплекс предметов, действий и др. См.: англ. *Here were books on the table*; русск. *На столе лежали книги* (1); англ. *I gave my mother a spoon*; русск. *Я дал матери ложку* (2); русск. *Полночь*; нем. *Mitternacht* (3). Вот эти ситуации: (1) предложение обозначает существование предмета; (2) — обозначает действие; (3) — состояние.

Ситуация может обозначаться кратко и развернуто, неполно и сверхполно. Ср. описание ситуаций в двух текстах:

- в повести А.С. Пушкина «Капитанская дочка»: *Я выглянул из кибитки: все было мрак и вихорь. Ветер выл с такой свирепой выразительностью, что казался одушевленным; снег засыпал меня и Савельича; лошади шли шагом — и скоро стали;*

- в повести С. Соколова «Школа для дураков»: *К пруду вели, по сути дела, все тропинки и дорожки, все в нашей местности. От самых дальних дач, расположенных у края леса, вели тонкие, слабые, почти ненастоящие тропинки.*

Проведите мысленный эксперимент: попытайтесь исключить из текста хотя бы одно слово, обозначающее компоненты ситуации. Из текста Пушкина это сделать, скорее всего, не удастся: в нем представлены только «опорные» компоненты ситуации, без них она разрушится. Из текста же С. Соколова исключение возможно: в результате ситуация не разрушается, но сильно обедняется ее представление и восприятие. Сказанное демонстрирует не преимущества того или другого автора, а способ подачи ситуаций в текстах: полный и сверхполный. Из предложений, пере-

дающих ситуации, создается текст. Какое значение имеет этот факт для текста в целом, с точки зрения производимого художественного впечатления, — вопрос другой. Предлагаем читателю на досуге задуматься над поставленным вопросом.

Язык в действии представляет собой механизм, производящий высказывание о человеке, предметах, явлениях, событиях и т.д.

В отличие от слова и предложения, которые существуют в языке как системе и «заданы» каждому говорящему (пишущему) и слушающему (читающему) системой языка, высказывание создается говорящим (пишущим) во имя слушающего (читающего) каждый раз заново, каждый раз в новой ситуации.

Это происходит, даже если говорящий и слушающий физически совпадают («Где это чертово электричество?!» — говорит сам с собой один из персонажей В. Катаева, не сумев найти выключатель). Это происходит и в случае, когда слушающий (читающий) воспринимает (= слушает, читает) текст: чтение (слушание) есть в конечном счете создание собственного текста — как результата восприятия текста чужого. Недаром, например, изложения одного и того же текста, написанные разными авторами (скажем, учениками в школе), различаются.

Что есть производство высказывания? Ответ на этот вопрос получим в ходе рассмотрения одного примера.

Допустим, в процессе разговора с каким-то человеком нам нужно узнать, который час. Производство высказывания проходит несколько этапов. Первый — это этап формирования мотива: высказывание создается в соответствии с потребностью. Например, это необходимость вовремя закончить разговор и перейти к другому делу — к разговору с другим человеком, успеть на занятие, на свидание и пр. Эта потребность может быть удовлетворена посредством некоторых действий, направленных на достижение цели. Цель — узнать, который час.

Каковы эти действия? Прежде всего это формирование смысла высказывания и выбор формы (жанра) высказывания, которым будет достигаться цель. Это может быть вопрос: *Который час? / Сколько времени? / Сколько время?* или просьба: *Скажи, который час.*

Далее следует ряд сложных действий, связанных с «оречевлением» смысла: избирается синтаксическая конструкция, лексика и другие языковые средства, они «соединяются», интонационно оформляются: высказывание произносится (записывается) и тем самым становится доступным слушающему (читающему). В процессе «оречевления» смысла и он, и само высказывание могут корректироваться (вспомните, как иногда при общении в чате или «Скайпе» приходится удалять отдельные слова, а иногда и целые, почти готовые высказывания).

Вернемся к нашему примеру. В зависимости от конкретной ситуации (кто с кем говорит, о чем говорит, в какой обстановке идет общение, с какой целью) высказывание приобретает тот или иной вид.

Решающий признак высказывания в отличие, например, от предложения, состоит в том, что высказывание, как подчеркнул М.М. Бахтин, *относится* к самому говорящему (пишущему) и слушающему (читающему). Это *отношение* проявляется уже в том, что из возможного ряда создает говорящий: *Который час? Сколько времени? / Сколько время?* или *Скажи, который час;* и др.; на какого слушающего (читающего) ориентируется высказывание, — например, на товарища, подругу, человека, значительно отличающегося от говорящего по возрасту, социальному статусу, на случайного человека и пр.

Итак, производство высказывания представляет собой процесс, в ходе которого в данной конкретной ситуации в рамках определенной жанровой формы создается словесное единство, ориентированное на участников речевого общения. (См. в приводимых ниже материалах для чтения фрагменты книги М.М. Бахтина «Автор и герой. К философским основам гуманитарных наук». В этих фрагментах раскрываются характеристики высказывания.)

Почему выделяют два класса основных единиц языка? Для ответа на этот вопрос вернемся к началу главы. При рассмотрении сущности языка в лингвистике было отмечено, что оба понимания языка — Гумбольдта и Соссюра — находятся в отношениях дополнительности, так как каждое из них раскрывает только одну из граней языка как объекта действительности.

Поэтому язык как система имеет свои основные единицы (слово и предложение), язык в действии — свою (высказывание).

Наконец, различим **высказывание и текст**. Английский лингвист второй половины XX в. М.А.К. Хэллидей заметил: «Текст — это язык в действии». Если это так, то текст и высказывание — «одно и то же». Однако различия между ними все же имеются. Они определяются тем, в какой системе изучается объект. Если текст рассматривается с точки зрения его *производства*, то он изучается как высказывание.

3.3. Естественный язык и другие знаковые системы

Язык является одной из знаковых систем, но систем особого рода. Считается, что язык — это универсальная знаковая система: посредством языка можно выразить *в принципе* любое содержание. Это не означает, что естественный язык может передать все оттенки содержания, например, музыкального произведения или даже, казалось бы, одной из самых простых вещей — цвета. Известная ограниченность языка чувствуется и литераторами. См. строки из стихотворения С.Есенина (выделено мною. — А.Ч.):

...Я хотел бы опять в ту местность,
Чтоб под шум молодой лебеды
Утонуть навсегда в неизвестность
И мечтать по-мальчишески — в дым.

**Но мечтать о другом, о новом,
Непонятном земле и траве,
Что не выразить сердцу словом
И не знает назвать человек.**

Однако нередко в процессе общения человек прибегает к помощи иных знаковых систем, иных «языков» (далее употребляется без кавычек). Обычно они группируются в несколько классов. Укажем основные.

1) **Международные искусственные языки**. Наиболее известен язык **эсперанто**. Он изобретен польским врачом Заменго-

фом во второй половине XIX в. Свое название язык получил по псевдониму изобретателя: *эсперанто* — *надеющийся*. В наше время на эсперанто издается литература, а также Интернет-газета, работает новостное радио; на одном из сайтов размещены песни на эсперанто.

2) **Символические языки науки.** Эти языки объединяют формулы математики, химии, лингвистики и других наук и правила их составления и использования.

3) **Языки программирования.** Это языки, которые предназначены для записи компьютерных программ.

Названные в группах 1–3 языки (искусственные знаковые системы) используются в коммуникативных целях, но в ограниченных сферах. По принципу искусственных языков в художественной литературе писателями изобретаются языки несуществующих (вымышленных) народов. Таков, например, эльфийский язык в романах Дж. Толкиена (1892–1973).

4) **Параязыки** (др.-греч. приставка *para* — около). Под понятие параязыка подводятся звуковые и графические средства: тембр, темп, громкость, мелодика, особенности произношения, тип почерка, шрифта, размер буквы, цвет, подчеркивание и др. Речь идет о средствах сверхнормативных с точки зрения языка как системы, а потому факультативных. Так, например, в рекламе название рекламируемого товара может быть обозначение при помощи средств параязыка: **МУКА / МУКА / мука** и др.

5) **Кинетические средства** (др.-греч. *kinētikos* — приводящий в движение): язык тела и его частей (более узко — язык жестов). Общеизвестный пример из русской коммуникативной культуры: кивок означает согласие. Особенности невербального поведения человека описаны Г.Е. Крейдлиным (Невербальная семиотика: Язык тела и естественный язык. М., 2004). Приведем один пример из его работы. О значении жеста *палец у виска*: в немецкой культуре — *человек несколько не в себе*; в некоторых африканских культурах — *погрузился в размышления*; во Франции: человек, о котором говорят: *глупый*, в Голландии, наоборот, — *умный* («обладает интеллектом»).

Функции языков 4-й и 5-й групп многообразны: они используются для усиления экспрессии высказывания (4), как его

замена (5). Например: *при обращении к ребенку: — Беги ко мне! (с протянутыми к слушающему руками) (4); — Едем? — В ответ только кивок (5).*

К числу знаковых относят также сложные знаковые системы, которые называют **знаковыми системами культуры** («художественные семиотики»). Это языки художественной литературы, фольклора, танца, музыки, скульптуры, графики, кино, фотографии и др. Их специфика состоит в том, что выраженное ими содержание выступает основой, которая наполняется смыслом, или, говоря языком семиотики, означающее знака выступает означаемым нового знака — из сферы художественной семиотики. Так, герой повести Н.В. Гоголя «Шинель» Акакий Акакиевич Башмачкин на 2 / 3 изъясняется предложениями неполными, прерванными, местоименными, междометными, состоящими из служебных слов и под. См. диалог Акакия Акакиевича с портным:

— А я вот к тебе, Петрович, того...

Нужно знать, что Акакий Акакиевич изъяснялся большею частью предложениями, наречиями и, наконец, такими частицами, которые решительно не имеют никакого значения. Если же дело было очень затруднительно, то он даже имел обыкновение не оканчивать фразы, так что весьма часто, начавши речь словами: «Это, право, совершенно того...», а потом уже и ничего не было, и сам он забывал, думая, что все уже выговорил.

— Что ж такое? — сказал Петрович...

— А я вот того, Петрович... видишь шинель-то, сукно... вот видишь, везде в других местах совсем крепкое, оно немножко запылилось, и кажется, как будто старое, а оно новое, да вот только в одном месте немного того... на спине, да еще вот на плече одном немного попротерлось, да вот на этом плече немножко — видишь, вот и все. И работы немного...

Неполнозначность слов, составляющих основу речевой партии персонажа, в данном случае есть знак безгласного чиновника.

Произведения художественной литературы, публицистики и другие при «перенесении» их в кинофильм, на телевизионный экран, на театральные подмостки видоизменяются, так как их

язык начинает жить по законам жизни соответственно «языков» кино, телевидения, театра. Поэтому обязательно происходят изменения в языке, иногда еле уловимые.

Сравните фрагменты двух текстов:

(1) *...а несчастный статский советник и вовсе окаменел;*

(2) *ЭП сидит, будто костыль проглотил.*

Фрагмент (1) извлечен из романа Б. Акунина «Статский советник». Здесь внешнее положение героя передается через метафору *окаменел*, призванную усилить впечатление от внутреннего дискомфорта героя (с чем связано добавление частицы *вовсе*), произвести художественный эффект.

В тексте киносценария (2) используется иная метафорическая конструкция: *будто костыль проглотил*, которая сохраняет все функции метафоры *окаменел*, но обладает большей «наглядностью», а это-то и нужно в киносценарии — как указание актеру.

3.4. Аспекты изучения языка в филологических науках

Вновь вернемся к приведенному в разделе 3.1 суждению Ф. де Соссюра, согласно которому признание языка одним из объектов филологии предполагает, что в филологии и в лингвистике различаются и понимание языка и задачи его изучения.

Филология как совокупность гуманитарных наук и научных дисциплин рассматривает язык как объект филологии, т.е. изучает в языке то общее, что существенно для всех филологических наук. Это общее — функциональная природа языка, его устроенность и механизмы действия, место в совокупности знаковых систем и его способность взаимодействовать с ними. Этими своими сторонами язык обращен к другим объектам филологии — к тексту и *homo loquens*. (См. в приводимых ниже материалах для чтения фрагменты книги Р. Якобсона.)

Каждая из филологических наук имеет свои задачи изучения языка.

Лингвистика изучает язык в его целостности, т.е. как один из объектов действительности, в отношениях к другим объектам

действительности. Для **литературоведения язык значим как инструмент словесного творчества.**

Тесные связи лингвистики и литературоведения поддерживаются в современной науке **семиотикой** (от греч. *sēmeiōtikē* — учение о знаках). Дело в том, что и язык, и созданные посредством языка тексты, и произведения художественной литературы и народного устно-поэтического творчества представляют собой знаковые системы.

Существует раздел семиотики, изучающий язык, который, с точки зрения семиотики, есть универсальная знаковая система, взаимодействующая с другими знаковыми системами.

Существует раздел семиотики, который изучает литературу (художественную литературу и фольклор), — это литературная семиотика.

Так к концу XX в. складываются семиотика языка и семиотика литературы. В семиотическом изучении языка и литературы оказалось принципиально общим признание того, что и язык, и литература «живут» в действии. Семиотика языка и семиотика литературы образуют направление, которое носит название **гуманитарной** (лат. *humanitas* — человеческая природа; образованность, духовная культура) **семиотики.**

Гуманитарная семиотика выделяется в противоположность логико-математической семиотике и служит одним из интегрирующих начал в современной филологии. Она позволяет увидеть не только знаки языка и литературы, но и текст как сложный знак (знаковую последовательность). Соответственно семиотическое изучение языка и литературы выводит их за пределы филологии — в широкий круг гуманитарных наук.

¹ Соссюр Ф. де. Труды по языкознанию. М., 1977. С. 39—40, 48.

² Потебня А.А. Эстетика и поэтика. М., 1976. С. 541.

³ Томашевский Б.В. Стих и язык. М.-Л., 1959. С. 325.

⁴ Хомский Н. Язык и проблемы знания // Вестник Моск. ун-та. Сер. 9: Филология. 1995. № 4. С. 132.

ВОПРОСЫ И ЗАДАНИЯ

- Почему естественный язык является объектом современной филологии?
- Одинаково ли отношение языка к литературе и к сетенатуре? Ответ аргументируйте. (Понятие литературы можно заимствовать из учебников по введению в литературоведение, из энциклопедических изданий.)
- Приведите фактический материал из русского (родного), изучаемых вами иностранных языков в пользу понимания языка, предложенного Ф. де Соссюром.
- Приведите фактический материал из русского (родного), изучаемых вами иностранных языков в пользу понимания языка, предложенного В. фон Гумбольдтом.
- Докажите утверждение: «Сложность природы языка состоит в том, что он есть и деятельность и система знаков одновременно». Не обнаружены ли факты, которые противоречат этому суждению?
- В чем состоит значимость Языка для языкознания? для литературоведения?
- Тезис «Говорить значит не передавать свою мысль другому, а только возбуждать в другом его собственные мысли» (А.А. Потебня) раскрывает проблему говорения / понимания применительно только к художественной коммуникации? или и к другим ее видам? Приведите фактический материал pro et contra.
- В чем заключается сущность функционального понимания языка? Почему оно плодотворно для филологии?
- Каковы точки соприкосновения *языка как системы* и *языка в действии*?
- Из своего коммуникативного опыта приведите примеры взаимодействия языка с другими знаковыми системами.
- Что в языке изучает лингвистика? литературоведение?
- Что такое семиотика? гуманитарная семиотика?
- Определите язык как объект современной филологии.

МАТЕРИАЛЫ ДЛЯ ЧТЕНИЯ

Р. Барт. Предисловие к «Словарию Ашетт»

Что может быть благоразумнее, чем словарь? Он информирует, дает сведения, даже учит, если взять на себя труд его читать, а не только заглядывать в него для справок; без долгих речей, без пустой риторики он строго, демократично, каждому желающему выдает знание. И однако же эта крепко сбитая, даже в чем-то упрощенная вещь (если учесть, из какого сложнейшего сплетения фактов, понятий, материй состоит мир) молчаливо ставит перед нами (нет ничего менее болтливого, чем словарь) важнейшие, острейшие, быть может даже самые головокружительные проблемы, которые дано знать и обсуждать человеческому уму.

Первая из них связана с бесконечностью слов в языке. Никто не знает, из скольких слов состоит французский язык. Язык меняется с каждой минутой, в каждом новом месте, по ходу произнесения бесчисленных новых речей; иногда такое новое слово (или даже не новое, а просто «перевранное» старое) разносится, распространяется, «приживается», его можно уловить и ввести в словарь (возможно, впрочем, что оно оттуда скоро исчезнет). Словарь непрерывно борется с временем и пространством (социальным, региональным, культурным), но всякий раз терпит поражение; жизнь всегда шире и быстрее, она берет верх — не над языком, а над его кодификацией. Поэтому требуются все новые и новые словари. Поэтому также при создании каждого нового словаря вновь возникает идея «главного»: коль скоро все множество слов необъятно, зафиксируем какой-нибудь релевантный уровень (в зависимости от специальности словаря или читательской аудитории), который избавит нас от тревожной бесконечности и позволит создать словарь законченный в силу отборности своего словника; возможность работать с ним — великое облегчение; но не будем обманываться — он составляет лишь небольшую надводную часть айсберга. Во всяком случае, зная это, мы можем разглядеть в скромном предмете, который многие считают лишь простым справочным инструментом, главную загадку вселенной — ее бесконечность или, пользуясь не столь метафизическим словом, ее *неуловимость*.

Теперь второй источник головокружения. Мы собрали слова, дали им дефиниции — получается словарь. Мы собрали вещи (разумеется, обладающие именами), дали им описание — получается энциклопедия. Иногда, как в настоящем словаре, обе операции сочетаются вместе, получается словарь слов и вещей, энциклопедический словарь. Хотя взаимодополнительность обеих операций — нормативной (определить употребление слов) и дескриптивной (описать особенности вещей) — ощущалась у нас уже начиная с XVII века, подобных словарей-энциклопедий как будто немного. Это довольно парадоксальный факт: ведь на самом деле — и здесь открывается сложнейший философский спор — каждое слово влечет за собой вещь или целое скопище вещей, но также и каждая вещь может существовать для людей лишь будучи покрыта, освящена, признана некоторым словом. Слова отсылают к вещам? Да, но одновременно также и к другим словам. Поэтому разделение слов и вещей как двух обособленных и иерархически соотнесенных уровней является историческим явлением, что показал М. Фуко. Это разделение означает, что мы встаем на позицию реализма, который признает вещь в себе, вне говорящего о ней субъекта, а из слова делает простой инструмент коммуникации; такому воззрению в средние века противилась номиналистская традиция, побежденная, как известно, духом новоевропейской культуры. Со времен победы реализма мы полагаем, что, с одной стороны, говорим, а с другой — изготавливаем вещи; с одной стороны, что-то произносим, украшаем и идеализируем, а с другой — что-то строим, производим, продаем, присваиваем; по одну сторону — искусство (слова), по другую — наука (факты). Хотя словарь сам является историческим продуктом такого буржуазного рассудка, но если приглядеться, то он его расшатывает: ведь для того чтобы описать вещь, перейти от слова к вещи, требуются другие слова, и так до бесконечности. Загляните хотя бы в настоящий словарь: что такое «лицо»? Часть черепа. Но что такое «часть», «черепа»? По какому праву вы останавливаетесь здесь, а не идете дальше? Где кончаются слова? Что находится за ними? Язык — не только привилегия человека, но и его тюрьма. Об этом и напоминает нам словарь.

Наконец, третье удивительное свойство этой скромной, как считают, вещи: словарь выходит за рамки своей *инструментальности*. Мы полагаем, что он — необходимое орудие познания, и это правда; но он также и машина, производящая грезы; порождая сам себя, от слова к

слову, он в конечном счете сливается с нашей способностью воображения. На словарной странице — или на нескольких страницах, которые все время так хочется листать, — перед нашим сознанием или зрением (если есть иллюстрации) проходят сильнейшие проводники грезы: материки, люди, эпохи, орудия, всевозможные явления Природы и общества. Драгоценный парадокс: словарь одновременно и позволяет нам осваиваться, привыкать, и заставляет блуждать среди незнакомого; он и укрепляет знание, и дает толчок воображению. Каждое слово — словно корабль: поначалу оно кажется закрытым, плотно запертым в своей точно пригнанной арматуре; но очень легко оно само собой пускается в плавание, устремляется к другим словам, другим образам, другим желаниям; так получается, что словарь наделяется поэтической функцией. Малларме и Франсис Понж приписывали ему утонченную творческую силу. Поэтическое воображение всегда отличается четкостью, и в четкости словаря — источник той радости, с какой читают его поэты и зачастую дети.

К этим философским и поэтическим функциям следует прибавить ту ярчайшую роль, которую играет словарь в рамках исторически определенного общества, где мы живем. Во Франции словарь в разных своих формах был участником крупнейших идейных битв. Родившись в XVI веке, т.е. на заре нового времени, он динамично, зачастую страстно следовал тем завоеваниям, которых добивался дух объективности, а стало быть и терпимости; посредующая инстанция общедоступного знания, он принимал участие в образовании демократической познавательной практики. Ныне, однако, встает новый вопрос. Распространение знаний зависит теперь не только от книг (а значит, и словарей), но также (главным образом?) от так называемых массмедиа; а поскольку оно носит характер массовый, подвижный и неустойчивый (ибо осуществляется посредством речи, а не письма), то знание приобретает некую ложную естественность; мы не столько говорим, сколько слушаем, незаметно пропитываемся услышанным, переходим от одной приблизительной идеи к другой, ничего не подвергая проверке; слова становятся бессознательными мифами, поступая на службу к той мягкой (поскольку анонимной) власти, какой обладают ныне пресса, радио, телевидение; нам говорят все больше и больше, мы же говорим все хуже и хуже. Словарь призывает нас к порядку. Он говорит нам, что настоящее общение, честный обмен мнениями возможны лишь

при строгом использовании тонких нюансов языка. Иногда я слышу, как некоего автора упрекают в том, что он пишет на «специальном жаргоне»; мне хочется ответить таким людям словами Валери: «Вы что, из тех людей, для кого не существует словарь?» Словарь напоминает нам, что язык не дан нам раз навсегда от рождения; что никто сам по себе не является образцом ясности; что доброкачественное общение не может быть плодом словесной вялости; одним словом, что каждый из нас должен бороться с языком, что эта борьба длится непрестанно, что для нее нужно оружие (такое, как словарь), — настолько обширен, могуч и хитер наш язык. То, что словари упорно живут и обновляются, что их создают и изготавливают с величайшей заботой, — все это говорит о том, что они заключают в себе какой-то обет перед обществом: раз уж конфликты между людьми неизбежны (как нас в том уверяют), то пусть хотя бы они никогда не вспыхивают из-за словесных недоразумений. Слова, увы, не бывают ни правдивы, ни ложны, ибо язык не властен доказывать собственную истинность; но они могут быть *верными*, как ноты, — и вот к такой музыке языковых отношений и призывает нас хороший словарь.

Цит. по: *Барт Р. Система моды. Статьи по семиотике культуры. М., 2003. С. 500—503.*

М.М. Бахтин. Автор и герой. К философским основам гуманитарных наук

II. ВЫСКАЗЫВАНИЕ КАК ЕДИНИЦА РЕЧЕВОГО ОБЩЕНИЯ. ОТЛИЧИЕ ЭТОЙ ЕДИНИЦЫ ОТ ЕДИНИЦ ЯЗЫКА (СЛОВА И ПРЕДЛОЖЕНИЯ)

<...> Терминологическая неопределенность и путаница в таком методологически центральном узлом пункте лингвистического мышления являются результатом игнорирования *реальной единицы* речевого общения — *высказывания*. Ведь речь может существовать в действительности только в форме конкретных высказываний отдельных говорящих людей, субъектов (этой) речи. Речь всегда отлита в форму высказывания, принадлежащего определенному речевому субъекту, и вне этой формы существовать не может. Как ни различны высказывания

по своему объему, по своему содержанию, по своему композиционному построению, они обладают как единицы речевого общения общими структурными особенностями, и прежде всего совершенно четкими *границами*. На этих границах, имеющих особо существенный и принципиальный характер, необходимо подробно остановиться.

Границы каждого конкретного высказывания как единицы речевого общения определяются *сменой речевых субъектов*, то есть сменой говорящих. Ведь речевое общение — это «обмен мыслями» во всех областях человеческой деятельности и быта. Всякое высказывание — от короткой (однословной) реплики бытового диалога и до большого романа или научного трактата — имеет, так сказать, абсолютное начало и абсолютный конец: до его начала — высказывания других, после его окончания — ответные высказывания других (или хотя бы молчаливое активно-ответное понимание другого, или, наконец, ответное действие, основанное на таком понимании). Говорящий кончает свое высказывание, чтобы передать слово другому или дать место его активно-ответному пониманию. Высказывание — это не условная единица, а единица реальная, четко отграниченная сменой речевых субъектов, кончающаяся передачей слова другому, как бы молчаливым «dixi», ощущаемым слушателями [как знак], что говорящий кончил. <...>

Переходим ко второй особенности его, неразрывно связанной с первой. Эта вторая особенность — специфическая *завершенность* высказывания.

Завершенность высказывания — это как бы внутренняя сторона смены речевых субъектов: эта смена потому и может состояться, что говорящий сказал (или написал) *все*, что он в данный момент или при данных условиях хотел сказать. Слушая или читая, мы явственно ощущаем конец высказывания, как бы слышим заключительное «dixi» говорящего. Эта завершенность — специфическая и определяется особыми критериями. Первый и важнейший критерий завершенности высказывания — это *возможность ответить на него*, точнее и шире — занять в отношении его ответную позицию (например, выполнить приказание). Этому критерию отвечает и короткий бытовой вопрос, например «Который час?» (на него можно ответить), и бытовая просьба, которую можно выполнить или не выполнить, и научное выступление, с которым можно согласиться или не согласиться (полностью или частично), и художественный роман, который можно оценить в его

целом. Какая-то завершенность необходима, чтобы на высказывание можно было реагировать. Для этого мало, чтобы высказывание было понятно в *языковом* отношении. Совершенно понятное и законченное предложение, если это предложение, а не высказывание, состоящее из одного предложения, не может вызвать ответной реакции: это понятно, но это еще не *все*. Это «все» — признак *целостности* высказывания — не поддается ни грамматическому, ни отвлеченно-смысловому определению.

Эта завершенная целостность высказывания, обеспечивающая возможность ответа (или ответного понимания), определяется тремя моментами (или факторами), неразрывно связанными в органическом целом высказывания: 1) предметно-смысловой исчерпанностью; 2) речевым замыслом или речевой волей говорящего; 3) типическими композиционно-жанровыми формами завершения.

Первый момент — предметно-смысловая исчерпанность темы высказывания — глубоко различен в разных сферах речевого общения. Эта исчерпанность может быть почти предельно полной в некоторых сферах быта (вопросы чисто фактического характера и такие [же] фактические ответы на них, просьбы, приказания и т.п.), некоторых деловых сферах, в области военных и производственных команд и приказов, то есть в тех сферах, где речевые жанры носят максимально стандартный характер и где творческий момент почти вовсе отсутствует. В творческих сферах (особенно, конечно, в научной), напротив, возможна лишь очень относительная предметно-смысловая исчерпанность; здесь можно говорить только о некотором минимуме завершения, позволяющем занять ответную позицию. Объективно предмет неисчерпаем, но, становясь *темой* высказывания (например, научной работы), он получает относительную завершенность в определенных условиях, при данном положении вопроса, на данном материале, при данных, поставленных автором целях, то есть уже в пределах *определенного авторского замысла*. Таким образом, мы неизбежно оказываемся перед вторым моментом, который с первым неразрывно связан.

В каждом высказывании — от однословной бытовой реплики до больших, сложных произведений науки или литературы — мы охватываем, понимаем, ощущаем речевой *замысел* или *речевую волю* говорящего, определяющую целое высказывания, его объем и его границы. Мы представляем себе, что *хочет* сказать говорящий, и этим речевым

замыслом, этой речевой волей (как мы ее понимаем) мы и измеряем завершенность высказывания. Этот замысел определяет как самый выбор предмета (в определенных условиях речевого общения, в необходимой связи с предшествующими высказываниями), так и границы и его предметно-смысловую исчерпанность. Он определяет, конечно, и выбор той жанровой формы, в которой будет строиться высказывание (это уже третий момент, к которому мы обратимся дальше). Этот замысел — субъективный момент высказывания — сочетается в неразрывное единство с объективной предметно-смысловой стороной его, ограничивая эту последнюю, связывая ее с конкретной (единичной) ситуацией речевого общения, со всеми индивидуальными обстоятельствами его, с персональными участниками его, с предшествующими их выступлениями — высказываниями. Поэтому непосредственные участники общения, ориентирующиеся в ситуации и в предшествующих высказываниях, легко и быстро охватывают речевой замысел, речевую волю говорящего и с самого начала речи ощущают развертывающееся *целое* высказывания.

Переходим к третьему и самому важному для нас моменту — к устойчивым жанровым формам высказывания. Речевая воля говорящего осуществляется прежде всего в *выборе определенного речевого жанра*. Этот выбор определяется спецификой данной сферы речевого общения, предметно-смысловыми (тематическими) соображениями, конкретной ситуацией речевого общения, персональным составом его участников и т.п. И дальше речевой замысел говорящего со всей его индивидуальностью и субъективностью применяется и приспособляется к избранному жанру, складывается и развивается в определенной жанровой форме. Такие жанры существуют прежде всего во всех многообразнейших сферах устного бытового общения, в том числе и самого фамильярного и самого интимного.

Мы говорим только определенными речевыми жанрами, т.е. все наши высказывания обладают определенными и относительно устойчивыми типическими *формами построения целого*. Мы обладаем богатым репертуаром устных (и письменных) речевых жанров. *Практически* мы уверенно и умело пользуемся ими, но *теоретически* мы можем и вовсе не знать об их существовании. Подобно мольеровскому Журдену, который, говоря прозой, не подозревал об этом, мы говорим разнообразными жанрами, не подозревая об их существовании. Даже в

самой свободной и непринужденной беседе мы отливаем нашу речь по определенным жанровым формам, иногда штампованным и шаблонным, иногда более гибким, пластичным и творческим (творческими жанрами располагает и бытовое общение). Эти речевые жанры даны нам почти так же, как нам дан родной язык, которым мы свободно владеем и [без] теоретического изучения грамматики. Родной язык — его словарный состав и грамматический строй — мы узнаем не из словарей и грамматик, а из конкретных высказываний, которые мы слышим и которые мы сами воспроизводим в живом речевом общении с окружающими нас людьми. Формы языка мы усваиваем только в формах высказываний и вместе с этими формами. Формы языка и типические формы высказываний, т.е. речевые жанры, приходят в наш опыт и в наше сознание вместе и в тесной связи друг с другом. Научиться говорить — значит научиться строить высказывания (потому что говорим мы высказываниями, а не отдельными предложениями и, уж конечно, не отдельными словами). Речевые жанры организуют нашу речь почти так же, как ее организуют грамматические формы (синтаксические). Мы научаемся отливать нашу речь в жанровые формы, и, слыша чужую речь, мы уже с первых слов угадываем ее жанр, предугадываем определенный объем (то есть приблизительную длину речевого целого), определенное композиционное построение, предвидим конец, т.е. с самого начала мы обладаем ощущением речевого целого, которое затем только дифференцируется в процессе речи. Если бы речевых жанров не существовало и мы не владели ими, если бы нам приходилось их создавать впервые в процессе речи, свободно и впервые строить каждое высказывание, речевое общение было бы почти невозможно. <...>

Наряду с подобными стандартными жанрами существовали и существуют, конечно, и более свободные и творческие жанры устного речевого общения: жанры салонных бесед на бытовые, общественные, эстетические и иные темы, жанры застольных бесед, бесед интимно-дружеских, интимно-семейных и т.д. (номенклатуры устных речевых жанров пока не существует, и даже пока не ясен и принцип такой номенклатуры). Большинство этих жанров поддается свободно-творческому переоформлению (подобно художественным жанрам, а некоторые, может быть, и в большей степени), но творчески свободное использование не есть создание жанра заново — жанрами нужно хорошо владеть, чтобы свободно пользоваться ими. <...>

Предложение, как и слово, обладает законченностью значения и законченностью *грамматической* формы, но эта законченность значения носит абстрактный характер и именно поэтому и является такой четкой; это законченность элемента, но не завершенность целого. Предложение как единица языка, подобно слову, не имеет автора. Оно *ничье*, как и слово, и, только функционируя как целое высказывание, оно становится выражением позиции индивидуально говорящего в конкретной ситуации речевого общения. Это подводит нас к новой, третьей особенности высказывания: к отношению высказывания к *самому говорящему* (автору высказывания) и к *другим* участникам речевого общения. <...>

Итак, обращенность, адресованность высказывания есть его конститутивная особенность, без которой нет и не может быть высказывания. Различные типические формы такой обращенности и различные типические концепции адресатов — конститутивные, определяющие особенности различных речевых жанров.

В отличие от высказываний (и речевых жанров) значащие единицы языка — слово и предложение — по самой своей природе лишены обращенности, адресованности: они и ничьи и ни к кому не обращены. Более того, сами по себе они лишены всякого отношения к чужому высказыванию, к чужому слову. Если отдельное слово или предложение обращено, адресовано, то перед нами законченное высказывание, состоящее из одного слова или одного предложения, и обращенность принадлежит не им как единицам языка, а высказыванию. Окруженное контекстом предложение приобщается обращенности только через целое высказывание как его составная часть (элемент)¹.

Язык как система обладает громадным запасом чисто языковых средств для выражения формальной обращенности: лексическими средствами, морфологическими (соответствующие падежи, местоимения, личные формы глаголов), синтаксическими (различные шаблоны и модификации предложений). Но действительную обращенность они приобретают только в целом конкретного высказывания. И выражение этой действительной обращенности никогда не исчерпывается, конечно, этими специальными языковыми (грамматическими) средствами.

¹ Отметим, что вопросительные и побудительные типы предложений, как правило, фигурируют как законченные высказывания (в соответствующих речевых жанрах).

Их может и вовсе не быть, а высказывание при этом может очень остро отражать влияние адресата и его предвосхищаемой ответной реакции. Отбор *всех* языковых средств производится говорящим под бóльшим или меньшим влиянием адресата и его предвосхищаемого ответа.

Когда анализируется отдельное предложение, выделенное из контекста, то следы обращенности и влияния предвосхищаемого ответа, диалогические отклики на предшествующие чужие высказывания, ослабленные следы смены речевых субъектов, избороздившие высказывание изнутри, утрачиваются, стираются, потому что все это чуждо природе предложения как единицы языка. Все эти явления связаны с целым высказывания, и там, где это целое выпадает из зрительного поля анализирующего, они перестают для него существовать. В этом — одна из причин той узости традиционной стилистики, на которую мы указывали. Стилистический анализ, охватывающий все стороны стиля, возможен только как анализ *целого* высказывания и только в той цепи речевого общения, неотрывным *звеном* которой это высказывание является. <...>

Цит. по: *Бахтин М.М. Автор и герой: К философским основам гуманитарных наук. СПб., 2000. С. 263, 269—272, 273—274, 278—279, 297—298.*

Э. Бенвенист. Общая лингвистика

Глава XXIII

О СУБЪЕКТИВНОСТИ В ЯЗЫКЕ

Если язык, как принято говорить, является орудием общения, то чему он обязан этим свойством? Вопрос может удивить, как удивляют все те случаи, когда как будто бы ставится под сомнение очевидное. <...>

На самом же деле сопоставление языка с орудием — а для того, чтобы такое сопоставление было хотя бы понятным, язык приходится сравнивать с орудием материальным — должно вызывать большое недоверие, как всякое упрощенное представление о языке. Говорить об орудии — значит противопоставлять человека природе. Кирки, стрелы, колеса нет в природе. Их изготовили люди. Язык же — в природе че-

ловека, и человек не изготавливал его. Мы постоянно склонны наивно воображать некую первоначальную эпоху, когда вполне сформировавшийся человек открывает себе подобного, такого же вполне сформировавшегося человека, и между ними постепенно начинает вырабатываться язык. Это чистая фантазия. Невозможно вообразить человека без языка и изобретающего себе язык. Невозможно представить себе изолированного человека, ухитряющегося осознать существование другого человека. В мире существует только человек с языком, человек, говорящий с другим человеком, язык, таким образом, необходимо принадлежит самому определению человека.

Все свойства языка: нематериальная природа, символический способ функционирования, членораздельный характер, наличие *содержания* — достаточны уже для того, чтобы сравнение с орудием, отделяющее от человека его атрибут — язык, оказалось сомнительным. Безусловно, в повседневной практике возвратно-поступательное движение речи вызывает мысль об обмене, и потому та «вещь», которой, как нам кажется, мы обмениваемся, представляется нам выполняющей орудийную или посредническую функцию, которую мы склонны гипостазировать в «объект». Но — подчеркнем еще раз — эта роль принадлежит речи.

Как только мы отнесем эту функцию к речи, мы можем поставить вопрос о том, что именно предрасполагает речь выполнять ее. Для того чтобы речь обеспечивала «коммуникацию», она должна получить полномочия на выполнение этой функции у языка, так как речь представляет собой не что иное, как актуализацию языка. Действительно, мы должны искать основание этого свойства в языке. Оно заключено, как нам кажется, в одной особенности языка, которая мало заметна за скрывающей ее «очевидностью» и которую мы пока можем охарактеризовать только в общем виде.

Именно в языке и благодаря языку человек конституируется как *субъект*, ибо только язык придает реальность, *свою* реальность, которая есть свойство *быть*, — понятию «Его» — «мое я».

«Субъективность», о которой здесь идет речь, есть способность говорящего представлять себя в качестве «субъекта». Она определяется не чувством самого себя, имеющимся у каждого человека (это чувство в той мере, в какой можно его констатировать, является всего лишь отражением), а как психическое единство, трансцендентное по отно-

шению к совокупности полученного опыта, объединяемого этим единством, и обеспечивающее постоянство сознания. Мы утверждаем, что эта «субъективность», рассматривать ли ее с точки зрения феноменологии или психологии, как угодно, есть не что иное, как проявление в человеке фундаментального свойства языка. Тот есть «ego», кто *говорит* «ego». Мы находим здесь самое основание «субъективности», определяемой языковым статусом «лица».

Осознание себя возможно только в противопоставлении. Я могу употребить *я* только при обращении к кому-то, кто в моем обращении предстанет как *ты*. Подобное диалогическое условие и определяет *лицо*, ибо оно предполагает такой обратимый процесс, когда я становлюсь *ты* в речи кого-то, кто в свою очередь обозначает себя как *я*. В этом обнаруживается принцип, следствия из которого необходимо развивать во всех направлениях. Язык возможен только потому, что каждый говорящий представляет себя в качестве *субъекта*, указывающего на самого себя как на *я* в своей речи. В силу этого *я* конституирует другое лицо, которое будучи абсолютно внешним по отношению к моему «я», становится моим эхо, которому я говорю *ты* и которое мне говорит *ты*. Полярность лиц — вот в чем состоит в языке основное условие, по отношению к которому сам процесс коммуникации, служивший нам отправной точкой, есть всего лишь прагматическое следствие. Полярность эта к тому же весьма своеобразна, она представляет собой особый тип противопоставления, не имеющий аналога нигде вне языка. Она не означает ни равенства, ни симметрии: «ego» занимает всегда трансцендентное положение по отношению к «ты», однако ни один из терминов немыслим без другого; они находятся в отношении взаимодополнительности, но по оппозиции «внутренний ~ внешний», и одновременно в отношении взаимобратимости. Бесплезно искать параллель этим отношениям: ее не существует. Положение человека в языке неповторимо.

Таким образом, рушатся старые антиномии «я» и «другой», индивид и общество. Налицо двойственная сущность, которую неправомерно и ошибочно сводить к одному изначальному термину, считать ли этим единственным термином «я», долженствующее будто бы утвердиться сначала в своем собственном сознании, чтобы затем открыться сознанию «ближнего»; или же считать таким единственным изначальным термином общество, которое как целое как бы существует до

индивида, из которого индивид выделяется лишь по мере осознания самого себя. Именно в реальности диалектического единства, объединяющего оба термина и определяющего их во взаимном отношении, и кроется языковое основание субъективности. <...>

Цит. по: *Бенвенист Э. Общая лингвистика. М., 1974.*
С. 292, 293—294.

В. фон Гумбольдт. Об изучении языков, или План систематической энциклопедии

<...>

Однако мысль о том, чтобы собрать, насколько возможно, всю массу языкового материала во всей его полноте, произвести внутри его сравнение по всем мыслимым законам аналогии, чтобы, понимая язык как следствие, создавать и совершенствовать его в соответствии с поведением человека, либо, понимая его как причину, делать выводы о внутреннем мире людей, и все это с философским рассмотрением общей человеческой природы и с историческим рассмотрением судеб различных народов, — вот эта мысль, я полагаю, до сих пор остается без внимания, а ведь она заслуживает самого серьезного отношения, поскольку добавляет к уже существующим не только новую науку, но и новый тип научных исследований.

<...>

Уже давно сложилось такое мнение, что различия между языками суть досадное препятствие на пути культуры, а изучение языков — неизбежное зло всякого образования. Никому не приходит в голову, что язык — это не просто средство для понимания народа, который на нем говорит, или писателя, который на нем пишет. Отсюда — неправильная склонность оценивать важность языка в зависимости от совершенства его литературы, полное пренебрежение к языкам, литературы вовсе не имеющим, и превратная методика обучения языку, при которой усилия направляются на то, чтобы понимать произведения писателей.

<....>

Язык, и не только язык вообще, но каждый язык в отдельности, даже самый бедный и грубый, сам по себе и для себя есть предмет, заслуживающий самого пристального осмысления. Язык — это не просто, как

принято говорить, отпечаток идей народа, так как множество его знаков не позволяет обнаружить никаких существующих отдельно от него идей; язык — это объединенная духовная энергия народа, чудесным образом запечатленная в определенных звуках, в этом облике и через взаимосвязь своих звуков понятная всем говорящим и возбуждающая в них примерно одинаковую энергию. Человек весь не укладывается в границы своего языка; он больше того, что можно выразить в словах; но ему приходится заключать в слова свой неуловимый дух, чтобы скрепить его чем-то, и использовать слова как опору для достижения того, что выходит за их рамки. Разные языки — это отнюдь не различные обозначения одной и той же вещи, а различные видения ее; и если вещь эта не является предметом внешнего мира, каждый [говорящий] по-своему ее создает, находя в ней ровно столько своего, сколько нужно для того, чтобы охватить и принять в себя чужую мысль. Языки — это иероглифы, в которые человек заключает мир и свое воображение; при том, что мир и воображение, постоянно создающее картину за картиной по законам подобию, остаются в целом неизменными, языки сами собой развиваются, усложняются, расширяются. Через многообразие языков для нас открывается богатство мира и многообразие того, что мы познаем в нем; и человеческое бытие становится для нас шире, поскольку языки в отчетливых и действенных чертах дают нам различные способы мышления и восприятия. Язык всегда воплощает в себе своеобразие целого народа, поэтому в нем не следует бояться ни изощренности, ни избытка фантазии, которые кое-кто считает нежелательными. То, что они дают нам сразу, есть полная, чистая и простая человеческая природа, если же мы проникаем в глубины их тайн, в нашу сухую рассудочность врывается свежая струя неувыдающей фантазии других народов, заключающих каждое впечатление, которое юный мир дарит их еще не притупившимся чувствам, в оболочку живого и подвижного образа.

Изучение языков мира — это также всемирная история мыслей и чувств человечества. Она должна описывать людей всех стран и всех степеней культурного развития; в нее должно входить все, что касается человека.

<...>

Цит. по: *Гумбольдт В. фон. Язык и философия культуры. М., 1985. С. 346—349.*

***Р. Якобсон. Язык в отношении к другим системам коммуникации*¹**

Эдуард Сепир указывал на тот очевидный факт, что «язык является коммуникативным процессом в чистом виде в каждом известном нам обществе». Наука о языке исследует строение речевых сообщений и лежащий в основе их код. Структурные характеристики языка интерпретируются в свете задач, которые они выполняют в различных процессах коммуникации, и, следовательно, лингвистику можно кратко определить как изучение коммуникации, осуществляемой с помощью речевых сообщений. Мы анализируем эти сообщения с учетом всех относящихся к ним факторов, таких, как неотъемлемые свойства сообщения самого по себе, его адресанта и адресата, либо действительного, либо лишь предполагаемого адресантом в качестве реципиента. Мы изучаем характер контакта между этими двумя участниками речевого акта; мы стремимся выявить код, общий для адресанта и адресата; мы пытаемся найти характерные общие черты, а также различия между операциями кодирования, осуществляемыми адресантом, и способностью декодирования, присущей адресату. Наконец, мы пытаемся определить место, занимаемое данным сообщением в контексте окружающих сообщений, которые либо принадлежат к тому же самому акту коммуникации, либо связывают вспоминаемое прошлое с предполагаемым будущим, и мы задаемся основополагающим вопросом об отношении данного сообщения к универсуму дискурса.

Рассматривая роли участников речевого акта, мы должны разграничивать несколько существенных аспектов в их взаимодействии, а именно: основную форму их отношений, чередование процессов кодирования и декодирования во время коммуникации и кардинальные различия между этими аспектами при диалогической речи и монологе. Вопросом, подлежащим изучению, является увеличение «радиуса коммуникации», под которым понимается совокупность реплик и ответов на них между людьми определенного множества, и расширение аудитории монологической речи, которая может быть адресована тем, «кого она касается». В то же время исследователям в областях психо-

¹ Roman Jakobson. Language in relation to other communication systems. — In: «Linguaggi nella società e nella tecnica». Milano, 1970, p. 3—16.

логии, неврологии и прежде всего лингвистики становится все более очевидным тот факт, что язык является средством не только интерперсональной, но и интраперсональной коммуникации. Это последняя область, которую раньше недооценивали или попросту игнорировали, сейчас, в значительной степени под влиянием блестящих исследований Л.С. Выготского и А.Н. Соколова, стала актуальной и заострила важные вопросы изучения внутреннего существования речи и разных аспектов внутренней речи, которая формирует, программирует и завершает наше высказывание и в общем виде управляет внутренней и внешней стороной нашего речевого поведения, равно как и нашей молчаливой реакции на какие-либо сообщения. Среди многих проблем, которым Чарльз Сэндерс Пирс со свойственной ему прозорливостью уделял больше внимания, чем его современники, была проблема субстанции и значимости молчаливых внутренних диалогов человека с самим собой, «как если бы это был кто-то другой». Речевое взаимодействие, перекидывающее мосты через пространственные барьеры между собеседниками, захватывает и временные аспекты языковой коммуникации, связывая воедино прошлое, настоящее и будущее одного человека.

Хотя среди всех сообщений, используемых при человеческой коммуникации, речевые сообщения играют доминирующую роль, мы все равно должны принимать во внимание и остальные виды сообщений, употребляемые в человеческом обществе, и исследовать их структурные и функциональные особенности, не забывая, однако, что для всего человечества первичным средством коммуникации является язык и что такая иерархия коммуникативных средств необходимо отражается на всех остальных, вторичных типах сообщений, передаваемых человеком, и вызывает того или иного рода зависимость этих сообщений от языка, и в частности от владения языком и от его использования для сопровождения или объяснения любых других сообщений. Каждое сообщение состоит из знаков; соответственно наука о знаках называется семиотикой, занимается общими принципами, лежащими в основе структуры всех знаков, с учетом их использования в составе сообщений и характера этих сообщений, а также особенностей различных знаковых систем и сообщений, использующих эти разные типы знаков. Семиотика, которую предвидели философы XVII—XVIII вв. и основы которой были заложены в конце 1860-х гг. Чарльзом Сэндерсом Пир-

сом и на рубеже XIX—XX вв. — Фердинандом де Соссюром (последний называл эту науку несколько иначе — *sèmiologie*), сейчас в разных странах переживает процесс стремительного и бурного развития.

Семиотика как исследование коммуникации посредством всех типов сообщений составляет концентрический круг, ближайший к лингвистике как исследованию коммуникации с помощью речевых сообщений; следующий, более широкий концентрический круг образует общая наука о коммуникации, которая включает социальную антропологию, социологию и экономику. Можно снова и снова цитировать все еще актуальное напоминание Сепира о том, что «каждая культурная система и каждый единичный акт общественного поведения явно или скрыто подразумевает коммуникацию». Следует помнить, что, какой бы уровень коммуникации мы не рассматривали, он, как и любой другой уровень, предполагает обмен сообщениями того или иного рода и тем самым не может мыслиться в отрыве от семиотического уровня, который в свою очередь отводит главенствующую роль языку. Вопрос о семиотических и в особенности языковых составляющих, присутствующих в каждой системе человеческой коммуникации, должен служить важным направляющим фактором в будущих исследованиях всех типов социальной коммуникации. Опыт, накопленный лингвистической наукой, уже стал учитываться и творчески использоваться в современных антропологических и экономических исследованиях — воистину творчески, поскольку тщательно разработанную и продуктивную лингвистическую модель нельзя механически переносить на другую область; эта модель эффективная лишь тогда, когда она не вступает в противоречие с автономными свойствами соответствующей предметной области.

<...>

Цит. по: *Якобсон Р. Избранные работы. М., 1985. С. 319—321.*

Событие жизни текста,
то есть его подлинная сущность,
всегда развивается на рубеже двух сознаний,
двух субъектов.
М.М. Бахтин

Глава 4. ТЕКСТ КАК ОБЪЕКТ ФИЛОЛОГИИ

4.1. Почему текст является объектом современной филологии?

Текст всегда признавался объектом филологии. Филология и возникла в связи с необходимостью прочитать, понять и сохранить древние тексты. Во времена возникновения филологии древними считались тексты, например, Гомера (на Западе, в Древней Греции) и «Ригведы» (на Востоке, в Древней Индии).

Фактически эти же задачи решаются и современной филологией, когда она изучает древние и старинные тексты. Так, при рассмотрении, например, летописных текстов о походе Ермака Тимофеевича (?—1585) исследователи учитывают, что они созданы не ранее, чем через 45—50 лет после этого события. Поэтому летописные источники о походе Ермака изучаются в контексте других летописей и документов. Только так, — указывает Е.К. Ромодановская со ссылкой на одного из специалистов первой половины XX в., — можно решить задачу «заново обработать старую тему, от давности покрывшуюся налетом эпической мишуры и вздорной полемики»¹.

В современной филологии **круг задач изучения текста** существенно изменился.

В центре ее внимания находится задача **постижения жизни текста**. Текст рассматривается в его отношениях к человеку, действительности, другим текстам, — словом, в среде его существования.

Например, по данным французского ученого Ю. Кристевой (р. 1941), текст стихотворения французского литератора XIX в. Лотреамона находится в разнообразных отношениях с текстами авторов-предшественников (их имена ниже даются в скобках), в том числе:

а) исходный текст сохраняет общелогическое содержание, но приобретает новый смысл. Ср.:

- исходный текст (Ларошфуко): *Не замечать, как охлаждаются дружеские чувства наших друзей, — доказательство недостатка дружбы;*

- текст Лотреамона: *Умение не замечать, как возрастают дружеские чувства наших друзей, — доказательство дружбы;*

б) одна из частей исходного текста подвергается отрицанию. Ср.:

- исходный текст (Паскаля): *Мы с радостью расстаемся с жизнью, лишь бы об этом говорили;*

- текст Лотреамона: *Мы с радостью расстаемся с жизнью, лишь бы об этом не говорили².*

На современном этапе общественного развития **мир текстов заполнил все пространство** человеческой жизни: тексты — в книгах, СМИ, Интернете, в сфере деловой жизни, управления... Недаром среди части журналистов распространено мнение, что в мире происходит лишь то, о чем сообщено в СМИ. Многообразие мира текстов очевидно: в нем присутствуют и оригинальные произведения классиков литературы, и научные труды, и книги типа «100 лучших сочинений», «1000 рефератов по экономическим наукам»; произведения литературы и многочисленные театральные, кино- и телевизионные версии этих произведений (или версии «по мотивам»); тексты подлинных исторических документов и тексты публицистических, художественных, мемуарных и иных интерпретаций исторических событий... Многообразие мира текстов и отношений между ними повышает значимость текста как объекта филологии, создает предпосылки для складывания в филологии ряда направлений, изучающих разные типы, виды текстов в их отношениях. (См. в приводимых ниже материалах для чтения фрагменты книги современного российского философа И.Т. Касавина.)

Сложность и многообразие мира текстов определяется вместе с тем и изменениями в **фактуре** (лат. *factura* — обработка, строение) текста.

Филология до середины — конца XX в. имела дело преимущественно с текстами **письменными, печатными, устными**. Английский философ Г.М. Маклюэн в середине XX в. заявил: «Средство коммуникации есть сообщение». Если учесть это суждение, то можно понять, что материал и орудия создания текста: камень и скребок, пергамент и стило, бумага и ручка или карандаш, писчая бумага и наборно-пишущее устройство, речевой аппарат человека — имеют свои возможности и ограничения в передаче сообщения. Дело в том, что, как замечает Г.М. Маклюэн, «сообщением» любого средства коммуникации является «то изменение масштаба, скорости или формы, которое приносится им в человеческие дела»³. Ср. в этом плане, например, письмо, отправляемое обычной почтовой доставкой, и письмо, отправляемое электронной почтой.

В конце XX — начале XXI в. возникает еще один тип фактуры текста — **электронный**. Появление и развитие электронной коммуникации привело к тому, что человек, создающий текст, реально ощущает сам процесс производства текста, так как имеет возможность варьировать создаваемый текст, вносить в него фрагменты ранее созданного своего или чужого текста, получать ответ на отправленное сообщение и в непосредственном общении (в режиме онлайн) вносить изменения в текст, «помещать» его в гипертекстовое пространство. Текст обретает очертания живого «организма» — существует в акте коммуникации. Таким образом, здесь сочетаются преимущества «традиционных» фактур текста — устной, письменной и печатной — с преимуществами электронной: масштабом, скоростью и формой.

Наконец мир текстов отличается своего рода **многоликостью**. В современной культуре текст предстает как источник, памятник, произведение, сообщение.

Все составляющие филологию науки имеют дело с текстом как **источником**. Исследование и в лингвистике, и в литературоведении предполагает обращение к тексту. Изучается ли за-

писка как речевой жанр, обращение, например, в студенческой среде, духовный кризис или подъем писателя NN, внутренний мир романа, трансформация рассказа писателя в киносценарий и далее в кинофильм, тематика современного анекдота, способы достижения успеха в деловых переговорах, филологические различия между блоггингом и твиттером, воздействующая сила слова университетского лектора... — во всех случаях материал исследования отыскивается в текстах. **Текст — источник фактического материала в филологии.** Это письменные и печатные тексты, магнитофонные или диктофонные записи, тексты радио- и телевизионных программ, интернет-тексты и др.

Вместе с тем текст — это **памятник**. Таково предназначение текстов древних, принадлежащих прошлому. В число памятников письменности входят разнообразное произведения: надписи на монетах, печатях, гербах, камнях, иконах, тексты на папирусе, пергаменте, бумаге, рукописи, книги, грамоты и др. Все они имеют ценность как свидетельство, воплощение истории и культуры и отдельного человека, и конкретного народа, и человечества в целом на определенных этапах развития. Назовем ряд памятников устного народно-поэтического творчества народов России: алтайского «Мадай-Какра», башкирского «Урал-Батыр», осетинского «Нарты», якутского «Якутские олонхо» и др.

Понятие текста как **произведения** используется главным образом в литературоведении. Вопрос о разграничении текста и произведения — один из трудных в филологии. Текст и произведение разграничиваются, если произведение словесного творчества рассматривается в разных аспектах. В таком случае текстом называется произведение, рассматриваемое в речевом аспекте (Ю.М. Лотман: текст — это «один из компонентов художественного произведения»). Произведение, рассматриваемое в других аспектах: предметно-образном (мир произведения) и идейно-смысловом (художественное содержание)⁴, — представляет собой литературное произведение в узком смысле этого термина. Однако понятия текста и произведения различаются не всеми специалистами. (См. в материалах для чтения фрагменты статьи Р. Барта.)

Понятие текста как **сообщения** возникает при рассмотрении текста с точки зрения его коммуникативной природы. Имея в виду любые явления культуры, в том числе и языковые тексты, Г.О. Винокур называет сообщением «не только слово, документ или различного рода вещи, которыми мы не просто практически пользуемся, но которые нам «говорят» о чем-нибудь». И далее: идеальным сообщением является письменный текст⁵. В этой характеристике текст рассматривается как высказывание, т.е. в его движении от говорящего (пишущего) к слушающему (читающему).

Итак, все филологические науки имеют дело с текстом. Это и позволяет сделать вывод, что текст является объектом (точнее, одним из объектов) современной филологии. Роль текста в филологии на всех этапах ее развития приводит ряд специалистов к мысли, что текст есть единственный объект филологии (С.С. Аверинцев, Ю.В. Рождественский, Ю.С. Степанов и др.).

4.2. Традиционные и современные представления о тексте. Понятие текста как объекта современной филологии

Что такое текст? Ответ на этот вопрос кажется простым: каждому из говорящих (пишущих) интуитивно ясно, что есть текст. Тем более что и современная школа предлагает учащимся ответ на поставленный вопрос.

Сложность же связана с тем, что текст принадлежит по крайней мере двум «хозяевам»: языку и человеку. Немецкий ученый середины XX в. П. Хартман пишет: «...язык становится видимым в форме текста». Это суждение соотносимо с приведенными в эпиграфе словами М.М. Бахтина: «Событие жизни текста, т.е. его подлинная сущность, всегда развивается на рубеже двух сознаний, двух субъектов».

Читателю видно, что в одном высказывании текст оценивается «от языка», а в другом — «от человека». Рассмотрим два представления о тексте, существующие в современной филоло-

гии. Одно из них, возникшее сравнительно давно, назовем традиционным, а другое, более новое, — современным.

ПЕРВОЕ. Текст есть несколько предложений, связанных по смыслу и грамматически, — таково традиционное, «школьное» определение текста.

В этом понимании текста заложена идея, которая соответствует значению слова *текст* в латинском языке (лат. *textus* — ткань, сплетение, соединение): составляющие текст предложения *связаны* в двух отношениях — в смысловом и грамматическом. Язык выработал специальные средства такой связи, например:

а) повтор слов. См. текст аннотации научной статьи (статья посвящена вопросу о зависимости речи в чате от тематики):

- русск.: *Целью статьи является сравнение молодежного чата с другими, а также выявление зависимости речи в чате от возраста и профессии участников. В ходе исследования было выявлено, что молодежный чат характеризуется признаками разговорной речи и зависит от возраста участников;*

- англ.: *The aim of this article is to compare the youth chat with others, thus checking the supposition of speech dependents in the chat on the participants' age and profession. It has been revealed in the course of the research that the youth chat mostly correlates with oral speech, and it is characterized by the age of the participants* (Филология и человек. 2008. № 4. С. 209);

б) неполнота предложения, замена имени местоимением и др. средствами. См. диалог:

- русск.: — *Где Елена? — Дома. У нее болит нога.*

- чешск.: — *Kde je Helena? — Doma. Bolí ji noha.*

При применении традиционного определения возникают некоторые вопросы и трудности. Приведем несколько случаев.

Случай 1. В тексте содержится только одно предложение.

Если это так, то текстом не являются, например, аннотация, состоящая из одного предложения, первая реплика приведенного диалога. См. еще примеры:

- записочка: *Вечером будь в восемь;*

- обращение к читателям рекламного издания: *Если вы не получили газету, звоните 000-00-00;* и др.

И здесь текст не «обнаруживается» по причине наличия всего одного предложения.

Случай 2. Между предложениями отсутствует грамматически выраженная связь, например в предложениях второй реплики приведенного выше диалога. Вторые предложения оказываются связанными с первыми предложениями реплики не непосредственно, а через отношение с предложением начальной реплики: *дома = у нее = у Елены*. (То же и в чешском диалоге.)

См. еще: *Начался ветер. Мы спрятались под лодку*. Приведенные предложения не имеют грамматических связей между собой, хотя связь смысловая (причинно-следственная) очевидна.

Случай 3. Между предложениями текста имеют место грамматические связи, но отсутствуют связи смысловые. Интересный материал приводит российский специалист в области лингвистики текста С.И. Гиндин: *Я пошел в кино. Кино на Остоженке. Остоженка — одна из самых старых улиц Москвы. Москва — центр всех железнодорожных путей страны. Железные дороги — артерии народного хозяйства <...>*.

Приведенный текст может быть создан в специальных условиях, например в игре. Однако в соответствии с традиционным пониманием текста этот материал под понятие текста подвести нельзя — по названной выше причине.

Случай 4. В речи распространены тексты, созданные средствами разных семиотических систем. Они часто воспроизводятся в художественной литературе. Вспомните, например, финальные сцены

- из трагедии А.С. Пушкина «Борис Годунов»:

Мосальский. *Народ! Годунова и сын ее Феодор отравили себя ядом. Мы видели их мертвые трупы. (Народ в ужасе молчит.) Что же вы молчите? кричите: да здравствует царь Димитрий Иванович!»;*

- из комедии Н.В. Гоголя «Ревизор»:

Жандарм. *Приехавший по именному повелению из Петербурга чиновник требует вас сей же час к себе. Он остановился в гостинице.*

Произнесенные слова поражают, как громом, всех. Звук изумления единодушно излетает из дамских уст; вся группа, вдруг переменявши положение, остается в окаменении.

В ситуациях, описанных в приведенных фрагментах, имеет место «смешанный» текст. Он создается средствами разных семиотических систем: у Пушкина — естественного языка и молчанием, у Гоголя — естественного языка и звуком изумления (у дам), также переменной положения персонажей в пространстве и «всеобщим окаменением».

Таким образом, традиционное определение текста обнимает лишь часть того материала, который интуитивно признается текстом. Это — «правильные», преимущественно письменные тексты.

ВТОРОЕ. Текст есть языковое образование, обеспечивающее коммуникативное взаимодействие людей, — таково одно из современных определений текста.

Под это определение могут быть подведены все рассмотренные выше случаи. Действительно, с точки зрения данного определения не существенно, из какого количества предложений состоит текст. Важно, что он есть языковое образование. Это означает, что текст, как и другие языковые единицы (например, слово и предложение), выражает своими языковыми средствами некоторое содержание. Так обстоит дело в случаях (1)—(3).

Несколько иная ситуация с текстами, подведенными под случай (4). Особенность его состоит в том, что тексты образованы средствами разных семиотических систем: языковое образование передает содержание только во взаимодействии со средствами иных знаковых систем, однако основное содержание высказывания все же передается именно языковыми средствами.

Таким образом, данное определение учитывает и связи между предложениями текста, если в нем их более одного, и тексты, созданные средствами разных семиотических систем, в центре которых находится естественный язык.

Второе понимание текста характеризует его с функциональной точки зрения: **текст обеспечивает коммуникативное взаимодействие людей.** Такова его главная функция.

Эта функция раскрывается при рассмотрении текста «от говорящего» в его взаимодействии со «слушающим». В некоторой ситуации говорящим (пишущим) текст создается, а слушающим (читающим) — в той же или иной ситуации — воспринимается и истолковывается. Если, например, говорящий хочет сделать собеседнику приятное, то он может сказать ему комплимент: *Ты сегодня прекрасно выглядишь!* Впрочем, комплимент может быть сказан и «автоматически», без намерения «сделать собеседнику приятное». Задача, которую решает слушающий (читающий), состоит в том, чтобы истолковать смысл сказанного. Так, приведенный текст может быть истолкован и не как комплимент, а иначе, например: *Вчера ты выглядел(а) плохо!* Каковы основания для подобного истолкования? Слушающего может «задеть» что-то в интонации собеседника, в его взгляде; может быть учтена ситуация вчерашнего разговора, слушающий может исходить из мнения, что говорящий не способен или в силу сложных отношений не может сделать комплимент и др. Данный пример является простым случаем коммуникативного взаимодействия.

Сложнее обстоит дело с коммуникативным взаимодействием людей, например, в сфере эстетической коммуникации. Здесь имеют место тексты более сложные в структурном и смысловом отношении; их смысл и истолковывается более сложно. Каждый из читателей по своему опыту изучения в школе русской и / или родной, зарубежной литературы знает это. (См. в приводимых ниже материалах для чтения фрагменты книги Ю.М. Лотмана.)

Итак, функциональное понимание текста оказывается коммуникативным по своей сути.

Из проведенного анализа двух пониманий текста следует, что для филологических наук значимыми являются оба понимания. Они дополняют друг друга. Каждое из них раскрывает одну из сторон текста: первое — его устроенность с точки зрения структуры и семантики; второе — его функциональную природу. При этом второе понимание не отменяет характеристик, содержащихся в первом, только «снимает» их крайности (именно эти крайности и показаны при анализе первого определения).

Назовем важнейшие признаки текста как объекта филологии.

Коммуникативность — признак, выражающий функциональное предназначение текста. Текст есть высшая коммуникативная единица языка, в которой «сопрягаются» деятельность говорящего (пишущего) по созданию текста и деятельность читающего (слушающего) по восприятию и пониманию текста. Каждый из них представлен в тексте.

Пример. Тексты публичных выступлений писателей, журналистов, общественных деятелей рубежа XX — XXI вв. отличаются адресованностью. Как обозначается адресат? Н.П. Вольвак (Фактор адресата в публичном аргументирующем дискурсе: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Владивосток, 2002) отмечает, что если оппонентом говорящего является не конкретное лицо, а «общее мнение», то оно может быть представлено, например, формулами *«многие говорят»* или высказывается без указания того, с кем спорит говорящий: *«говорят»*.

См. фрагменты текстов:

– *«А другие талдычат: патриотизм — это позорное пятно, мы ни на что свое не способны, мы должны без оглядки — все, все, все перенимать с Запада»* (Солженицын);

– *«Говорят у нас теперь: «Никто не забыт, ничто не забыто». О, многое забыто!»* (Солженицын).

Если же адресат является единомышленником говорящего, то его мнение обычно передается цитатой или в пересказе. Так говорящий реализует разные возможности спора с оппонентом.

Системная организация — признак, выражающий принцип устроенности текста. Текст есть языковое образование, устроенное как сложный знак или последовательность знаков. Как и любой знак языка, он имеет две стороны: означающее и означаемое. В отличие от других знаков языка текст обладает не только значением, но и смыслом. Так, значением рекламного текста принято считать предложение товара (услуги и пр.). Это значение выражается языковыми и неязыковыми знаками, которыми создан текст. Смыслом же рекламного текста принято считать предложение услуг фирмы-изготовителя, торгующей организации и т.д. Этот смысл рождается из отношений данного рекламного текста к другим. Для рекламодателя важно, чтобы рекламировался не отдельный продукт, а компания, фирма и т.д. То же

существенно и для рекламопотребителя. Если хотя бы один вид товара (услуги), приобретенного(ой) в данной организации, потребителя устраивает по качеству, цене и другим параметрам, то в дальнейшем он будет обращаться за услугами к той же самой организации. Потребитель всегда стремится найти для себя надежного (и выгодного) партнера.

Ю.М. Лотман (1922—1993) назвал три **функции текста**⁶, в которых проявляется его функциональная природа.

Первая функция: текст «упаковывает» смысл. Так, тема любви «упакована», например, в следующих вариантах (приводим тексты):

— Я вас любил: любовь еще, быть может,
В душе моей угасла не совсем;
Но пусть она вас больше не тревожит;
Я не хочу печалить Вас ничем.
Я вас любил безмолвно, безнадежно,
То робостью, то ревностью томим;
Я вас любил так искренно, так нежно,
Как дай вам бог любимой быть другим
(А.С. Пушкин);

— Я вас любил. Любовь ещё (возможно,
что просто боль) сверлит мои мозги.
Всё разлетелось к чёрту на куски.
Я застрелиться пробовал, но сложно
с оружием. И далее: виски:
в который вдарить? Портила не дрожь, но
задумчивость. Чёрт! все не по-людски!
Я вас любил так сильно, безнадежно,
как дай вам Бог другими — но не даст!
Он, будучи на многое горазд,
не сотворит — по Пармениду — дважды
сей жар в крови, ширококостный хруст,
чтоб пломбы в пасти плавильсь от жажды
коснуться — «бюст» зачёркиваю — уст!
(И. Бродский);

— *Федя + Даша = любовь* (надпись на асфальте напротив одного из окон студенческого общежития).

Между приведенными «упаковками» имеются существенные различия: и в синтаксическом построении текстов, и в лексике, и в использованных неязыковых знаках: метрика в первом и втором текстах (причем различная!) и математические знаки — в третьем. Каждый из текстов построен по законам своего жанра: первый и второй — как лирические стихотворения; третий — как признание в любви. Это предопределяет и возможные варианты композиционного построения текстов.

Вторая функция: текст есть генератор (лат. *generator* — производитель) **смыслов**. Один и тот же текст разными слушающими (читающими) в разных ситуациях может истолковываться по-разному. См., например, текст: *Легкость, веселье, радость. Мечты, безбрежное будущее. Песни и стихи. Закаты и молодость, которая навеки.*

Ниже приводятся варианты истолкования темы (о чем говорится в тексте?) и идеи (какова главная мысль текста?) текста.

О чем говорится в тексте?	Какова главная мысль текста?
<i>О юности.</i>	<i>Память о вечном.</i>
<i>О молодости.</i>	<i>Молодость — самая веселая пора в жизни.</i>
<i>О беззаботной жизни.</i>	<i>Что нужно для беззаботной жизни.</i>
<i>О счастливом будущем.</i>	<i>Все будет хорошо навеки.</i>

Почему оказываются возможными разные истолкования? Учтем роль читающего (слушающего), его способности истолковать смысл текста. Но этого для ответа на вопрос мало. Обратимся к тексту. Всякий текст, в том числе и приведенный, образующими его средствами, разными гранями устройства посылает разные сигналы каждому из воспринимающих его в процессе коммуникации. В данном тексте, судя по ответам испытуемых, ими усмотрены разные сигналы. Фактически текст обладает

некоторым смысловым потенциалом, который и позволяет читателю усмотреть в нем разные смыслы: читатель «зацепляется» за тот или иной сигнал. (См.: Коржнева Е.А. Деятельность лингвиста-экспериментатора при исследовании структуры текста: канд. дис., 2003. С. 101–102, 181–182.)

Третья функция: текст — конденсатор (лат. *condensare* — сгущать) **культурной памяти**. Например, Ю.М. Лотман пишет: «...Гамлет» — это не только текст Шекспира, но и память обо всех интерпретациях этого произведения и, более того, память о тех вне текста находящихся исторических событиях, с которыми текст Шекспира может вызывать ассоциации. Мы можем забыть то, что знал Шекспир и его зрители, но мы не можем забыть то, что мы узнали после них. А это придает тексту новые смыслы»⁷. Накапливаемые текстом смыслы хранятся в исторической и культурной памяти человечества; они существуют в виде своеобразного облака, в котором живет текст. Способностью накапливать культурную память обладают не только тексты художественной литературы и фольклора, но и все иные.

Итак, текст не только устойчив, как это следует из факта «упакованности» его смысла, но и изменчив. Он открыт для читателя разных времен и стран. Он предполагает со-творчество читателя. (См. в приводимых ниже материалах для чтения фрагменты книги У. Эко.)

4.3. Текст в мире текстов

Тексты существуют не поодиночке, а во взаимодействии друг с другом, образуя **мир текстов — отдельную область реальности, заполненную текстами**.

В основе взаимодействия текстов лежат диалогические отношения между ними. Идея диалогических отношений между текстами принадлежит М.М. Бахтину, который считает, что диалогические отношения есть отношения смысловые. Чтобы объяснить проявление диалогических отношений, ученый сопоставляет высказывание, принадлежащее одному говорящему (речевому субъекту, по его терминологии): «*Голод, холод!*»,

и два высказывания разных говорящих (речевых субъектов): «Голод!» — «Холод!». Диалогические отношения имеют место только во втором случае: эти два высказывания *диалогически соотнесены*⁸.

Существует много оснований, по которым группируются тексты. В их число входят, например, следующие:

- естественный язык, на котором созданы тексты. Различаются совокупности текстов на русском, балкарском, каталонском и других языках;
- принадлежность текста одному жанру. См. жанровые объединения текстов: романы, рассказы, анекдоты, автобиографии, поздравления, жалобы и др.;
- принадлежность текстов одному автору. Таковы, например, совокупности текстов А. Блока, В. Пелевина, акад. П.П. Семенова-Тян-Шанского, акад. И.Ю. Крачковского, ученика 1-го класса школы № 000 города N-ска Ивана Иванова и др.

Относительно недавно (с 1960-х годов) выделяется еще ряд отношений между текстами: интертекстуальные и текстообразовательные.

Интертекстуальные отношения (лат. *inter* — между) — это отношения между текстом и включенными в него уже существующими текстами (их фрагментами). Термин введен Ю. Кристевой в развитие идей М.М. Бахтина о диалогических отношениях между текстами.

В романе В. Пелевина «Чапаев и Пустота» на противопоставлении западного мифа (о Вечном Возвращении) и восточного мифа (о Вечном Невозвращении) создается образ диссидента-невозвращенца, которому автор придает черты одного из четырех типов буддийских благородных личностей, а именно «анагами» — не возвращающегося из нирваны в сансару. Чапаев, Петр и Анна, нырнув в Урал (Урал — аббревиатура от Условной Реки Абсолютной Любви), становятся «невозвращающимися», перешедшими к такому состоянию бытия, когда реальность становится равной чистому уму, пустота равной форме, а пространство (сияющая пустота) — сознанию. Буддийская философско-мифологическая основа романа В. Пелевина посредством одновременной сакрализации и пародирования демифологизирует

советскую концепцию истории и идеологии. (Н.С. Ользько. Семиотико-синергетическая интерпретация особенностей реализации категорий интертекстуальности и интердискурсивности в пост-модернистском художественном дискурсе: автореф. докт. дис. Челябинск, 2009. С. 25.)

Каждый из текстов, не только художественный, существует в своем интертекстуальном пространстве. В него входят тексты, «реакцией» на которые и является текст данный. Такого рода пространство демонстрирует тот фрагмент современной культуры и культуры прошлого, к которому обращается текст и который «преобразован» в тексте.

Текст, включаемый в данный конкретный, не обязательно имеет всеобщую культурную значимость; сферой культурной значимости текста может быть речь некоторого объединения людей — семьи, круга друзей, дружеской компании, производственного коллектива и др. (См. в приводимых ниже материалах для чтения фрагменты книги Н. Пьеге-Гро.)

Отношения текстообразования. Текстообразовательными являются отношения между текстами, один из которых произведен от другого (других). См. подобный пример из *словообразования*: возить → воз-чик, стол → стол-ик, Москва → москов-ск(ий).

Примеры: текст аннотации — это производное от текста аннотируемого произведения; текст газетного номера есть производное от текстов, составляющих этот номер; текст рекламы и «тот же» текст рекламы, перенесенный, например, в художественный текст; слух и текст, его распространяющий.

Приведем еще один пример из В. Пелевина. В речи персонажей романа «Generation “P”» содержатся следующие производные фрагменты текста, образованные на основе рекламных текстов:

...Морковин в расшитой золотом джинсовой куртке прохаживается в витрине магазина, а одетый в военную телогрейку Татарский швыряет в бронированное стекло кирпич, выкрикивая: «Под Кандагаром было круче!» (слоган «Enjoy the Gap»);

...По экрану заматались люди в саванах — мистера Йохохори куда-то поволокли, побледневшая девушка в кимоно стала бить

извиняющиеся поклоны, и на всем этом безобразии нарисовался логотип «Панасоника». Низкий голос произнес: «Панасоник. Янона мать!»

В текстах из данного романа В. Пелевина участие исходных рекламных текстов в образовании текстов производных создает остро пародийные ситуации.

Мир текстов — система не замкнутая, а открытая. Каждый отдельный текст существует не только во взаимодействии с другими текстами, но и открыт другим мирам — культуре, обществу, природе, отдельному человеку.

Понятия мира текстов и мира конкретного текста дают представление о сфере существования текста, помогают истолковать его смысл, постичь жизнь текста.

4.4. Аспекты изучения текста в филологических науках

В филологических науках текст изучается и как объект филологии, и отдельно каждой из филологических наук.

Изучая текст как объект, филология рассматривает в нем то общее, что значимо для всех филологических наук. Это функциональная природа текста, его важнейшие признаки, место в мире текстов, способность взаимодействовать с ними.

Филологическая дисциплина, изучающая текст, получила название **теории текста**.

Наряду с гуманитарной семиотикой теория текста обеспечивает единство лингвистики и литературоведения как филологических наук, служит в современной филологии интегрирующим началом. Каждая из филологических наук имеет свои задачи изучения текста.

Лингвистика изучает текст как лингвистический объект. Традиционно лингвистика помещает текст в синтаксисе: текст рассматривается как единица более высокого уровня, чем предложение, и замыкает собой ряд синтаксических единиц: словосочетание — простое предложение — сложное предложение — текст. В 1960—1970-х годах в совокупности наук о языке сложилось

отдельное направление, которое исследует текст, — **лингвистика текста**. Главная задача ее состоит в том, чтобы раскрыть сущность текста в его отношении к другим лингвистическим единицам, установить признаки текста как лингвистического объекта, правила создания текста и понимания его смысла. Лингвистика изучает все типы, виды, разновидности текстов.

В литературоведении текст значим как аспект художественного произведения. Здесь текст, по определению британского философа и литературоведа Терри Иглтона, которого сочувственно цитирует Н.Н. Михайлов, есть «речевое произведение, обособленное от какой-либо конкретной речевой ситуации, и потому открытое для самых различных интерпретаций различными читателями»⁹. «Обособление» литературно-художественного произведения от конкретной речевой ситуации вполне объяснимо: текст создается посредством языка художественной литературы — знаковой системы особого рода. Так, лирическое стихотворение А.С. Пушкина «И.И. Пущину», начатое на другой день после посещения Пущиним опального поэта, воспринимается как послание всем друзьям:

*Мой первый друг, мой друг бесценный!
И я судьбу благословил,
Когда мой двор уединенный,
Печальным снегом занесенный,
Твой колокольчик огласил. <...>*

И лингвистика, и литературоведение имеют свои специализированные научные дисциплины, изучающие разные грани текста. Так, в лингвистике выделяется, например, стилистика текста; в литературоведении большую роль играет текстология.

Текст значим и для гуманитарного знания в целом. Этот тезис выдвинул еще М.М.Бахтин. Рассуждая об исследовании в гуманитарных науках, он заметил: «Каковы бы ни были цели исследования, исходным пунктом может быть только текст».

¹ Ромодановская Е.К. Сибирь и литература. XVII век. Новосибирск, 2002. С. 242.

² Крестева Ю. Избранные труды: Разрушение поэтики. М., 2004. С. 270–271.

³ Маклюэн Г.М. Понимание Медиа: Внешние расширения человека. М., 2003. С. 10.

⁴ Хализев В.Е. Теория литературы. М., 1999. С. 241.

⁵ Винокур Г.О. Введение в изучение филологических наук, М., 2002. С. 52–53.

⁶ Лотман Ю.М. Внутри мыслящих миров. Человек – текст – семиосфера – история. М., 1995. С. 11–22.

⁷ Там же. С. 22.

⁸ Бахтин М.М. Автор и герой: К философским основам гуманитарных наук. СПб., 2000. С. 316.

⁹ Цит. по: Михайлов Н.Н. Теория художественного текста. М., 2006. С. 27.

ВОПРОСЫ И ЗАДАНИЯ

- Почему текст является объектом современной филологии?
- Что такое фактура текста? Каково значение фактуры текста для жизни текстов?
- Проиллюстрируйте материалом русского (родного), а также изучаемых вами иностранных языков проявления ликов текста. Каково значение понятия *лик текста* в филологии?
- Приведите фактический материал из русского (родного), изучаемых вами иностранных языков в пользу традиционного понимания текста и противоречащей традиционному пониманию.
- Приведите фактический материал из русского (родного), изучаемых вами иностранных языков в пользу современного понимания текста и противоречащий современному пониманию.
- В чем заключается сущность функционального понимания текста? Почему оно плодотворно для филологии?
- Каковы функции текста «по Ю.М. Лотману»?
- Что такое мир текстов? Каково значение этого понятия для изучения текста в филологии?
- Что в тексте изучает лингвистика? литературоведение?

- Приведите пример текста. Рассмотрите текст в аспекте и интертекстуальных, и текстообразовательных отношений. Оцените свое решение задачи с точки зрения понимания текста.
- Что изучает теория текста?
- Определите текст как объект современной филологии. Раскройте его признаки как объекта филологии.

МАТЕРИАЛЫ ДЛЯ ЧТЕНИЯ

Р. Барт. От произведения к тексту

<...>

В противовес *произведению* (традиционному понятию, которое издавна и по сей день мыслится, так сказать, по-ньютонovski), возникает потребность в новом объекте, полученном в результате сдвига или преобразования прежних категорий. Таким объектом является *Текст*. Понимаю, что слово это сейчас в моде (я и сам склонен его употреблять достаточно часто) и тем самым вызывает у некоторых недоверие; потому-то мне и хотелось бы сформулировать себе для памяти основные пропозиции, в пересечении которых и располагается, на мой взгляд, Текст. Слово «пропозиция», «предложение» следует здесь понимать скорее в грамматическом, чем в логическом смысле; это не доказательства, а просто высказывания, своего рода «пробы», попытки подхода к предмету, в которых допускается метафоричность.

<...>

* * *

1. Текст не следует понимать как нечто исчислимое. Тщетна всякая попытка физически разграничить произведения и тексты. В частности, опрометчиво было бы утверждать: «произведение — это классика, а текст — авангард»; речь вовсе не о том, чтобы наскоро составить перечень «современных лауреатов» и расставить одни литературные сочинения *in*¹, а другие *out*² по хронологическому признаку; на самом деле «нечто от Текста» может содержаться и в весьма древнем произ-

¹ Внутри (англ.). — *Прим. перев.*

² Вне (англ.). — *Прим. перев.*

ведении, тогда как многие создания современной литературы вовсе не являются текстами. Различие здесь вот в чем: произведение есть вещественный фрагмент, занимающий определенную часть книжного пространства (например, в библиотеке), а Текст — поле методологических операций (*un champ méthodologique*). Эта оппозиция отчасти напоминает (но отнюдь не дублирует) разграничение, предложенное Лаканом: «реальность» показывается, а «реальное» доказывается; сходным образом произведение наглядно, зримо (в книжном магазине, в библиотечном каталоге, в экзаменационной программе), а текст — доказывается, высказывается¹ в соответствии с определенными правилами (или против известных правил). Произведение может поместиться в руке, текст размещается в языке, существует только в дискурсе (вернее сказать, что он является Текстом лишь постольку, поскольку он это сознает). Текст — не продукт распада произведения, наоборот, произведение есть шлейф воображаемого, тянущийся за Текстом. Или иначе: *Текст ощущается только в процессе работы, производства*. Отсюда следует, что Текст не может неподвижно застыть (скажем, на книжной полке), он по природе своей должен *сквозь что-то* двигаться — например, *сквозь произведение, сквозь ряд произведений*.

* * *

2. Точно так же Текст не ограничивается и рамками добропорядочной литературы, не поддается включению в жанровую иерархию, даже в обычную классификацию. Определяющей для него является, напротив, именно способность взламывать старые рубрики. <...>

<...>

<...> можно сказать, что Текст всегда в буквальном смысле *парадоксален*.

* * *

3. Текст познается, постигается через свое отношение к знаку. Произведение замкнуто, сводится к определенному означаемому. Этому означаемому можно приписывать два вида значимости: либо мы полагаем его явным, и тогда произведение служит объектом науки о

¹ В подлиннике обыгрываются возвратные глаголы *se démontrer, se montrer, se parler*; дословный перевод: «“реальность” показывается, а “реальное” обнаруживается..., текст обнаруживается, выговаривается...» — *Прим. ред.*

буквальных значениях (филологии), либо мы считаем это означаемое тайным, глубинным, его нужно искать, и тогда произведение подлжит ведению герменевтики, интерпретации (марксистской, психоаналитической, тематической и т. п.). Получается, что все произведение в целом функционирует как знак; закономерно, что оно и составляет одну из основополагающих категорий цивилизации Знака. В Тексте, напротив, означаемое бесконечно откладывается на будущее; Текст уклончив, он работает в сфере означающего. Означающее следует представлять себе не как «видимую часть смысла», не как его материальное преддверие, а, наоборот, как его *вторичный продукт* (après-coup). Так же и в *бесконечности* означающего предполагается не невыразимость (означаемое, не поддающееся наименованию), а *игра*; порождение означающего в поле Текста (точнее, сам Текст и является его полем) происходит вечно, как в вечном календаре, — причем не органически, путем вызревания, и не герменевтически, путем углубления в смысл, но посредством множественного смещения, взаимоналожения, варьирования элементов. Логика, регулирующая Текст, зиждется не на понимании (выяснении, «что значит» произведение), а на метонимии; в выработке ассоциаций, взаимосцеплений, переносов находит себе выход символическая энергия; без такого выхода человек бы умер. Произведение в лучшем случае *малосимволично*, его символика быстро сходит на нет, т.е. застывает в неподвижности; зато Текст *всецело* символичен; *произведение, понятое, воспринятое и принятое во всей полноте своей символической природы, — это и есть текст*. Тем самым Текст возвращается в лоно языка: как и в языке, в нем есть структура, но нет объединяющего центра, нет закрытости. (К структурализму иногда относятся с пренебрежением, как к «моде»; между тем исключительный эпистемологический статус, признанный ныне за языком, обусловлен как раз тем, что мы раскрыли в нем парадоксальность структуры — это система без цели и без центра.)

* * *

4. Тексту присуща множественность. Это значит, что у него не просто несколько смыслов, но что в нем осуществляется сама множественность смысла как таковая — множественность *неустрашимая*, а не просто допустимая. В Тексте нет мирного сосуществования смыслов — Текст пересекает их, движется сквозь них; поэтому он не под-

дается даже плюралистическому истолкованию, в нем происходит взрыв, рассеяние смысла. Действительно, множественность Текста вызвана не двусмысленностью элементов его содержания, а, если можно так выразиться, *пространственной многолинейностью* означающих, из которых он соткан (этимологически «текст» и значит «ткань»). Читателя Текста можно уподобить праздному человеку, который снял в себе всякие напряжения, порожденные воображаемым, и ничем внутренне не отягощен; он прогуливается (так случилось однажды с автором этих строк, и именно тогда ему живо представилось, что такое Текст) по склону лощины, по которой течет пересыхающая река (о том, что река пересыхающая, упомянуто ради непривычности обстановки). Его восприятия множественны, не сводятся в какое-либо единство, разнородны по происхождению — отблески, цветовые пятна, растения, жара, свежий воздух, доносящиеся откуда-то хлопающие звуки, резкие крики птиц, детские голоса на другом склоне лощины, прохожие, их жесты, одеяния местных жителей вдалеке или совсем рядом; все эти случайные детали наполовину опознаваемы — они отсылают к знакомым кодам, но сочетание их уникально и наполняет прогулку несходствами, которые не могут повториться иначе как в виде новых несходств. Так происходит и с Текстом — он может быть собой только в своих несходствах (что, впрочем, не говорит о какой-либо его индивидуальности); прочтение Текста — акт одноразовый (оттого иллюзорна какая бы то ни было индуктивно-дедуктивная наука о текстах — у текста нет «грамматики»), и вместе с тем оно сплошь соткано из цитат, отсылок, отзвуков; все это языки культуры (а какой язык не является таковым?), старые и новые, которые проходят сквозь текст и создают мощную стереофонию. Всякий текст есть между-текст по отношению к какому-то другому тексту, но эту интертекстуальность не следует понимать так, что у текста есть какое-то происхождение; всякие поиски «источников» и «влиятельных» соответствуют мифу о филиации произведений, текст же образуется из анонимных, неуловимых и вместе с тем *уже читанных* цитат — из цитат без кавычек. Произведение не противоречит ни одной философии монизма (при том что некоторые из них, как известно, непримиримые враги); для подобной философии множественность есть мировое Зло. Текст же, в противоположность произведению, мог бы избрать своим девизом слова одержимого бесами (Евангелие от Мар-

ка, 5, 9): «Легион имя мне, потому что нас много». Текст противостоит произведению своей множественной, бесовской текстурой, что способно повлечь за собой глубокие перемены в чтении, причем в тех самых областях, где монологичность составляет своего рода высшую заповедь: некоторые «тексты» Священного писания, традиционно отданные на откуп теологическому монизму (историческому или аналогическому), могут быть прочитаны с учетом дифракции смыслов, т.е. в конечном счете материалистически, тогда как марксистская интерпретация произведений, до сих пор сугубо монистическая, может благодаря множественности обрести еще большую степень материализма (если, конечно, марксистские «официальные институты» это допустят).

* * *

<...>

* * *

7. С учетом этого можно полагать (предлагать) еще один, последний, подход к Тексту — через удовольствие. <...> Конечно, произведение (некоторые произведения) тоже доставляет удовольствие: я могу упоенно читать и перечитывать Пруста, Флобера, Бальзака и даже — почему бы и нет? — Александра Дюма. Однако такое удовольствие, при всей его интенсивности, даже полностью избавленное от любых предрассудков, все же остается отчасти удовольствием потребительским (разве что прилагать чрезвычайные усилия для его критики): ведь хотя я и могу читать этих авторов, я вместе с тем знаю, что не могу их *пере-писать* (что ныне уже невозможно писать «так»); одно лишь осознание этого довольно грустного факта отторгает меня от создания подобных произведений, причем такая отторгнутость и есть залог моей современности (быть современным человеком — не значит ли это досконально знать то, что уже нельзя начать сначала?). Что же касается Текста, то он связан с наслаждением, т.е. с удовольствием без чувства отторгнутости. Текст осуществляет своего рода социальную утопию в сфере означающего; опережая Историю (если только История не выберет варварство), он делает прозрачными пусть не социальные, но хотя бы языковые отношения; в его пространстве ни один язык не имеет преимущества

перед другим, они свободно циркулируют (с учетом «кругового» значения этого слова).

<...>

Цит. по: *Барт Р. Избранные работы: Семиотика. Поэтика. М., 1994. С. 413—423.*

И.Т. Касавин. Текст. Дискурс. Контекст

ГЛАВА 6. ТЕКСТ КАК ИСТОРИЧЕСКИЙ ФЕНОМЕН. ТЕКСТОВЫЕ ЭПОХИ

<...> Теперь попробуем суммировать и систематически упорядочить наше рассмотрение текстовых эпох как исторических типов чтения и письма. Первая эпоха — период формирования лингвистических систем в контексте мифо-магической культуры раннеродового строя. Здесь знаковая коммуникация является нерасторжимым единством естественного языка, поведенческого акта и космологической схемы. Слово, знак — еще часть предмета в смысле неразвитости абстрактного мышления; одновременно с этим предмет — часть знаковой системы в смысле его зависимости от общей космологической схемы. Процедуры чтения и письма сводятся, поэтому, к «вычитыванию» смыслов из предметов и «приписыванию» предметам знаковой формы — отнюдь не герменевтическим, а, по существу, квазионтологическим процедурам. Типичный текст этой эпохи — магическая формула или рассказ о деяниях богов и героев. В основе его лежит форма культуры, которую М.К. Петров называет «лично-именным кодированием». «Трансляционный механизм лично-именного кодирования изучен достаточно детально, — пишет М.К. Петров. — Это ритуалы посвящения. Их подготовка и непосредственное программирование индивидов во взрослые имена совершаются силами старейшин или старцев, то есть бывшими носителями взрослых имен. Память старцев и есть, собственно, та “фундаментальная библиотека” лично-именного кодирования, в которой хранится “энциклопедия” первобытной социальности: имена — адреса распределения знания и индивидов — и связанные с именами тексты. Вместимость этой коллективной памяти и будет в конечном счете определять возможные объемы знания, которые социокод этого типа способен освоить, включить в трансляцию для передачи от по-

колениа к поколению, а производно от этих объемов код определит и число индивидов, которое он способен удержать в единой социальной структуре»¹.

При всей плодотворности концепции М.К. Петрова, включающей лично-именное, профессионально-именное и абстрактно-понятийное кодирование, нам не удастся в полной мере использовать эту классификацию для разграничения текстовых эпох. В частности, лично-именное кодирование будет лежать в основе как первобытных, так и части античных текстов, распространяясь далее на ряд текстов средневековых. Профессионально-именное кодирование также обнаруживается в античности, средневековьи и значительно позднее, если иметь в виду не только научные, но и философские, религиозно-мистические и иные тексты. Поэтому последний способ кодирования важен для нас только потому, что профессия есть первый способ специализированной коммуникации, способный порождать внутрисоциальные смыслы, в дальнейшем транслируемые в окружающий социум. Здесь не обойтись без обширной цитаты: «Вечность бога-покровителя, именного знака, с которым связан текст профессии, сообщает это свойство трансляционности-вечности, отчужденности от смертных профессионалов всему составу текста — технологическим описаниям образцов для подражания. Принадлежность к тексту бога воспринимается традицией как санкция на трансляцию, как официальное признание обществом социальной ценности новации, введенной в корпус знания. Если профессионал-новатор «сочиняет» миф, то есть находится в позиции «говорящего», реального творца новинки, то профессионал-потребитель, осваивающий эту новинку, всегда находится в позиции «слушателя», который получает эту новинку от имени бога-покровителя. Для профессионала-новатора имя бога-покровителя не более как средство опосредования-социализации результата, такой же знаковый, инертный сам по себе и не создающей сам по себе знания инструмент означения, социализации, как журнал для ученого. Но для профессионала-потребителя бог-покровитель суть источник всего личного и любого будущего знания. Для него профессионал-новатор лишь «посредник», рассказывающий об эталонной для профессионала деятельности бога. Схема: бог — посредник — человек (профессионал)

¹ Петров М.К. Язык. Знак. Культура. М., 1991. С. 100.

становится для традиции ее теорией познания, трансмутации. (В несколько универсализированной форме намагниченности-одержимости Платон анализирует эту схему в «Ионе».) Укоренению этой схемы способствует то обстоятельство, что традиционный акт социализации нового через наращивание текста имени бога-покровителя крайне редко использует процедуру выдачи «авторского свидетельства»¹.

В рамках этого способа кодирования происходит оформление лингвистических систем в этнические языки, что идет параллельно с обретением речью своей относительной самостоятельности в форме устного рассказа или диалога. Здесь текст воспроизводит уже не структуру Космоса, но способ живой коммуникации людей. Облекаясь в письменную форму, он утрачивает аутентичность; письмо еще не обладает самоценностью, это лишь «записывание» устного слова. В силу этого доминирует чтение вслух как «придание телесности» тексту. Здесь же возникает впервые и чтение как «по-читание» — как форма ритуальной нагруженности чтения и сакрализации текста как тайны. Типичный текст — поэтический эпос, философский диалог, трактат.

«Письменный пересказ», или письмо как «переписывание», с одной стороны, и, с другой — «чтение про себя» — характеристики средневековой текстовой эпохи. В метафорах «книги как мира и мира как книги» заключено как космологическое, так и личностное начало. Интимность общения с Богом и миром через текст действительна в обе стороны, а слово — универсальный инструмент творения, откровения и понимания. В нем почти отсутствует функция самовыражения человека — отсюда безличность авторства, а «по-читание» текста превращается едва ли не в единственный способ обращения с ним. Лишь отчасти магия культивирует использование текста для достижения индивидуальных целей, оставаясь на периферии культурного пространства. Типичные тексты эпохи: комментарий к Библии («сумма»), компендиум-«бестиарий», алхимический рецепт, летопись.

Обретение светской культурой регулярной письменной формы — процесс, фундаментальным образом характеризующий эпоху Возрождения. Полюсы напряженности, свойственные этой текстовой эпохе, обусловлены диалогом-противостоянием монастырской и светской, ученой и народной культуры. Извлекаемым

¹ Петров М.К. Язык. Знак. Культура. М., 1991. С. 117.

из античности и арабского Востока текстам придается историзм, у них обнаруживаются источники и авторы. В эпоху Возрождения письменная монологичная культура Средневековья развивается поступательно, благодаря книгопечатанию; одновременно происходит частичное возвращение к диалогическому чтению «как бы вслух» в силу восприятия народных языковых традиций. Типичные тексты эпохи: натурфилософский диалог, поэтическая эпистола, ироническое нравописание.

Новое время не образует в точном смысле новой текстовой эпохи, но в основном варьирует и комбинирует уже известные стили. По-прежнему в ученых кругах популярны трактаты и диалоги, компендиумы по «естественной истории», мифологические поэмы, социально-критические нраво- и бытописания; как и ранее распространены жанры письма, путевых записок, мемуары. Нельзя, однако, не отдать должного тому новому, что принесла с собой эта эпоха: получает распространение локальная тенденция античного скептицизма — критика текста. Характерны названия текстов Секста Эмпирика: «Против физиков», «Против астрологов» и т.п., за пересказом которых следует их критический анализ. Весьма примечательная характеристика античного скептицизма, даваемая Х. Ортегой-и-Гассетом. «Сам термин (скептицизм — *И.К.*) свидетельствует о том, что греки видели в скептике полную противоположность тому сонному человеку, который беспомощно бредет по жизни. Они называли его «исследователем», ... «изыскателем» ... наряду с основным содержанием термина «изыскатель» в греческом языке прослеживаются такие его коннотации, как человек «сверхактивный», «героический» (в котором, правда, много от «мрачного героя»), «неутомимый», а потому и «надоедливый», с которым «ничего не поделаешь». Это человек-коловорот»¹. Скептицизм задал парадигму нововременной текстовой эпохи в том смысле, что критика текста обратилась не столько на его внутренние свойства, но на соответствие его тому, что текстом описывается, — реальности. Текст перестал быть самодовлеющей действительностью, но оказался свидетельством наличия чего-то иного, принципиально отличного от текста, более богатого, сложного и важного. Быть может именно поэтому Новое время все же стало эпохой торжества текста и языка, но

¹ Ортега-и-Гассет Х. Что такое философия? М., 1991. С. 217

особого — математического, которым, по расхожей поговорке, была написана Книга Природы.

Как охарактеризовать современную текстовую эпоху — самая сложная проблема. Современность образует наш собственный жизненный мир, «сферу очевидностей», непрозрачную для наблюдателя. Тому способствует небывалое прежде распространение знаково-символической текстовой культуры в форме книг и печатных СМИ, всеобъемлющей системы образования, которые пронизывают и наполняют всю жизнь человека. Одновременно происходящий кризис, обозначенный Ж. Деррида как «конец книги и начало письма»¹, означает начало некоторого нового отношения к тексту, которое, с одной стороны, придает ему универсальный характер (М. Бахтин), а с другой — заменяет его видеорядом, жестом, а то и просто молчанием, порой прерываемым бессмысленным смехом. Феноменология эпохи выступает как нагромождение традиций, стилей и жанров, наслоение друг на друга бесчисленных критик, интерпретаций и рефлексий, переплетение текстов с многообразными контекстами и неоконченными дискурсами. Самое первое обобщение претендует на аналогию с позднеримской эпохой литературной пресыщенности и потому демонстративной несерьезности по отношению к любому тексту. Текст, ставший рядовым товаром, есть первая и наиболее наглядная примета именно современной эпохи, но это относится не столько к качеству самого текста, сколько к способу его использования. Второе, отчасти скрытое свойство, характеризующее уже производство текста, есть безусловное доминирование вторичных текстов, ничем не ограниченная и технически обеспеченная манипуляция и комбинаторика с языковой реальностью. Подобно тому, как аэрофотосъемка местности изменила облик геологической и географической науки и практики, так сканирование и оцифровка посадили филологию и философию языка на иглу компьютерных технологий. Интернет вкупе с техникой фото- и видеомонтажа, перенесенные в сферу текста, обеспечили его общедоступность, а также возможность его произвольного использования и трансформации. Однако, вспоминая иронию М. Монтеня по поводу «глоссов друг на друга», мы вновь не можем в вышеперечисленном обнаружить специфику современной эпохи. Быть может, именно эта неспецифичность и

¹ См.: Деррида Ж. Грамматология. М., 2000.

составляет ее своеобразие? *В современности есть все, что мы знаем о прошлом и угадываем в будущем*, и только нашим потомкам будет под силу указать на те возможности, которые нам сегодня недоступны.

Цит. по: *Касавин И. Т. Текст. Дискурс. Контекст. Введение в социальную эпистемологию языка. М., 2008. С. 188—193.*

**Ю.М. Лотман. Текст в процессе движения:
Автор — Аудитория, Замысел — Текст**

Взаимоотношения текста и аудитории характеризуются взаимной активностью: текст стремится уподобить аудиторию себе, навязать ей свою систему кодов, аудитория отвечает ему тем же. Текст как бы включает в себя образ «своей» идеальной аудитории, аудитория — «своего» текста. Рассказывают анекдотическое происшествие из биографии известного математика П.Л. Чебышева. На лекцию ученого, посвященную математической задаче раскройки ткани, явилась непредусмотренная публика: портные, модельеры, модные барыни и проч. Однако первая же фраза лектора: «Предположим для простоты, что человеческое тело имеет форму шара» — обратила их в бегство. В зале остались лишь математики, которые не находили в таком начале ничего удивительного. Текст «отобрал» себе аудиторию, создав ее по образу и подобию своему.

Общение с собеседником возможно лишь при наличии некоторой общей с ним памяти. Однако в этом отношении существуют принципиальные различия между текстом, обращенным «ко всем», т. е. к любому адресату, и тем, который имеет в виду некоторое конкретное и лично известное говорящему лицо. В первом случае объем памяти адресата конструируется как обязательный для любого, говорящего на данном языке и принадлежащего к данной культуре. Он лишен индивидуального, абстрактен и включает в себя лишь некоторый несократимый минимум. Естественно, что чем беднее память, тем подробнее, распространеннее должно быть сообщение, тем недопустимее эллипсисы и умолчания, риторика намеков и усложненных прагматико-референциальных отношений. Такой текст конструирует абстрактного собеседника, носителя лишь общей памяти, лишённого личного и индивидуального опыта. Он обращен ко всем и каждому.

Иначе строится текст, обращенный к лично знакомому адресату, к лицу, обозначаемому для нас не местоимением, а собственным именем. Объем его памяти и характер ее заполнения нам знаком и интимно близок. В этом случае нет никакой надобности загромождать текст ненужными подробностями, достаточно отсылка к памяти адресата. Намек — средство актуализации памяти. Большое развитие получают эллиптические конструкции, локальная семантика, тяготеющая к формированию «домашней», «интимной» лексики. Текст будет цениться не только мерой понятности для данного адресата, но и степенью непонятности для других. Таким образом, ориентация на тот или иной тип памяти адресата заставляет прибегать то к «языку для других», то к «языку для себя» — одному из двух скрытых в естественном языке противоположных структурных потенциалов. Владая некоторым набором языковых и культурных кодов, мы можем на основании анализа данного текста выяснить, на какой тип аудитории он ориентирован. Последнее будет определяться характером памяти, необходимой для его понимания. Реконструируя тип «общей памяти» для текста и его получателей, мы обнаружим скрытый в тексте «образ аудитории». Из этого следует, что текст содержит в себе свернутую систему всех звеньев коммуникативной цепи, и, подобно тому, как мы извлекаем из него позиции автора, мы можем реконструировать на его основании и идеального читателя этого текста. Этот образ активно воздействует на реальную аудиторию, перестраивая ее по своему подобию. Личность получателя текста, представляя семиотическое единство, неизбежно вариативна и способна «настраиваться по тексту». Со своей стороны, и образ аудитории, поскольку он не эксплицирован, а лишь содержится в тексте как некоторая мерцающая позиция, поддается варьированию. В результате между текстом и аудиторией происходит сложная игра позициями.

В самом общем виде можно сказать, что антитезу единой для всех членов социума памяти и памяти предельно индивидуализированной можно сопоставить с противопоставлением официальной и интимной речи, что в современной культуре также находит параллель в оппозиции: письменная речь — устная. Однако это последнее подразделение имеет много традиций: очевидно, что письменная печатная и письменная рукописная разновидности текста получают совершенно

различную прагматику, так же как устная ораторская речь и шепот. Конечным пунктом здесь будет внутренняя речь. Строка О. Мандельштама:

Я скажу это начерно — шепотом <...>
(Мандельштам I, 256), —

примечательно сближает неперебеленный, незаконченный черновик — запись «для себя» — и шепот.

Особенную сложность приобретает эта картина в художественном тексте, где образ аудитории и связанные с этим прагматические аспекты не автоматически обуславливаются типом текста, а делаются элементами свободной художественной игры и, следовательно, получают дополнительную значимость. Когда любовное, интимное, дружеское стихотворение, по заглавию и смыслу как бы обращенное к одному единственному лицу, публикуется в книге или журнале и, следовательно, меняет аудиторию, адресуясь уже любому читателю, оно превращается из личного послания — факта быта — в факт искусства. Смена аудитории влечет за собой смену объема общей памяти у текста и его адресатов. В художественном тексте, содержащем конкретно-биографическое обращение, создается двойная адресация: с одной стороны, имитируется обращенность к какому-то единственному адресату, требующая интимности, а с другой, текст адресован к любому читателю, что требует расширенного объема памяти¹.

В художественном тексте ориентация на некоторый тип общей памяти перестает автоматически вытекать из коммуникативной функции и становится значимым (т. е. свободным) художественным элементом, способным вступать с текстом в игровые отношения. <...>

Способность текста предлагать аудитории условную позицию интимной близости к отправителю текста часто использовалась Пушкиным. При этом поэт сознательно опускает как известные

¹ Обратный процесс наблюдается, когда какое-либо известное стихотворение используется как любовное послание, запись в альбом и т.д. Здесь аудитория сужается до одного лица и включает интимные детали (например, обстоятельства вручения, записи, устного сопровождения), без памяти о которых текст теряет полноту смысла для данного адресата.

или довольствуется намеком на обстоятельства, которые читателю печатного текста не могли быть знакомы. Намекая на факты, заведомо известные лишь небольшому кругу друзей, Пушкин как бы приглашал читателей почувствовать себя интимными друзьями автора и включиться в игру намеков и умолчаний. Так, например, в отрывке «Женщины» (под таким заглавием был опубликован в журнале «Московский вестник» 1827, 4 V. № 20, 365—367 отрывок первоначального варианта IV-й главы «Евгения Онегина») содержатся строки:

Словами вещего поэта
Сказать и мне позволено:
Темира, Дафна и Лилета —
Как сон, забыты мной давно
(VI, 647).

Современный нам читатель, желая узнать, кого следует разуметь под «вещим поэтом», обращается к комментарию и устанавливает, что речь идет о Дельвиге и подразумеваются строки из его стихотворения «Фани»:

Темира, Дафна и Лилета
Давно, как сон, забыты мной,
И их для памяти поэта
Хранит лишь стих удачный мой
(Дельвиг 1959, 100).

Однако не следует забывать, что стихотворение это было опубликовано лишь в 1922 г. В 1827 г. оно не было напечатано и современникам, если подразумевать основную массу читателей, к которой и адресовался Пушкин в своей публикации 1827 г., оставалось неизвестным, поскольку Дельвиг относился к своим ранним стихам исключительно строго, печатал с большим разбором и отвергнутые не распространял в списках.

Итак, Пушкин отсылал читателей к тексту, который им заведомо не был известен. Какой это имело смысл? Дело в том, что среди потенциальных читателей «Евгения Онегина» имелась небольшая группа, для которой намек был прозрачным — это лицейские друзья Пушкина

(стихотворение Дельвига было написано еще в 1810-е гг., вероятно, в Лицее и, возможно, для тесного кружка приятелей послелицейского периода)¹.

Таким образом, пушкинский текст, во-первых, рассекал аудиторию на две группы: крайне малочисленную, которой текст был понятен благодаря знакомству с внетекстовыми деталями обстоятельств, пережитых совместно с автором, и основную массу читателей, которые чувствовали здесь намек, но расшифровать его не могли. Однако понимание того, что текст требует позиции тесного знакомства с поэтом, заставляло читателей в о б р а з и т ь себя именно в таком отношении к этим стихам. В результате вторичным действием нерасшифрованного намека было то, что он переносил к а ж д о г о читателя в позицию интимного друга автора, обладающего с ним особой, уникальной общностью памяти, способного поэтом изъясняться намеками. Подобно этому человек, попавший в тесный кружок близких людей, где все изъясняется намеками на неизвестные ему обстоятельства, сначала испытывает чувство отчуждения, резко переживает свою выключенность из коллектива, но потом, видя, что он принят в него как равный, восполняет отсутствие прямого опыта косвенным и с особенной силой переживает оказанное ему доверие, с в о е в к л ю ч е н и е в интимный кружок. Пушкин включает читателя в такую игру. <...>

Текст и читатель как бы ищут взаимопонимания. Они «прилаживаются» друг к другу. Текст ведет себя как собеседник в диалоге: он перестраивается (в пределах тех возможностей, которые ему оставляет запас внутренней структурной неопределенности) по образцу аудитории. А адресат отвечает ему тем же — использует свою информационную гибкость для перестройки, приближающей его к миру текста. На этом полюсе между текстом и адресатом возникают отношения толерантности.

Нельзя, однако, упускать из виду, что не только понимание, но и непонимание является необходимым и полезным условием коммуникации. Текст абсолютно понятный есть вместе с тем и текст абсолютно бесполезный. Абсолютно понятный и понимающий собеседник был бы

¹ Имя Фани упоминается в послании Пушкина М. И. Щербинину (1819). Фани — имя возлюбленной А. Шенье, которым в дружеском кружке приятелей Пушкина 1817–1820 гг. называли какую-то неизвестную нам даму полусвета.

удобен, но не нужен, так как являлся бы механической копией моего «я» и от общения с ним мои сведения не увеличились бы, как от пере-кладывания кошелька из одного кармана в другой не возрастает сумма наличных денег. Не случайно ситуация диалога не стирает, а закрепляет, делает значимой индивидуальную специфику участников.

ЛИТЕРАТУРА

Мандельштам О.Э. 1964—1981: *Собр. Сочинений: В 3 т. [Т. 4 — дополнительный]* / Под редакцией проф. Г.П. Струве и Б.А. Филиппова. Вашингтон — Нью-Йорк — Париж. Т. I.

Дельвиг А.А. 1959: *Полное собрание стихотворений.* Вступительная статья, подготовка текста и примечания Б.В. Томашевского. Ленинград.

Пушкин 1937—1949: *Полное собрание сочинений: в 16-ти т.* [Москва]. Т. VI.

Цит. по: *Лотман Ю.М. Внутри мыслящих миров. Человек — текст — семиосфера — история. М., 1996. С. 87—90, 91—93, 113—114.*

Н. Пьеге-Гро. Введение в теорию интертекстуальности

ГЛАВА 1. ЧТО ТАКОЕ ИНТЕРТЕКСТУАЛЬНОСТЬ?

I. ПЕРВООСНОВА ЛИТЕРАТУРЫ

Предложенное Юлией Кристевой понятие интертекстуальности появляется в критической литературе в конце шестидесятых годов и, быстро закрепившись, становится необходимой принадлежностью любого литературного анализа. Можно подумать, что это сугубо современное понятие, однако на самом деле оно охватывает древнейшие и наиважнейшие практики письма: ни один текст не может быть написан вне зависимости от того, что было написано прежде него; любой текст несет в себе, в более или менее зримой форме, следы определенного наследия и память о традиции. В этом смысле идея интертекстуальности — это простая, даже банальная констатация того факта, что любой текст пребывает в окружении множества предшествующих ему произведений и что, стало быть, избавиться от литературы невозможно.

Интертекстуальность, таким образом, — это устройство, с помощью которого один текст перезаписывает другой текст, а интертекст —

это вся совокупность текстов, отразившихся в данном произведении, независимо от того, соотносится ли он с произведением *in absentia* (например, в случае аллюзии) или включается в него *in praesentia* (как в случае цитаты). Таким образом, интертекстуальность — это общее понятие, охватывающее такие различные формы, как пародия, плагиат, перепись, коллаж и т.д. Такое определение охватывает не только те отношения, которые могут приобретать конкретную форму цитаты, пародии или аллюзии, или выступать в виде точечных и малозаметных пересечений, но и такие связи между двумя текстами, которые хотя и ощущаются, но с трудом поддаются формализации. С этой точки зрения интертекстуальность предполагает вековечное подражание и вековечную трансформацию традиции со стороны авторов и произведений, эту традицию подхватывающих. Интертекстуальность, таким образом, — это первооснова литературы. Однако если любое произведение носит интертекстовый характер, то все же можно различать степени и модификации интертекстуальности. На некоторых произведениях лежит отчетливая печать того или иного предшествующего произведения, причем уже само их заглавие недвусмысленно указывает на эту связь. «Приключения Телемака» Арагона, «Улисс» Джойса, «Георгики» Клода Симона немедленно обнаруживают свой интертекстовый характер. Более того в некоторые эпохи интертекстуальность практикуется с особым усердием. Так, Ренессанс, а затем и классицизм превратили подражание древним в движущую силу творчества (см. «Антологию», с. 190—191 и 195—196). XX век, как о том свидетельствуют упомянутые выше произведения, не только разработал теорию интертекста, но и систематизировал сами интертекстовые практики. И наконец, феномены интертекстуальности могут быть истолкованы как форма самонасыщения литературы (уже Лабрюйер заметил: «Все давно сказано, и мы опоздали родиться, ибо уже более семи тысяч лет на земле живут и мыслят люди» [Характеры]) или, наоборот, как бесконечная игра дифференцирования и новаторства, допускаемая самим фактом опоры на преднаходимый текст; в обоих случаях мы констатируем, что обновление литературы происходит за счет обращения к одному и тому же материалу.

Если определять интертекстуальность именно таким образом, то ясно, что она существовала задолго до того, как сложился теоретический контекст шестидесятых-семидесятых годов, когда интертек-

стуальность стала предметом рефлексии и энергичного внедрения в литературно-критический дискурс эпохи. Интертекстуальность, таким образом, не открывает нам какое-то новое явление, но позволяет по-новому осмыслить и освоить формы эксплицитного и имплицитного пересечения двух текстов. В самом деле, зачастую интертекст легко поддается опознанию, выделению и идентификации. Так, когда в романе «По направлению к Свану» рассказчик дублирует реплику Франсуазы в адрес Евлалии цитатой из «Гофолии», то выделить в соответствующем пассаже интертекст очень просто:

Отдернув краешек занавески и убедившись, что Евлалия затворила за собой входную дверь, Франсуаза изрекала: «Лыстецы умеют влезть в душу и выклянчить деньжонок, — ну погоди ж они! В один прекрасный день господь их накажет», — и при этом искоса поглядывала на тетю с тем многоговорящим видом, с каким Иоас, имея в виду только Гофолию, произносит:

— *Благополучье злых волною бурной смое!*¹.

Марсель Пруст. По направлению к Свану. 1913
(Пер. Н. Любимова)

Труднее опознать и выделить текст несколькими страницами ниже, где рассказчик упоминает о своем прощании с боярышником:

В тот год мои родители решили вернуться в Париж несколько раньше обычного и в день отъезда, утром, собрались повести меня к фотографу, но, прежде чем повести, завили мне волосы, в первый раз осторожно надели на меня шляпу и нарядили в бархатную курточку, а некоторое время спустя моя мать после долгих поисков наконец нашла меня плачущим на тропинке, идущей мимо Таксонвиля: я прощался с боярышником, обнимая колючие ветки, и, не испытывая ни малейшей благодарности к недрогнувшей руке, выпустившей мне на лоб кудряшки, я, как героиня трагедии — принцесса, которую дают ненужные обручи, топтал сорванные с головы папильотки и новую шляпу.

Там же
(Пер. Н. Любимова, с. изм.)

¹ Цит. по изд.: Пруст М. По направлению к Свану. М.: Худ. лит., 1973. С. 134. — *Прим. перев.*

Сравнение с «героиней трагедии», а с другой стороны, упоминание о «ненужных обручах» и «недрогнувшей руке» представляют собой очевидные реминисценции из «Федры». Действительно, приведенный отрывок отсылает нас к 157–160-му стихам трагедии Расина:

О, эти обручи! О, эти покрывала!
Как тяжелы они! Кто, в прилежанье злом,
Собрал мне волосы, их завязал узлом
И это тяжкое, неслыханное бремя
Недрогнувшей рукой мне возложил на темя?¹

*Жан Расин. 1677. Д. I. Явл. 3
(Пер. М. Донского)*

Несмотря на то что интертекст в данном случае никак не отмечен рассказчиком, он без труда поддается опознанию и выделению.

Совершенно иначе обстоит дело в тех случаях, когда отношение между двумя текстами возникает независимо от какого бы то ни было — дословного или нет — подхвата языковых выражений, как раз и создающего взаимопересечение текстов; так, к примеру, обстоит дело со стихотворением Малларме «Ветер с моря» и стихотворением «Плаванье», замыкающим бодлеровский сборник «Цветы зла». Близость этих двух текстов несомненна (в обоих стихотворениях присутствует как устремленность в иные края, способная обмануть скуку, так и опасность разочарования, подстерегающая путешественника), но обнаруживается она не столько в языковом, сколько в тематическом плане. Интертекст, таким образом, возникает не за счет непосредственного включения одного текста в другой. «Плаванье», скорее, служит фоном для стихотворения «Ветер с моря». Суть дела в том, что интертекст здесь неотчетлив, слабо поддается локализации, и потому правильнее будет сказать, что интертекст стихотворения «Ветер с моря» — это все стихотворение Бодлера.

Таким образом, предложенное нами определение — емкое и краткое, ибо носит обобщающий характер: оно включает в себя не только эксплицитные и имплицитные интерференции между произведениями, но всякого рода диффузные явления перезаписи, т.е. предполагает

¹ Цит. по: Театр французского классицизма. М.: Худ. лит., 1970. С. 523. — *Прим. перев.*

презумпцию сходства. Понятая таким образом интертекстуальность остро ставит проблему опознания интертекста и его границ. Однако вопрос об опознании и границах межтекстовых феноменов не мог быть поставлен в рамках подхода, предложенного Юлией Кристевой при определении понятия интертекста. В самом деле, Кристева рассматривает интертекстуальность как абсолютную силу, действующую в любом тексте, какова бы ни была его природа. Если для автора книги «Semiotikē» интертекстуальность и вправду является первоосновой литературы, то Кристеву интересует не интертекст как объект, но тот процесс, который, по ее мнению, лежит в основании самой интертекстуальности.

Цит. по: *Пьеге-Гро Н. Введение в теорию интертекстуальности. М., 2008. С. 48—51.*

У. Эко. Поэтика открытого произведения

* * *

Это необходимо подчеркнуть, потому что, когда речь идет о произведении искусства, наше западное эстетическое сознание требует, чтобы под «произведением» понималось нечто, созданное определенной личностью, нечто такое, что, несмотря на его различные восприятия, сохраняет свое лицо как организм и не утрачивает (как бы его ни понимали и ни продолжали) печати автора, в силу которой оно обретает свою структуру, значимость и возможность нести какое-то сообщение. Такая позиция предполагает, по-видимому, эстетику, которая допускает различные типы поэтик, но, в конечном счете, стремится к общим определениям (не обязательно догматическим и «вечным»), равно позволяющим обобщенно применять категорию «произведения искусства» к разнообразным видам опыта (начиная от *Божественной комедии* и кончая электронными композициями, основанными на взаимозаменяемости звуковых структур). Это вполне оправданное требование, стремящееся к тому, чтобы отыскать в исторической изменчивости вкусов и взглядов на искусство неизменные основополагающие структуры человеческого поведения.

Итак, мы видели, что: 1) если «открытые» произведения находятся в *движении*, для них характерно приглашение *создать это произведе-*

ние вместе с автором; 2) на более широком уровне (как *род*, вбирающий в себя определенный *вид*) существуют произведения, которые, будучи законченными в физическом смысле, тем не менее остаются «открытыми» для постоянного возникновения внутренних отношений, которые зритель, слушатель или читатель должен выявить и выбрать в акте восприятия всей совокупности имеющихся стимулов; 3) *каждое* произведение искусства, даже если оно создано в соответствии с явной или подразумеваемой поэтикой необходимости, в сущности остается открытым для предположительно бесконечного ряда возможных его прочтений, каждое из которых вдыхает в это произведение новую жизнь в соответствии с личной перспективой, вкусом, *исполнением*.

Итак, перед нами три уровня напряженности одной и той же проблемы, причем как раз третий и интересует эстетику, дающую формальные определения, и именно на этом виде открытости, *бесконечности* законченного произведения современная эстетика весьма настаивает. В качестве примера приведем высказывание, которое мы считаем одним из самых основательных в том, что касается феноменологии восприятия: «Произведение искусства... представляет собой форму, т.е. законченное движение, так сказать, бесконечность, собранную в какую-то определенность; его всеобъемлемость проистекает из законченности и, следовательно, требует, чтобы его рассматривали не как некую замкнутую в себе статическую и неподвижную реальность, а как открытость бесконечного, которое стало целостным, вкладывая себя в определенную форму. Поэтому у произведения бесконечное множество аспектов, которые не являются только его «частями» или фрагментами, так как каждый из них содержит в себе все произведение целиком и раскрывает его в определенной перспективе. Таким образом, разнообразие исполнений основывается на сложной природе как личности интерпретатора, так и произведения, которое надо исполнить. ...Бесконечное множество точек зрения интерпретатора и бесконечное количество аспектов самого произведения перекликаются между собой, встречаются и друг друга поясняют, так что определенной точке зрения удастся раскрыть все произведение целиком только в том случае, если она схватывает его в самом конкретном его аспекте, а этот конкретный аспект произведения, полностью раскрывающий его в новом свете, в свою очередь, дожидается точки зрения, которая может схватить его и показать».

Таким образом, это позволяет утверждать, что «все истолкования предстают как окончательные в том смысле, что каждое из них является для толкователя самим произведением, и как временные в том смысле, что каждый толкователь знает, что он должен всегда углублять свое истолкование. Как окончательные, эти истолкования являются параллельными, причем так, что одно из них исключает все прочие, не отрицая их...»¹.

Такие утверждения, сделанные с точки зрения теоретической эстетики, применимы к любому феномену искусства, к художественным произведениям всех времен, но полезно отметить, что не случайным оказывается и тот факт, что именно в наши дни эстетика подмечает и начинает развивать проблематику «открытости». В определенном смысле требования, которые эстетика со своей точки зрения делает значимыми для любого вида художественного произведения, являются теми же самыми, которые поэтика «открытого» произведения формулирует более определенно и решительно. Это, однако, не означает, что существование «открытых» произведений, а также *произведений в движении* совершенно ничего не привносит в наш опыт, поскольку, дескать, все испокон веку уже присутствует во всем; точно так же нам кажется, что нет такого открытия, которое уже не было бы сделано китайцами. Здесь надо отличать теоретический, стремящийся к обобщенным определениям уровень эстетики как философской дисциплины, от сугубо практического, «ангажированного» уровня различных поэтик как конкретных творческих программ. Эстетика, давая оценку некой особенно насущной потребности нашей эпохи, обнаруживает возможность определенного типа опыта в каждом произведении искусства, независимо от оперативных критериев, которые в нем главенствовали; поэтика (и практика) *произведений в движении* ощущают эту возможность как особое призвание и, более открыто и осознанно солидаризуясь со взглядами и направлениями современной науки, выводят на уровень программы и делают осязаемым то, что эстетика признает как общее условие истолкования. Такие поэтики осознают «открытость» именно как фундаментальную возможность, которой наделен современный художник и его читатель или слушатель. В свою очередь, эстетика должна признать в таких видах опыта подтверждение своих дога-

¹ Luigi Pareyson, *Estetica — Teoria della formatività*, op. cit., pagg. 194 и след., а также вся VIII глава (*Lettura, interpretazione e critica*).

док, крайнее проявление той ситуации, в которой находится читатель или слушатель и которая может осуществляться с различной степенью интенсивности.

Однако в действительности эта новая практика восприятия художественного произведения открывает гораздо более обширную главу в истории культуры, и здесь нельзя говорить только об эстетической проблематике. Поэтика *произведения в движении* (как и в какой-то мере поэтика «открытого» произведения) создают новый тип отношений между художником и публикой, новый механизм эстетического восприятия, иное положение художественного произведения в обществе; помимо страницы в истории искусства она переворачивает страницу в социологии и педагогике. Она ставит новые практические проблемы, создавая коммуникативные ситуации, устанавливает новое отношение между *созерцанием* и *использованием* произведения искусства.

Уясненная в своих исторических предпосылках, в игре отношений и аналогий, которые объединяют ее с различными аспектами современного взгляда на мир, ситуация, в которой находится искусство, — это ситуация, пребывающая в развитии, которая, будучи далекой от окончательного объяснения и подробной фиксации, ставит проблемы на самых разных уровнях. Одним словом, речь идет о ситуации, открытой ситуации в движении.

Цит. по: Эко У. *Открытое произведение: Форма и неопределенность в современной поэтике.* СПб., 2004. С. 60—65.

...мы вообще живы только в тех точках,
в которых происходит ток коммуникации.

М.К. Мамардашвили

Глава 5. НОМО LOQUENS КАК ОБЪЕКТ ФИЛОЛОГИИ

5.1. Почему homo loquens является объектом современной филологии?

Термин *homo loquens* входит в терминологический ряд, открываемый *homo sapiens* ‘человек разумный’: *homo faber* ‘человек — создатель орудий труда’, *homo liber* ‘человек свободный’, *homo ludens* ‘человек играющий’ и др.

Термином *homo loquens* (от лат. *homo* — человек и *loquens* — разговаривающий), или русским *человек говорящий*, обозначается человек говорящий (пишущий), слушающий (читающий), а в широком смысле — человек, участвующий в речевой коммуникации. В сравнении с русским термином «человек говорящий» латинский удобнее, так как он напоминает не только об одном из видов речевой деятельности — говорении.

Вопрос о *homo loquens* как объекте филологии своими корнями уходит в историю этой науки: человек говорящий уже в Древнем мире выделяется, различается, осмысливается. Он предстает в разных обличьях. Античные филологи видели человека в связи с решением задач установления авторства текста и его понимания. В античной риторике человек стал центральной фигурой, выступающей в двух ролях — оратора и аудитории: «Речь слагается из трех элементов: из самого оратора, из предмета, о котором он говорит, и из лица, к которому он обращается; он-то и есть конечная цель всего (я разумею слушателя)» (Аристотель).

Фундаментальное значение в придании человеку статуса объекта филологии сыграли работы *В. фон Гумбольдта*. Развитие филологии как целого и составляющих ее наук и дисциплин от Гумбольдта до середины XX в. проходит под знаком борьбы за обращение филологии к человеку. Приведем одно из суждений Гумбольдта: **«Язык — это мир, лежащий между миром внешних явлений и внутренним миром человека»**. Так великий филолог прошлого объяснил причину единства человека и языка.

Влияние Гумбольдта присутствует в сочинениях и по языкознанию, и по литературоведению. Так, американский лингвист первой половины XX в. *Э. Сепир* сделал следующий шаг в укреплении единства филологии и человека: «В общем и целом ясно, что интерес к языку в последнее время выходит за пределы собственно лингвистических проблем, ...лингвисты должны осознать, какое значение их наука может иметь для интерпретации человеческого поведения в целом»¹. Приведем еще оценку *В.А. Звегинцева* (1910—1988), который определяет «лингвистику... как науку о коммуникативном поведении человека или, точнее, о деятельности человеческого общения»². Эти свидетельства фактически дополняют друг друга. В целом же оказывается, что язык и человек неразделимы. В науке о языке возникает новое триединство: человек — язык — коммуникация.

Из работ в области литературоведения выделяются труды французского литературоведа и литературного критика *Ш.О. Сент-Бёва* (1804—1869), который заложил основы осмысления литературного творчества на основе изучения личности писателя, его жизненного опыта. В литературоведении XX в. одной из самых влиятельных фигур является, безусловно, *М.М. Бахтин*. В цикле его работ о Достоевском содержится следующее суждение: «Человек реально существует в формах “я” и “другого” (“ты”, “он” или “man”)³. На этой основе в разные периоды научного творчества Бахтиным рассматриваются две пары категорий: автор — герой, автор — читатель. В совокупности они оказываются достаточными для признания человека центральным объектом литературоведения. В самом деле: «Жизнь по природе своей диалогична. Жить — значит участвовать в диалоге — вопрошать, внимать, ответствовать, соглашаться и т.п.» (Там же).

Одной из центральных задач современного литературоведения является изучение восприятия литературного произведения читателем (слушателем). Такую задачу ставит перед собой *рецептивная эстетика* — направление в литературоведении и критике XX—XXI вв. (Р. Ингарден, Х.Р. Яусс, В. Изер и др.). Если текст произведения читателем не изменяется, то смысл зависит от читателя, его «диалога» с автором и текстом. Это направление опирается на идеи герменевтики, психологии, семиотики, коммуникативистики и других гуманитарных наук, сосредоточивших свои интересы на человеке.

К концу XX в. пришло осознание того, что **человек говорящий есть объект филологии**. Что же произошло?

В середине XX в. в гуманитарной науке совершается **антропологический поворот** (др.-греч. *anthrōpos* — человек и *logos* — учение, наука). В гуманитарных науках человек становится приоритетным объектом исследования, условием понимания социальных процессов. Пришло понимание, что игнорирование человека как главной ценности препятствует осознанию многих этических, эстетических, коммуникационных и иных процессов.

Это движение захватило и филологические науки. Проявлением антропологического поворота в филологии стала **переориентация исследования с языка, текста и произведения как «продуктов» человеческой деятельности на человека как «главного героя» исследования**. В связи с этим укрепляются позиции филологии в гуманитарных науках. Основа этого процесса — развитие связей филологии с гуманитарной семиотикой, герменевтикой, теорией коммуникации, психологией, социологией и другими науками.

В этой ситуации оказалось, что человек в его разных гранях изучается целым спектром наук и научных дисциплин. Человек как «*homo loquens*» только на рубеже веков приобретает «прописку» в филологии на правах ее объекта. В качестве иллюстрации рассмотрим ситуацию в науке о языке художественной литературы.

До середины XX в. при изучении языка художественных произведений задача сводилась главным образом к тому, чтобы

определить образные (выразительные, изобразительные) средства в изучаемом тексте. Поэтому исследования нередко строились как перечни этих средств. Так, исторический колорит в прозе одного из региональных писателей демонстрируется следующими средствами: отражение диалектного произношения героев («г»-фрикативный в утвердительной частице *ага* передается автором буквой «х»: *Аха!*); историзмы (*Воевода грозно крикнул дворовых девок*); архаизмы (гораздо — очень: *Гораздо упился муж, и конь грызет пьяного*); грамматические варианты литературной лексики (*деньга* вместо *деньги*: *Десять алтын и две деньги, — озираясь, предложил мужик*); и др. Тем самым фактически устанавливается язык текста *как система, но не язык в действии*. Эти данные имеют меньшую ценность для осмысления роли языка в создании художественной реальности, потому что художественная реальность есть не только отдельные элементы вымышленного мира, но и отношения между ними, а самое главное — авторские оценки, авторское отношение. Более того, по отдельным элементам текста часто невозможно определить, с какой реальностью имеет дело читатель — художественной или документальной: все приведенные примеры вполне могли быть зафиксированы в текстах нехудожественных, принадлежащих своему времени.

В 1960—1970-е годы, в развитие идей В.В. Виноградова, Г.О. Винокура, важнейшим стал вопрос об образе автора, т.е. о том, как конструируется автором текст: что автор «поручает» повествователю, что — персонажу, как соотносятся диалог и монолог, прямая, косвенная и другие виды чужой речи с «авторским» словом и т.д. В этих речевых соотношениях, в палитре речевых средств и создается, по Виноградову, образ автора. Вспомните, как устроены тексты рассказов, например, А.П. Чехова. В них явно преобладает речевой слой персонажа. Это означает, что своим персонажам автор не только «доверяет» «работу» по самораскрытию, но и «поручает» выполнение своих, авторских, функций, связанных с описанием, повествованием, оценкой, сюжетопостроением и др.

Приведем в качестве иллюстрации рассказ А.П. Чехова «Длинный язык» (1888). В этом коротком рассказе повествова-

тель наделен служебными функциями по аналогии с функциями драматурга — автора ремарок. Повествователь обозначает, кто, где, когда ведет разговор. Иногда приводятся замечания о мимике, жестах персонажей.

Вот начало рассказа:

Наталья Михайловна, молодая дамочка, приехавшая утром из Ялты, обедала и, неугомонно треща языком, рассказывала мужу о том, какие прелести в Крыму. Муж, обрадованный, глядел с умилением на ее восторженное лицо, слушал и изредка задавал вопросы...

Легкомысленная болтовня героини, откровенная ложь (в начале сцены: — *Впрочем, я видела их* (татар-проводников. — А.Ч.) *издалека, мельком...* и затем: — *Я со своим проводником подъезжаю к ней...*; — *У меня Сулейман не выходил из границ...* и под.), повторы-заклинания (*Я тебе не Юлия какая-нибудь...*; *Я ведь знаю, какие у тебя мысли! Я знаю, что ты думаешь...*; *Я знаю, о чем ты думаешь! Всегда у тебя такие гадкие мысли!* и под.) — все это служит саморазоблачению героини, которая фактически сама на себя доносит мужу.

Таким образом, не языковые средства в проявлении языка как системы, а автор текста как своего рода режиссер — вот что оказывается существенным для изучения языка художественной литературы.

С середины XX в. в мире (с середины 1980-х годов — в нашей стране) происходит **изменение статуса речевой коммуникации и человека как ее субъекта**. Это второе обстоятельство, способствовавшее выдвиганию homo loquens в число объектов филологии: оно привлекло внимание филологии к человеку.

Человек как субъект речевой коммуникации отличается активностью, самостоятельностью, независимо от того, какую функцию — говорящего (пишущего) или слушающего (читающего) — в тот или иной момент он выполняет. В этой ситуации обостряется **проблема понимания**.

В советское время модель понимания и истолкования текстов задавалась партийно-государственными документами и пропагандой. Следовательно, истолкование текстов должно было быть однозначным (например, даже в школьном учебни-

ке литературы и всеми учителями этого предмета). Это делало понимание «групповым», где группа — это и все общество, и каждая из его составляющих (социальные, национальные, возрастные, профессиональные и т.д.), а коммуникацию — монологической по своей сути, когда один говорит, остальные же слушают и слушаются его. Если содержание текста оценивается с точки зрения партийности, то общественная и коммуникативная жизнь устроена так, что всё, не соответствующее данному критерию, признается неправильным. Так, в 1936 г. Постановлением ЦК ВКП(б) была запрещена постановка пьеса Д. Бедного «Богатыри»: в ней была усмотрена попытка возвеличения разбойников Киевской Руси и огульного очернения богатырей⁴.

С середины 1980-х годов ситуация в нашей стране стала меняться: уходит в прошлое однозначная модель понимания и истолкования. Понимание превращается в индивидуальное, что и соответствует его сущности: понимание есть понимание субъектом. Согласно М.М. Бахтину, «всякое понимание есть соотнесение данного текста с другими текстами...». У каждого субъекта свой «набор» текстов, свое их понимание, свои «излюбленные» способы соотнесения текстов друг с другом! Соответственно монологический принцип коммуникации уступает место диалогическому. Это означает, что оба участника акта коммуникации имеют равные права на воздействие друг на друга, на истину. Приведем фрагмент диалога журналиста Б. Ноткина (Б.Н.) с А.Н. Шохиным (А.Ш.), политическим деятелем, экономистом, членом Правительства России (1994, март):

Б.Н. Я слышал такой анекдот / не шоковая терапия / а шоковая терапия... //

А.Ш. Независимо от этих ярлыков / главное / нащупать момент / который состоит в том / что (...) надо удерживаться на низком уровне инфляции...⁵

Приведенный материал показывает отсутствие монополии на истину и у журналиста, и у собеседника, занимающего высокое положение в структуре власти. Это-то и означает, что данный диалог есть диалог не только формально, но и по существу.

Так обнаруживаются связи человека, языка и текста.

Эти связи и стали своего рода несущей конструкцией современной филологии как отрасли гуманитарного знания. Рассмотрим роль каждого из компонентов этих связей.

Прежде всего **обратимся к человеку**. «Разве человек не является в достаточной мере самим собой без языка?», — ставит вопрос немецко-американский ученый О. Розеншток-Хюсси (1888—1973). И отвечает: «Нет! Человек нуждается в самореализации. Самореализация возможна только через язык». (См. в приводимых ниже материалах для чтения фрагменты книги О. Розенштока-Хюсси.)

Теперь рассмотрим **язык в его отношении к человеку**. Переводя на русский язык работы Э. Бенвениста, Ю.С. Степанов сформулировал главный тезис французского автора: «язык создан по мерке человека, и этот масштаб запечатлен в самой организации языка (разрядка в тексте. — А.Ч.)». Бенвенист задал, казалось бы, наивный вопрос: если язык — это орудие общения, то чему он обязан этим свойством? По мысли ученого, ответ здесь такой: «именно в языке и благодаря языку человек конституируется как *субъект*»⁶. (См. в приведенных ниже материалах для чтения фрагменты книги Э. Бенвениста.)

Приведем несколько иллюстраций, доказывающих тезис французского ученого. В языках существует разряд слов, который строится вокруг обозначения говорящим самого себя, т.е. *с я* в центре. См., например, следующий ряд слов в современном русском языке: *я — мой — по-моему — у меня* (= здесь) — *сейчас* (= в то время, когда я здесь). Существуют такие структуры предложений, которые свидетельствуют о присутствии в ситуации человека, хотя он и не назван: ***За стеной пели; В доме шум***. Предполагается, что соответственно по другую сторону стены или дома есть хотя бы один человек, который слышит пение или шум.

Человек, далее, конституирует себя и в тексте. Ср. два известных текста «о клене» (приводим фрагменты):

*Клен ты мой опавший, клен заледенелый,
Что стоишь нагнувшись под метелью белой?*

*Или что увидел? Или что услышал?
Словно за деревню погулять ты вышел.<...>
(С. Есенин)*

и

*Осенний мир осмысленно устроен
И населен.
Войди в него и будь душой спокоен,
Как этот клен.
...Не забывай, что выпрямится снова,
Не искривлен,
Но умудрен от разума земного
Осенний клен
(Н. Заболоцкий).*

Каждый из авторов предстает своеобразно: эти способы конституирования обычно описывают в терминах «лирический герой», «образ автора» и др.

Соотношение «человек и текст»: текст создается человеком и для человека (см. рассуждения о высказывании в главе 3). Текст «живет» в мире человеческой коммуникации. Многочисленные примеры превратностей этой жизни известны из истории отечественной литературы. Начиная с 1970—1980-х годов в нашей стране появилась так называемая «возвращенная» литература — произведения литераторов, в течение длительного времени находившихся под запретом (Е. Замятина, А. Платонова, отчасти М. Булгакова, Б. Пастернака и др.); сочинения же ряда писателей, признававшиеся, например, в середине XX в. образцовыми, «классическими», ушли из активной жизни.

5.2. Понятие *homo loquens* как объекта современной филологии

В филологических науках человек выступает как субъект и как объект.

Человек как субъект филологии — это, во-первых, филолог-исследователь и, во-вторых, «потребитель» филологических

знаний, добытых филологом-исследователем (преподаватели и учителя филологических дисциплин, аналитики и эксперты, работающие в области филологии, практические журналисты, специалисты в области рекламы и др.).

Человек как объект филологии (*homo loquens*) — это те стороны, грани человека как целого, которые составляют **предмет интереса обеих филологических наук — лингвистики и литературоведения**. Чтобы сформулировать понятие *homo loquens* как объекта филологии, найдем то общее, что видят в человеке лингвистика и литературоведение на современном этапе их развития.

Интерес к человеку со стороны современной лингвистики зафиксирован в понятии языковой личности.

Языковая личность — это «совокупность способностей и характеристик человека, обуславливающих создание и восприятие им речевых произведений (текстов)»⁷. Почему именно текстов? Дело в том, что созданные человеком тексты разнообразны по сложности, тематике, содержанию, целенаправленности и во многих других отношениях. Это разнообразие объясняется не только спецификой того или иного конкретного языка. Приведем пример.

Напомним сцену из комедии А.С. Грибоедова «Горе от ума» — второе явление из II действия (начало монолога Чацкого и фрагмент следующего за ним диалога Чацкого и Фамусова):

Чацкий

*И точно, начал свет глупеть,
Сказать вы можете вздохнувши;
Как поспорить, да посмотреть
Век нынешний и век минувший;
Свежо предание, а верится с трудом;
Как тот и славился, чья чаще гнулась шея;
Как не в войне, а в мире брали лбом,
Стучали об пол не жалея!*
<...>

Фамусов

Ах! боже мой! он карбонари!

Чацкий

Нет, нынче свет уж не таков.

Фамусов
Опасный человек!
Чацкий
Вольнее всякий дышит,
И не торопится вписаться в полк шутов.
Фамусов
Что говорит! и говорит, как пишет!

Обратите внимание на последнюю реплику Фамусова: *Что говорит! и говорит, как пишет!* Чем вызвано замечание Фамусова? Чацкий, по его мнению, нарушает нормы устной речи: устное высказывание Чацкого строится по законам письменной речи. Если бы данная ситуация имела место в реальной коммуникации, то можно было бы ограничиться констатацией того факта, что партнер по акту коммуникации не владеет (не вполне / плохо владеет) нормами устной речи. (Другое дело, художественный текст: в нем данная оценка нагружена добавочными смыслами.) Таким образом, язык располагает нормами устной и письменной речи; выбор нормы совершает говорящий.

Итак, на вопрос, чем это объясняется, можно принять следующий ответ: «За каждым текстом стоит языковая личность». Именно человек выбирает и использует (в нашем случае это право «передано» персонажу) способы и средства конструирования действительности (реальной, воображаемой) в тексте.

Понятие языковой личности вбирает в себя и языковую личность говорящего (пишущего) и языковую личность читающего (слушающего). Так языковая личность расслаивается с точки зрения функций, выполняемых ею в процессах коммуникации. При этом не имеет значения, что текст может остаться во внутренней речи. Важно другое: под воздействием воспринятого текста слушающий (читающий) изменяет / сохраняет свое поведение, взгляды, осуществляет / не осуществляет какие-то действия, операции, происходят изменения в его эмоциональной сфере. Характер протекания этих процессов изучается теорией языковой личности как одним из направлений в современной лингвистике.

Человек — предмет постоянного интереса литературоведения. В центре художественного исследования в литературе находится человек. Недаром именно персонаж есть главная фигура художественного мира словесно-художественного произведения, субъект действия; именно с персонажем, если вспомнить М.М. Бахтина, автор ведет свой незавершимый диалог.

С точки зрения поиска общих интересов лингвистики и литературоведения, ключевую роль играет творческая личность человека.

Творческая личность — это совокупность способностей и характеристик человека, обуславливающих самостоятельное создание и восприятие им художественной реальности.

Напомним, что художественная реальность возникает на базе той реальности, которая передается языковыми знаками. Так, по данным Е.Н. Ковтун⁸, в пьесах 1920-х годов, принадлежащих чешскому писателю К. Чапеку, как правило, отсутствует точное обозначение места. Однако пространство, на котором разворачиваются события, имеет замкнутый характер (остров, лес, окруженная горами равнина). Такова реальность, созданная языковыми знаками. Художественное пространство пьес — это вся планета. Связи между двумя пространствами создаются и отдельными персонажами, и деталями костюмов, и внешними источниками информации (корабли, прибывающие на остров, поступающие телеграммы, радиосообщения) и др.

Понятие творческой личности покрывает творческую личность автора и творческую личность читателя.

Автор и читатель являются создателями художественной реальности. Различие между ними состоит «только» в том, что один из них, автор, создает реальность оригинальную (от лат. *originalis* — первоначальный), а другой, читатель, пересоздает ее.

Тот факт, что писатель есть творческая личность, является общепризнанным. Обратимся к читателю. Функция «быть творческой личностью» принадлежит и ему. Задача читателя состоит не только в восприятии и понимании текста; такова функция любого слушающего (читающего). Читатель литературно-художественного произведения пересоздает худо-

жественную реальность. Пересозданная реальность может быть облечена в форму высказывания, пересказа, сочинения, устного рассказа, нового литературно-художественного произведения, например по мотивам, по сюжету и др. В процессе пересоздания идет поиск смысла произведения. В этом — стержень деятельности читателя по пересозданию, так как «смысл художественного произведения не есть данность, это объект поиска»⁹.

М.М. Бахтиным была высказана идея «творческого понимания». Чтобы оно начало рождаться, нужны читательское воображение, опыт, нужны «ожидания», с которыми читатель встречается с художественным текстом. Так, обращение разных читателей к роману Т. Толстой «Кысь» (1986—2000), без сомнения, базируется на разных основаниях. Ими могут быть, например:

1) жанровая квалификация текста: роман (ожидается сложная, запутанная коллизия по образу и подобию «Войны и мира» Л. Толстого или «Хождения по мукам» А. Толстого);

2) название романа: «Кысь» (в сознании массового читателя «кысь» напоминает кошку — символ мира в доме, спокойствия, домашнего уюта, или, скорее, рысь — символ хищного, агрессивного);

3) простое человеческое любопытство.

В процессе чтения романа ожидания могут оказаться «обманутыми». Это заставит одних читателей прекратить чтение; других же стимулирует к более внимательному отношению к тексту, к «игре» с текстом, предложенной автором. Прочтение нескольких страниц «Кыси» убедит тех, кто хотел увидеть «правду жизни» в привычном языковом и текстовом выражении, в том, что здесь иная «правда жизни», упакованная, по крайней мере, непривычно. Этот внешний «облик» стимулирует читателя искать смысл текста.

Обратите внимание на возможности разных путей к поиску смысла:

Бенедикт натянул валенки, потопал ногами, чтобы ладно пришлось, проверил печную вьюшку, хлебные крошки смахнул на пол — для мышей, окно заткнул тряпицей, чтоб не выстудило, вышел на крыльцо и по-

тянул носом морозный чистый воздух. *Эх и хорошо же!* (полужирным курсивом выделены фрагменты несобственно-прямой речи, из которых настораживает «*для мышей*». — А. Ч.);

В тех лесах, старые люди сказывают, живет кысь. Сидит она на темных ветвях и кричит так дико и жалобно: кы-ысь! кы-ысь! — а видеть ее никто не может. Пойдет человек так вот в лес, а она ему на шею-то сзади: хоп! и хребтину зубами: хрус! — а когтем главную-то жилочку нащупает и перервет, и весь разум из человека и выйдет. Вернется такой назад, а он уж не тот, и глаза не те, и идет, не разбирая дороги, как бывает, к примеру, когда люди ходят во сне под луной, вытянувши руки, и пальцами шевелят: сами спят, а сами ходят. <...>

Разумеется, поиски смысла — это самая трудная задача: потому расхождение между содержанием и смыслом — неперемный признак художественного текста. Но дело еще и в самом читателе: не всякий читатель готов к решению этой задачи, к тому, чтобы стать, по словам У. Эко, «сотворцом» смысла текста, «сотрудником» автора.

Итак, понятие *homo loquens* означает человека, осуществляющего посредством естественного языка деятельность по созданию и восприятию текста, содержащего любой вид реальности.

Понятие *homo loquens* распространяется на проявления деятельности человека во всех сферах коммуникации: научной, деловой, правовой, рекламной, художественной, повседневной и др. В каждой из сфер говорящий (пишущий) и слушающий (читающий) имеют свои особенности. Эти особенности изучаются соответствующими филологическими (гуманитарными) дисциплинами: журналистикой, теорией и практикой рекламы, делового общения и др. (См. в приводимых ниже материалах для чтения фрагменты книг И. Бродского и О. Мандельштама.)

Способности и характеристики человека, обуславливающие деятельность по созданию и восприятию текстов, содержащих любой вид реальности, располагаются в нескольких плоскостях. Перечислим важнейшие:

- формально-демографическая и этнографическая;
- социальная, психологическая и социально-психологическая;
- культурно-антропологическая;
- философско-мировоззренческая;
- когнитивная и коммуникативная;
- лингвистическая;
- ситуативно-поведенческая и др.

По своей значимости характеристики человека равнозначны тому, что акад. В.А. Энгельгардт назвал внутренней средой человека: ими, каждой в отдельности, в разных соотношениях, совокупно, определяется деятельность по созданию и восприятию текста.

5.3. Аспекты изучения *homo loquens* в филологических науках

В современной филологии еще не сложилась общепилологическая научная дисциплина, предметом изучения которой является *homo loquens* как объект филологии. (Ср.: например, текст как объект филологии изучается теорией текста; язык и литература — гуманитарной семиотикой.) Изучение *homo loquens* как объекта филологии ведется в русле ряда научных дисциплин, которые сопрягаются с лингвистикой и литературоведением.

Назовем две такие дисциплины:

- **филологическая герменевтика**, изучающая процессы понимания текста.

«Понимание, — пишет Г.И. Богин, — приводит к овладению «сутью дела»». Ученый утверждает, что «конечная социальная цель филологической герменевтики — помочь коммуникации людей <...>, преодолеть непонимание человека человеком» (Богин Г.И. Обретение способности понимать. Введение в герменевтику. [Размещено на образовательном портале auditorium.ru]).

(См. в приводимых ниже материалах для чтения фрагменты книги Г.Г. Гадамера.);

- **анализ дискурса** (ср.: англ. *discourse* — ораторствовать; рассуждать; излагать в форме речи и франц. *discours* — речь) — научное направление, изучающее, по выражению Н.Д. Арутюновой, речь, «погруженную в жизнь».

Если традиционно текст изучается отвлеченно от говорящего (пишущего) и слушающего (читающего), от ситуации, в которой имеет место создание и восприятие текста, т.е. изучается «сам по себе», то анализ дискурса предполагает рассмотрение текста в отношении к ситуации его создания и восприятия, говорящему (пишущему) и слушающему (читающему), к целям и задачам коммуникации, к другим текстам, к «миру» и, разумеется, к языку. Таким образом, первостепенное значение имеют участники акта коммуникации, их способности к говорению (письму) / слушанию (чтению), психологические и социальные характеристики, деятельность и т.д. При учете всей совокупности данных моментов текст может быть истолкован адекватно. (См. в приводимых ниже материалах для чтения фрагменты книги Т.А. ван Дейка.)

Обобщающим научным направлением, изучающим *homo loquens* как объект филологии, является **филологическая теория коммуникации**. Определим зону ее интересов на фоне общей теории коммуникации. Теория коммуникации как гуманитарная научная дисциплина изучает процессы передачи информации в обществе, осуществляемые посредством любых знаковых систем (естественный язык, оптические, слуховые, тактильные знаки, языки танца, театра, кино и др.) взаимодействия людей. **Интересы филологической теории коммуникации сосредоточены на коммуникативной деятельности человека посредством текста на естественном языке.**

Филологическая герменевтика, анализ дискурса, филологическая теория коммуникации, вместе с гуманитарной семиотикой и теорией текста, служат интеграции филологических наук и дисциплин в их связях с другими гуманитарными науками и дисциплинами.

Лингвистика изучает homo loquens в качестве «основного субъекта коммуникации»¹⁰. Какие знания и представления имеет человек как субъект коммуникации; как он ими «распоряжается» в процессах коммуникации? — вот главные вопросы лингвистики, изучающей «свои» аспекты homo loquens. Понятно, что в совокупность этих знаний входит знание языка и правил употребления языка, знание коммуникации и правил речевой коммуникации, знания о мире и др.

Литературоведению интересен homo loquens как предмет художественного исследования, во-первых, и как субъект литературно-художественной коммуникации (автор — читатель), во-вторых. Что общего между тем и другим? Литературе интересен человек в моменты его психического напряжения. Функции автора и читателя человек выполняет точно так же, в моменты своего психического напряжения. В ином случае созданное произведение не будет художественным, а художественное произведение читатель перескажет как обычную житейскую историю, никак не связанную со сферой эстетического восприятия.

Соответственно современная лингвистика и литературоведение оказываются тесно связанными с психологией, социологией, когнитивными (лат. *cognitio* — знание, познание) и коммуникативными науками.

¹ Сепир Э. Избр. труды по языкознанию и культурологии. М., 1993. С. 204–205.

² Звегинцев В.А. Теоретическая и прикладная лингвистика. М., 1968. С. 160.

³ Бахтин М.М. Проблемы творчества Достоевского. Киев, 1994. С. 193.

⁴ Романенко А.П. Советская герменевтика. Саратов, 2008.

⁵ Цит. по: Русский язык конца XX столетия (1985–1995). М., 1996. С. 434.

⁶ Бенвенист Э. Общая лингвистика. М., 1974. С. 15, 292, 294–295.

⁷ Язык и личность. М., 1989. С. 3.

⁸ Ковтун Е.Н. Карел Чапек и социальная фантастика XX столетия. М., 1998. С. 95–96.

⁹ Калер Дж. Теория литературы: краткое введение. М., 2006. С. 71.

ВОПРОСЫ И ЗАДАНИЯ

- Дайте определение термина *homo loquens*.
- Истокуйте суждение В. фон Гумбольдта: *«Язык — это мир, лежащий между миром внешних явлений и внутренним миром человека»*. Какое значение оно имеет для придания «человеку говорящему» статуса объекта филологии?
- Почему *homo loquens* является объектом современной филологии?
- Приведите фактический материал из русского (родного), изучаемых вами иностранных языков, доказывающий связи человека и естественного языка. Какое значение эти факты имеют для придания *homo loquens* статуса объекта современной филологии?
- Приведите фактический материал из русского (родного), изучаемых вами иностранных языков, доказывающий связи человека и текста. Какое значение эти факты имеют для придания *homo loquens* статуса объекта современной филологии?
- Приведите определение языковой личности. Какое значение это понятие имеет для придания *homo loquens* статуса объекта современной филологии?
- Приведите определение творческой личности. Какое значение это понятие имеет для придания *homo loquens* статуса объекта современной филологии?
- Докажите рассуждениями и фактическим материалом признак активности говорящего (пишущего) и слушающего (читающего). Какое значение имеет факт активности того и другого для восприятия и понимания текста?
- Докажите рассуждениями и фактическим материалом признак активности автора и читателя. Какое значение имеет факт активности того и другого для восприятия и понимания текста?
- Определите *homo loquens* как объект современной филологии.

- По данным словарей (энциклопедических, лингвистических) определите приводимые ниже понятия:
 - формально-демографическое и этнографическое;
 - социальное, психологическое и социально-психологическое;
 - культурно-антропологическое;
 - философско-мировоззренческое;
 - когнитивное и коммуникативное;
 - лингвистическое;
 - ситуативно-поведенческое.
- Какое значение характеристики человека, данные в каждом из аспектов, имеют для построения модели создания и понимания текста? Рассуждения можно аргументировать ссылками на собственный коммуникативный и речевой опыт.
- Что в *homo loquens* изучает лингвистика? литературоведение?
 - филологическая герменевтика?
 - анализ дискурса?
 - филологическая теория коммуникации?

МАТЕРИАЛЫ ДЛЯ ЧТЕНИЯ

Иосиф Бродский. Нобелевская лекция

<...>

Человек принимается за сочинение стихотворения по разным соображениям: чтоб завоевать сердце возлюбленной, чтоб выразить свое отношение к окружающей его реальности, будь то пейзаж или государство, чтоб запечатлеть душевное состояние, в котором он в данный момент находится, чтоб оставить — как он думает в эту минуту — след на земле. Он прибегает к этой форме — к стихотворению — по соображениям, скорее всего, бессознательно-миметическим: черный вертикальный сгусток слов посреди белого листа бумаги, видимо, напоминает человеку о его собственном положении в мире, о пропорции пространства к его телу. Но независимо от соображений, по которым он берется за перо, и независимо от эффекта, производимого тем, что выходит из под его пера, на его аудиторию, сколь бы велика или мала

она ни была, — немедленное последствие этого предприятия — ощущение вступления в прямой контакт с языком, точнее — ощущение немедленного впадения в зависимость от оно́го, от всего, что на нем уже высказано, написано, осуществлено.

Зависимость эта — абсолютная, деспотическая, но она же и раскрепощает. Ибо, будучи всегда старше, чем писатель, язык обладает еще колоссальной центробежной энергией, сообщаемой ему его временным потенциалом — то есть всем лежащим впереди временем. И потенциал этот определяется не столько количественным составом нации, на нем говорящей, хотя и этим тоже, сколько качеством стихотворения, на нем сочиняемого. Достаточно вспомнить авторов греческой или римской античности, достаточно вспомнить Данте. Создаваемое сегодня по-русски или по-английски, например, гарантирует существование этих языков в течение следующего тысячелетия. Поэт, повторяю, есть средство существования языка. Или, как сказал великий Оден, он — тот, кем язык жив. Не станет меня, эти строки пишущего, не станет вас, их читающих, но язык, на котором они написаны и на котором вы их читаете, останется не только потому, что язык долговечнее человека, но и потому, что он лучше приспособлен к мутации.

Пишущий стихотворение однако пишет его не потому, что он рассчитывает на посмертную славу, хотя он часто и надеется, что стихотворение его переживет, пусть ненадолго. Пишущий стихотворение пишет его потому, что язык ему подсказывает или просто диктует следующую строчку. Начиная стихотворение, поэт, как правило, не знает, чем оно кончится, и порой оказывается очень удивлен тем, что получилось, ибо часто получается лучше, чем он предполагал, часто мысль его заходит дальше, чем он рассчитывал. Это и есть тот момент, когда будущее языка вмешивается в его настоящее. Существуют, как мы знаем, три метода познания: аналитический, интуитивный и метод, которым пользовались библейские пророки — посредством откровения. Отличие поэзии от прочих форм литературы в том, что она пользуется сразу всеми тремя (тяготея преимущественно ко второму и третьему), ибо все три даны в языке; и порой с помощью одного слова, одной рифмы пишущему стихотворение удается оказаться там, где до него никто не бывал, — и дальше, может быть, чем он сам бы желал. Пишущий стихотворение пишет его прежде всего потому, что стихотворение — колоссальный ускоритель сознания, мышления, мироощущения. Ис-

пытав это ускорение единожды, человек уже не в состоянии отказаться от повторения этого опыта, он впадает в зависимость от этого процесса, как впадают в зависимость от наркотиков или алкоголя. Человек, находящийся в подобной зависимости от языка, я полагаю, и называется поэтом.

Цит. по: *Бродский И. Стихотворения, 1991. С. 5—18.*

Г.-Г. Гадамер. Неспособность к разговору¹

Все сразу понимают, что за вопрос здесь поставлен и откуда он берет начало. Что же — искусство разговора исчезает? Разве не наблюдаем мы в жизни общества в нашу эпоху постепенную монологизацию человеческого поведения? Всеобщее ли это явление, взаимосвязанное с присутствием нашей цивилизации научно-техническим мышлением? Или же какие-то особенные переживания одиночества, отчуждения от самого себя сковывают уста более молодым людям? А может быть, в этом скрывается решительный отход от самого желания договариваться друг с другом, ожесточенный протест против видимости взаимопонимания в общественной жизни, по поводу чего иные сокрушаются, видя в том неспособность людей разговаривать? Вот вопросы, которые приходят в голову каждому, кто услышит, какую тему мы сейчас назвали.

Между тем способность вести разговор — это естественная принадлежность человека. Аристотель назвал человека существом, наделенным языком, а язык существует лишь в разговоре. Язык можно кодифицировать, до какой-то степени фиксировать в словарях, грамматиках и литературе, и все же, когда язык живет, устаревает, обновляется, и огрубляется, и утончается, достигая высоких стилистических форм литературы как искусства, то все это живо благодаря активному обмену речами между людьми, говорящими между собой. Язык существует лишь в разговоре.

Но сколь же различной бывает роль разговора! Однажды мне довелось наблюдать в берлинском отеле военную делегацию из Финляндии — офицеры сидели за круглым столом молча, погруженные в себя: сидевших рядом разделяла бескрайняя тундра, их душевный ландшафт, непреодолимая дистанция. Кто, приехав с Севера, не изумлялся непрестанному прибою — шумным, гулким волнам разговора на площадях и

рынках южных стран, Испании или Италии! Но, вполне возможно, мы не должны рассматривать одно — как нежелание вступать в разговор, другое — как особенный дар вести беседу. Потому что вполне вероятно, что разговор — это нечто иное, нежели беспрестанно меняющий свою динамику обиходный стиль компанейской жизни. И нельзя сомневаться в том, что жалобы на неспособность к разговору подразумевали не этот стиль, а разговор в более ответственном смысле слова.

Попробуем прояснить сказанное на примере явления, обратного по смыслу. Это феномен, который, по всей вероятности, несет долю вины за деградацию нашей способности вести разговор. Я имею в виду разговор по телефону. Мы привыкли вести долгие телефонные разговоры, и что касается людей близких, то здесь трудно заметить обеднение коммуникации, которая сводится лишь к звучанию, к акустике. Но ведь и проблема разговора не встает в тех случаях, когда жизнь двух людей тесно сплетается, и когда благодаря этому сами собою вьются нити разговоров. Вопрос о неспособности людей вести разговор подразумевает следующее: способны ли люди открываться друг другу настолько, чтобы между ними начинали виться нити разговора? Находят ли они друг в друге людей открытыми для разговора? И здесь опыт телефонных разговоров обладает документальной значимостью, напоминая ценность фотонегативов. Вот что немыслимо в телефонном разговоре — немыслимо осторожно вслушиваться в готовность другого вступить в разговор, углубиться в него; а вот чем обделен говорящий по телефону человек — он лишен опыта, позволявшего людям шаг за шагом погружаться в разговор, ввязываться в него настолько, чтобы в итоге между собеседниками возникала такая общность, какую уже не разорвать. Я назвал телефонный разговор чем-то вроде фотонегатива. Ибо искусственное сближение людей, обеспечиваемое проволокой, грубо разрывает как раз ту тонкую оболочку, благодаря которой люди, прикасаясь друг к другу и вслушиваясь друг в друга, сближаются постепенно, но верно. Любой телефонный звонок отмечен жестокостью вмешательства в чужую жизнь, даже если твой собеседник заверяет тебя в том, что рад звонку.

Сравнение позволяет нам ощутить, сколь многообразны условия подлинного разговора, такого, который способен повести человека в глубины человеческой общности, ощутить также, какие противодействующие всему этому силы нашли распространение в современной

цивилизации. Современная техника информации — вполне мыслимо, что ее развитие находится в самых начатках, предвещающих техническое совершенство, которое, если верить пророкам техники, вскоре сделает совершенно ненужными книги, газеты и уж тем более подлинное наставление, возможность которого возникает в подлинных встречах между людьми, — она, эта техника, вызывает в нашей памяти совсем другой, противоположный образ, образ людей, благословенных даром разговора; они изменили мир: Конфуций и Гаутама Будда, Иисус и Сократ. Мы читаем их беседы, но записаны они другими, теми, кто едва ли был способен сохранить и воспроизвести сам благодатный дар разговора — ведь он присутствует лишь в живой непроизвольности вопросов и ответов, произнесенных слов и выслушанных речей. Однако как раз такие записи отмечены особой энергией документальности. В известном смысле это литература, она предполагает наличие письменности, умеющей пользоваться литературными средствами, вызывать к жизни и формировать с их помощью живую действительность. Но в отличие от поэтической игры воображения эти записи сохраняют уникальную прозрачность: за ними открывается подлинная действительность, подлинность исторического свершения. Теолог Франц Овербек верно подметил это, применив к Новому завету понятие пралитературы, которая предшествует литературе в собственном смысле так, как праистория предшествует историческому времени.

Нам стоит сориентироваться сейчас и по другому, аналогичному феномену. Ведь неспособность вести разговор не единственный известный нам феномен коммуникации, претерпевающий деградацию. В еще большей степени мы являемся свидетелями того, как исчезает обмен письмами, переписка. Великие эпистолографы принадлежат прошлому, XVII, XVIII веку. Очевидно, век почтовой кареты оказался для этого вида коммуникации более благоприятным, чем технический век полной одновременности вопросов и ответов, в чем и состоит примечательность телефонного разговора: прежде отвечали «с возвращающейся почтой», что надо было понимать вполне буквально — лошади на конечной станции поворачивали назад. Кто знаком с Америкой, знает, что там писем пишут еще меньше, чем в Старом Свете. Но фактом является и то, что в Старом Свете переписка настолько редуцируется, настолько ограничивается вещами, для которых не требуется ни пластическое владение языком, ни способность чувствования, ни творче-

ская сила воображения, что собственно телетайп лучше справляется с такими обязанностями, чем ручка. Письмо теперь — отсталое средство информации.

В истории философского мышления феномен разговора, и в особенности выдающаяся форма его, разговор с глазу на глаз, именуемый диалогом, тоже сыграл свою роль в том самом противостоянии, какое мы только что осознали в качестве культурного всеобщего феномена. Прежде всего, эпоха романтизма, а затем ее повторение в XX веке² отвели феномену разговора критическую роль, противопоставив его роковой монологизации философского мышления. Такие мастера разговора, как Фридрих Шлейермахер, гений дружбы, как Фридрих Шлегель, всеобщая отзывчивость которого, скорее, изливалась в разговоре, не приобретая устойчивых, непреходящих форм, были в то же самое время и философскими адвокатами диалектики, такой диалектики, которая приписывает особую, преимущественную истинность платоновскому образцу диалога, разговора. Легко понять, в чем заключается эта преимущественная истинность. Когда два человека, встречаясь, обмениваются мыслями, можно сказать, что здесь предстоят друг другу два мира, два взгляда на мир, два образа мира. Не один взгляд на один мир, то есть не то, что стремится сообщить людям великий мыслитель с его особенным учением, с его особенными понятийными усилиями. Уже Платон излагал свою философию исключительно в форме литературных диалогов, и, конечно, не только из чувства благоговения перед мастером разговора, перед Сократом. Платон видел в диалоге принцип истины: слово подтверждается и оправдывается лишь тогда, когда другой человек воспринимает его, выражая свое согласие с ним; лишена обязательности последовательная мысль, если в ее движении ее не сопровождает мысль другого. Нет сомнения, любая отдельная точка зрения до какой-то степени случайна. Как человек переживает мир в своем опыте, как он его видит, слышит, наконец, ощущает на вкус — все это навеки остается его сокровенной тайной. «Как показать на запах?» Чувственная апперцепция — личное неотторжимое достояние каждого из нас; и наши влечения, и наши интересы сугубо индивидуальны, а разум, общий всем и наделенный способностью постигать общее для всех, — он бессилен перед всей той ослепленностью, какую воспитывает в нас наша отъединенность. Значит, разговор с другим, согласие другого с нами, его возражения, его понимание и непонимание знаменуют

расширение нашей индивидуальности — это всякий раз испытание возможной общности, на которое подвигает нас разум. Можно представить себе целую философию разговора, основанную на подобном опыте, — на неповторимости взгляда на мир каждого отдельного человека, отражающего в то же время весь мир в целом, и на образе мира в целом, который во всех отдельных взглядах на него предстает одним и тем же. Такой была грандиозная метафизическая концепция Лейбница, которой восхищался Гете: отдельные индивиды — зеркала универсума; в своей совокупности они и составляют единый универсум. На таком основании можно было бы строить целый универсум диалога.

Романтизм, открыв неисповедимую тайну индивидуальности, возражал против абстрактной всеобщности понятия. То же самое повторилось и в начале нашего века, когда критике была подвергнута академическая философия XIX века, либеральная вера в прогресс. Не случайно именно в XX веке был переведен на немецкий язык и стал фактором европейского значения Серен Кьеркегор, датский писатель, выученик немецкого романтизма, который в 40-е годы XIX столетия выступил, доказав огромное писательское мастерство, против засилья гегелевского идеализма. В Гейдельберге, да и во многих других городах Германии, новое мышление противопоставило неокантианскому идеализму опыт «другого», опыт «Ты», опыт слова, которое соединяет в себе «Я» и «Ты». Возрождение Кьеркегора, которому особенно способствовал Ясперс, нашло особое выражение в Гейдельберге, в журнале «Die Kreatur»³. Таких мыслителей, как Франц Розенцвейг и Мартин Бубер, Фридрих Гогартен и Фердинанд Эбнер, чтобы назвать представителей иудаизма, протестантизма и католицизма, принадлежащих самым разным лагерям (здесь необходимо назвать и такого выдающегося психиатра, как Виктор фон Вайцзекер), объединяло убеждение в том, что путь истины — это диалог⁴.

Что же такое разговор? Наверняка припомнится нам нечто такое происходящее между людьми, что при всей пространности, даже потенциальной бесконечности обладает все же единством и завершенностью. Разговором для нас было нечто такое, что потом оставило в нас какой-то след. Разговор не потому стал разговором, что мы узнали что-то новое, — нет, с нами приключилось нечто такое, с чем мы не встречались еще в собственном опыте жизни. Каждый сам, на основании собственного опыта, узнает то самое, что вдохновляло фило-

софов — критиков монологической мысли. Разговор способен преобразовать человека. Разговор, если он удался, оставляет что-то нам, он оставляет что-то в нас, и это «что-то» изменяет нас. Так что разговор — в непосредственной близости к дружбе. Только в разговоре друзья могут найти друг друга — хорошо еще, если и удастся посмеяться вместе, когда взаимосогласие устанавливается уже без всяких слов; тогда и возникает та общность, в которой каждый остается для другого одним и тем же, ибо каждый обретает себя в другом, изменяя себя по образу другого.

Однако чтобы говорить не только о таких крайних и наиболее глубоких формах разговора, уделим внимание тем разновидностям его, какие бывают в жизни. И перед ними всеми встает та угроза, что названа в заглавии статьи. Вот, например, воспитательный разговор. Он не то чтобы заслуживал какого-то предпочтения, но на его примере легче всего показать, что же скрывается за переживанием неспособности вести беседу. Конечно, разговор между учителем и учеником — одна из первозданных форм, в какой познавался опыт разговора; все те наделенные даром вести разговоры люди, о которых говорили мы выше, все они наставляли учеников, разговаривая с ними. Однако в ситуации, в какой находится учитель, заключена одна трудность, и перед нею большинство отступает. Это трудность поддерживать в себе способность к разговору. Тот, кто учит, полагает, что должен говорить, что он вправе говорить; чем более последовательно и связно он говорит, тем более убеждается в том, что способен передавать другим свое учение. Такова всем известная опасность, которую таит в себе кафедра. Воспоминание моих студенческих лет — семинар, который вел Гуссерль. Известно, что такие семинары должны быть по возможности разговорами — обсуждением научных проблем, в крайнем случае беседой учителя с учениками. Гуссерль, в начале 20-х годов вдохновленный сознанием своей философской миссии, этот фрайбургский маэстро-феноменолог, помимо прочего занимался и преподавательской деятельностью, которая на деле была выдающейся. Но он не был мастером вести разговоры. На упомянутом семинарском заседании он поставил в самом начале вопрос, получил на него краткий ответ и затем, разбирая этот ответ, проговорил без перерыва два часа. Выходя в конце заседания из аудитории, он заметил своему ассистенту Хайдеггеру: «Да, сегодня была увлекательная дискуссия»...

Подобного рода факты и привели к нынешнему кризису лекционных курсов. Тут вина за неспособность к разговору лежит на преподавателе, а поскольку он представляет науку, то и на монологической структуре современной науки, научной теории. Попытки разбавить лекцию дискуссией предпринимались в высшей школе неоднократно, но всякий раз убеждались в противоположном: слушателю крайне трудно переходить от рецептивной установки к вопросам, к возражениям, лишь очень редко ему удается проявить инициативу. В конце концов непреодолимая трудность заключается в самой ситуации преподавания — с тех самых пор, как учитель уже не ведет беседу в небольшом, интимном кругу учеников. Уже Платон знал об этой трудности; нельзя вести разговор со многими одновременно, нельзя вести разговор даже в присутствии многих. Наши дискуссии на эстраде, за столом — это наполовину мертвые разговоры. Однако бывают иные, подлинные, то есть индивидуализированные ситуации разговора, когда разговор сохраняет свою функцию. Я хотел бы выделить три типа таких разговоров — переговоры, терапевтические беседы, интимный разговор.

Уже в самом слове «переговоры» подчеркнута взаимоотношение, в каком находятся участники разговора. Конечно, это одна из форм социальной практики. И деловые, и политические переговоры не отличаются тем характером, что обмен мыслями между отдельными лицами. Правда, и переговоры, если они оканчиваются успешно, приводят к соглашению, в чем и заключается их функция, однако участники переговоров, излагавшие свои условия, выступали не как частные лица, а как представители определенных сторон. Тем не менее, было бы небезынтересно исследовать, какими чертами подлинного умения вести разговоры наделены удачливые деловые люди или политики, что помогает им преодолевать баррикады, возводимые другой стороной на пути к соглашению. Несомненно, и здесь решающей предпосылкой выступает способность воспринимать другого именно как другого. То есть в этом случае — действительные интересы другого, которые противостоят твоим интересам, но которые, если правильно их воспринять, быть может, содержат в себе возможности сближения и согласия. Следовательно, и переговоры сохраняют всеобщее свойство разговора: чтобы вести разговор, нужно уметь слушать. Итак, встреча с другим поднимается над уровнем собственной ограниченности даже и в том случае, если речь идет о долларах или политических интересах.

Особенно поучительны для нашей темы терапевтические беседы, прежде всего те, что применяются в психоаналитической практике. Потому что здесь неспособность к разговору — это исходная ситуация, а процесс лечения и состоит в том, что пациент вновь учится вести разговор. Связь больного с окружающим миром нарушена его навязчивыми представлениями, в этом и состоит болезнь, которая, в конце концов, превращает больного в совершенно беспомощное существо. Больной настолько захвачен своими представлениями, что уже не способен слышать другого, он весь сосредоточен на своих болезненных представлениях. Он выпадает из естественной общности людей, ведущих разговоры, оказывается в изоляции, но именно невыносимость такого положения и вынуждает его осознать, в конце концов, что он болен, и приводит его к врачу. Вот исходная ситуация, которая чрезвычайно важна для нашей темы. Вообще, крайности заключают в себе урок, применимый к более обычным случаям. Особенность психоаналитической беседы состоит в том, что здесь неспособность к разговору, составляющая суть самой болезни, излечивается не чем иным, как разговором. Однако не все, чему мы можем поучиться здесь, можно просто перенести в другую область. Так, врач-психоаналитик — это не просто собеседник, но собеседник, наделенный знанием, и, преодолевая сопротивление пациента, он вынуждает его открыть перед ним табуированные сферы бессознательного. Справедливо подчеркивают, что беседа все же является совместным трудом раскрытия, а не простым применением знания со стороны врача. Однако иное, связанное с этим специфическое условие психоаналитического разговора ограничивает возможность переносить полученные здесь выводы на социальную практику: первой предпосылкой психоаналитического разговора служит признание пациента в том, что он болен; итак, неспособность к диалогу сознает себя.

Но ведь тема наших размышлений — это, напротив, неспособность к разговору, которая не сознается, не желает сознаваться. Наоборот, здесь норма — подмечать эту неспособность у другого, но не у себя. Вот эта норма: «С тобой невозможно разговаривать». А у другого остается чувство или даже уверенность, что его не поняли. Бывает так, что человек умолкает уже заранее, от огорчения стискивает зубы. В подобном случае «неспособность к разговору» — это диагноз болезни, и его ставит человек, который не вступает в разговор, человек, которому и

не удастся вступить в разговор с другим. Неспособность к разговору другого — это в то же самое время и «моя» неспособность к разговору.

Мне хотелось бы рассмотреть эту неспособность к разговору и с субъективной, и с объективной стороны, то есть, с одной стороны, поговорить о неспособности слушать, а с другой — об объективной неспособности слышать, которая объясняется тем, что нет общего языка. Неспособность слушать — феномен настолько известный, что вовсе не к чему представлять себе каких-то других людей, совсем особо неспособных к этому. Все это прекрасно знаешь за самим собой — постоянно пропускаешь что-то мимо ушей или неверно слышишь. Мы не услышали вовремя, что происходит в душе другого, наши уши были недостаточно восприимчивы, чтобы расслышать, как другой умолкает и уходит в себя, — не принадлежат ли подобные наблюдения к самому фундаментальному опыту человека? Или иное — неверное слышание. Чего здесь только не бывает! Однажды я сидел в полицейском участке в Лейпциге — местные органы превысили власть, но, впрочем, повод был пустячный⁵. И вот, сидя в тюрьме, я слышал, как целый день в коридорах выкрикивали имена тех, кого вызывали на допрос. И всякий раз мне в первое мгновение казалось, что я слышу свое имя, — так напряжено было мое внимание! Оба феномена, и неслышание, и ложное слышание, восходят к одной и той же причине, заключенной в самом человеке. Пропускает мимо ушей и неверно слышит тот, у кого уши, так сказать, постоянно забиты теми речами, с которыми он непрестанно обращается к самому себе, следуя своим влечениям, преследуя свои интересы, — до такой степени, что он и не способен слышать другого. Такова — это я подчеркиваю — сущностная черта всех нас, черта, представленная со всеми мыслимыми оттенками. И, тем не менее: быть способным к разговору, то есть слышать другого, — в этом, представляется мне, состоит возвышение человека к подлинной гуманности.

Но, конечно, есть и объективная причина: общий язык межчеловеческого общения все более распадается по мере того, как мы вживаемся в монологическую ситуацию научной цивилизации, привыкая к анонимной технике информации, во власть которой мы все отданы. Вспомним застольные беседы и подумаем теперь о крайней форме их омертвления, которая, с помощью технического комфорта и его бездумного применения, достигается в роскошных квартирах некоторых достойных сострадающих богатых американцев. Тут столовые устроены так, что каждый

сидящий за столом человек, поднимая глаза от тарелки, видит перед собой экран телевизора, предназначенного специально для него. Можно вообразить себе дальнейший прогресс техники, когда у человека на носу сидят очки, но он не смотрит в очки, а видит в их стеклах телепередачу, — бывает же, что встречаешь человека, который, гуляя в Оденвальде⁶, слушает привычные для него звуки песенок, льющиеся из транзистора, который он прихватил с собой. Этот пример говорит лишь об одном: бывают объективные общественные обстоятельства, когда человек разучивается говорить. Разучивается говорить, т.е. обращаться к кому-то, отвечать кому-то, делать то, что мы называем разговором.

Между тем и здесь крайности проливают свет на среднее. Надо ведь учесть, что когда люди договариваются между собой, они создают общий для них язык, но ведь они и опираются при этом на общий язык. А когда люди отчуждаются друг от друга, то это сказывается в том, что они начинают говорить на разных языках (так и говорят), когда же они сближаются, то находят общий язык. И верно, трудно договориться, если нет общего языка. Но договариваться, и прекрасно, — это значит искать общий язык и в конце концов находить его. Вновь крайний случай: два человека, говорящих на разных языках, — они знают лишь по нескольку слов другого языка, но ощущают внутреннюю потребность сказать что-то друг другу... Все же в практическом общении можно добиться и понимания, и, в конце концов, даже взаимосогласия. Точно так же и в частном разговоре, и в беседе на теоретические темы. Такая возможность символична: даже в тех случаях, когда, казалось бы, нет общего языка, благодаря выдержке, тактичности, взаимному расположению и терпимости, можно, безусловно, полагаясь на разум, нашу общую долю, добиться многого. Мы же постоянно видим, что между людьми с самыми разными темпераментами, с самыми различными политическими взглядами все же возможен разговор. Итак, «неспособность к разговору», пожалуй, это скорее упрек другому, который не желает следовать ходу твоих мыслей, нежели реальный недостаток этого другого.

© Перевод Ал.В. Михайлова, 1991 г.

КОММЕНТАРИЙ*

Впервые: «Universitas», 1971, 26, S. 1295–304.

Перевод выполнен по изданию: *Gadamer H.G. Kleine Schriften*, Bd. 4. Tübingen, 1977, S. 109–117.

Сверен В.С. Малаховым.

¹ Название статьи в оригинале — «Unfähigkeit zum Gespräch». Gespräch здесь переведено как «разговор», а не как «диалог» по причине чрезвычайной затасканности последнего в нашей публицистике.

² Имеется в виду, вероятно, возрождение исторических идей Дильтея и так называемой романтической герменевтики приверженцами «биографического метода» (Г. Миш, Й. Вах, Э. Ротхакер) и «духовно-историческим» направлением (Р. Унгер, Э. Эрматингер и др.).

³ Журнал «Die Kreatur» («Творение») издавался в Берлине в 1927—1928 годах.

⁴ Традицию «диалогической философии» характеризует полемическая заостренность против «монологизма» классического философствования. Ее приверженцы постулируют фундаментальный характер «Я-Ты-отношения», изначальную неразрывность «Я» и «Ты». «Ты» составляет необходимую предпосылку деятельности «Я», в том числе и всякого смыслополагания (в качестве «Ты» выступает мир как таковой).

⁵ Весной 1947 года с разрешения советских властей Гадамер покинул Лейпциг, где с 1946 года исполнял обязанности ректора университета, и переехал во Франкфурт-на-Майне. В октябре 1947 года, во время короткого пребывания в Лейпциге с целью официальной передачи ректорских полномочий он был арестован и провел в полицейском участке четыре дня. Поводом для ареста был донос (см.: *Gadamer H.G. Philosophische Lehrjahre*, S. 133—136).

⁶ *Оденвальде* — огромный лесной массив в гористой местности в бассейне Рейна, Майна и Неккара. Лесопарк в Оденвальде традиционно является местом отдыха и паломничества туристов.

* Во всех случаях, не оговоренных особо, комментарии принадлежат В.С. Малахову.

Цит. по: *Гадамер Г.-Г. Актуальность прекрасного. М., 1991. С. 82—92.*

Т.А. ван Дейк. Структура дискурса и сообщения-новости

ДИСКУРС КАК КОММУНИКАТИВНОЕ СОБЫТИЕ

Выше указывалось, что дискурс, в широком смысле слова, является сложным единством языковой формы, значения и действия, которое могло бы быть наилучшим образом охарактеризовано с помощью понятия коммуникативного события или коммуникативного акта.

Преимущество такого понимания состоит в том, что дискурс, нарушая интуитивные или лингвистические подходы к его определению, не ограничивается рамками конкретного языкового высказывания, т.е. рамками текста или самого диалога. Анализ разговора с особой очевидностью подтверждает это: говорящий и слушающий, их личностные и социальные характеристики, другие аспекты социальной ситуации, несомненно, относятся к данному событию. В этом смысле беседа, собрание, слушание дела в суде, урок в классе — все они могут быть названы сложными коммуникативными событиями. Такие события можно далее расчленить на более мелкие коммуникативные акты, такие как история в разговоре, иск адвоката в суде, объяснение урока учителем в классе. Некоторые из этих явлений, например рассказы или дискуссии, могут проявлять качества, которые характерны для коммуникативных актов и дискурсов в другом социальном окружении.

В письменных или печатных типах дискурса такая интеракциональная природа этого явления менее заметна: писатель, текст, читатель находятся не в таком тесном взаимодействии в пределах единой ситуации, локализованной в пространстве и времени. Но даже и в этом случае следовало бы проанализировать тексты с точки зрения динамической природы их производства, понимания и выполняемого с их помощью действия. Например, анализ значения дискурса, который представляется нам очень важным, может до определенного момента ограничиваться отвлеченным описанием значения самого текста, но эмпирически было бы более правильным говорить о значениях, выраженных с помощью самого высказывания или созданных им, или о значениях, возникших в процессе публикации текста писателем, или о значениях, которые приписываются тексту или извлекаются из него читателем. В этом случае, при определении значения дискурса, нужно учитывать значения, общедоступные для участников коммуникации, знание языка, знание мира, другие установки и представления. Следует добавить, что писатели создают формы и значения, которые предположительно понятны читателю или которые могут быть эксплицитно ему адресованы, которые возбуждают реакции и которые вообще ориентированы на получателя, как это происходит в разговоре. В случае письменной коммуникации писатели и читатели участвуют в процессе социо-культурного взаимодействия.

Все эти характеристики относятся и к текстам новостей. В узком смысле слова мы можем отвлеченно исследовать структуры сообще-

ний новостей, определяемых в качестве особого вида социального дискурса. И все же (с этим более подробно мы ознакомимся ниже) рассматриваемые структуры новостей могут быть адекватно поняты только в одном случае: если мы будем анализировать их как результат когнитивной и социальной деятельности журналистов по производству текстов и их значений, как результат интерпретации текстов читателями газет и телезрителями, производимой на основе опыта их общения со средствами массовой информации.

Однако было бы, вероятно, полезным различать когнитивную обработку текста или социальные параметры коммуникации, осуществляемой посредством текстов, с одной стороны, и структуры самих текстов массовой коммуникации, с другой. В нашем исследовании мы сосредоточим внимание на структуре текстов новостей и лишь изредка будем соотносить эти структуры с их когнитивными, социальными и политическими контекстами; последние были довольно подробно описаны в других работах, посвященных новостям и средствам массовой коммуникации (Gans, 1979; Tuchman, 1978; Fishman, 1980). (Дальнейшее теоретическое описание структуры новостей и проблем когнитивной обработки в производстве текстов и их понимании см.: van Dijk, 1987e.)

ЛИТЕРАТУРА

van Dijk, 1987c = van Dijk, T. *News as Discourse*. Hillsdale, NJ: Lawrence Erlbaum Associates, 1987.

Fishman, 1980 = Fishman, M. *Manufacturing the News*. Austin, TX: University of Texas Press, 1980.

Gans, 1979 = Gans, H. *Deciding What's News*. New York: Pantheon Books, 1979.

Tuchman, 1978 = Tuchman, G. *Making News*. New York: Free Press, 1978.

Цит. по: *Ван Дейк Т.А. Язык. Познание. Коммуникация. М., 1989. С. 121—123.*

О. Мандельштам. О собеседнике

Скажите, что в безумце производит на вас наиболее грозное впечатление безумия? Расширенные зрачки — потому что они невидящие, ни на что в частности не устремленные, пустые. Безумные речи, потому

что, обращаясь к вам, безумный не считается с вами, с вашим существованием, как бы не желает его признавать, абсолютно не интересуется вами. Мы боимся в сумасшедшем главным образом того жуткого абсолютного безразличия, которое он выказывает нам. Нет ничего более страшного для человека, чем другой человек, которому нет до него никакого дела. Глубокий смысл имеет культурное притворство, вежливость, с помощью которой мы ежеминутно подчеркиваем интерес друг к другу.

Обыкновенно человек, когда имеет что-нибудь сказать, идет к людям, ищет слушателей; — поэт же наоборот, — бежит «на берега пустынных волн, в широкошумные дубровы». Ненормальность очевидна... Подозрение в безумии падает на поэта. И люди правы, когда клеймят именем безумца того, чьи речи обращены к бездушным предметам, к природе, а не к живым братьям. И были бы вправе в ужасе отмахнуться от поэта, как от безумного, если бы слово его действительно ни к кому не обращалось. Но это не так.

Да простит мне читатель наивный пример, но и с птичкой Пушкина дело обстоит не так уж просто. Прежде, чем запеть, она «гласу бога внемлет». Очевидно, ее связывает «естественный договор» с хрестоматийным богом — честь, о которой не смеет мечтать самый гениальный поэт... С кем же говорит поэт? Вопрос мучительный и всегда современный. Предположим, что некто, оставляя совершенно в стороне юридическое, так сказать, взаимоотношение, которым сопровождается акт речи (я говорю — значит, меня слушают и слушают не даром, не из любви, а потому, что обязаны), обратил свое внимание исключительно на акустику. Он бросает звук в архитектуру души и, со свойственной ему самовлюбленностью, следит за блужданиями его под сводами чужой психики. Он учитывает звуковое приращение, происходящее от хорошей акустики, и называет этот расчет магией. В этом отношении он будет похож на «*prêtre Martin*» средневековой французской поэтессы, который сам служит мессе и слушает ее. Поэт не только музыкант, он же и Страдивариус, великий мастер по фабрикации скрипок, озабоченный вычислением пропорций «коробки» — психики слушателя. В зависимости от этих пропорций — удар смычка или получает царственную полноту, или звучит убого и неуверенно. Но, друзья мои, ведь музыкальная пьеса существует независимо от того, кто ее исполняет, в каком зале и на какой скрипке! Почему же поэт должен быть

столь предусмотрителен и заботлив? Где, наконец, тот поставщик живых скрипок для надобностей поэта — слушателей, чья психика равноценна «раковине» работы Страдивариуса? Не знаем, никогда не знаем, где эти слушатели... Франсуа Виллон писал для парижского сброда середины XV века, а мы находим в его стихах живую прелесть...

У каждого человека есть друзья. Почему бы поэту не обращаться к друзьям, к естественно близким ему людям? Мореплаватель в критическую минуту бросает в воды океана запечатанную бутылку с именем своим и описанием своей судьбы. Спустя долгие годы, скитаясь по дюнам, я нахожу ее в песке, прочитываю письмо, узнаю дату события, последнюю волю погибшего. Я вправе был сделать это. Я не распечатал чужого письма. Письмо, запечатанное в бутылке, адресовано тому, кто найдет ее. Нашел я. Значит, я и есть таинственный адресат.

Мой дар убог, и голос мой не громок,
Но я живу, и на земли мое
Кому-нибудь любезно бытие:
Его найдет далекий мой потомок
В моих стихах; как знать? душа моя
Окажется с душой его в сношеньи,
И как нашел я друга в поколеньи,
Читателя найду в потомстве я.

Читая стихотворение Боратынского, я испытываю то же самое чувство, как если бы в мои руки попала такая бутылка. Океан всей своей огромной стихией пришел ей на помощь, — и помог исполнить ее предназначение, и чувство провиденциального охватывает нашедшего. В бросании мореходом бутылки в волны и в посылке стихотворения Боратынским есть два одинаковых отчетливо выраженных момента. Письмо, равно и стихотворение, ни к кому в частности определенно не адресованы. Тем не менее оба имеют адресата: письмо — того, кто случайно заметил бутылку в песке, стихотворение — «читателя в потомстве». Хотел бы я знать, кто из тех, кому попадутся на глаза названные строки Боратынского, не вздрогнет радостной и жуткой дрожью, какая бывает, когда неожиданно окликнут по имени.

Я не знаю мудрости, годной для других,
Только мимолетности я влагаю в стих.

В каждой мимолетности вижу я миры,
Полные изменчивой радужной игры.

Не кляните, мудрые. Что вам до меня?
Я ведь только облачко, полное огня,
Я ведь только облачко. Видите, плыву
И зову мечтателей... Вас я не зову!

Какой контраст представляет неприятный, заискивающий тон этих строк с глубоким и скромным достоинством стихов Боратынского. Бальмонт оправдывается, как бы извиняется. Непростительно! Недопустимо для поэта! Единственное, чего нельзя простить. Ведь поэзия есть сознание своей правоты. Горе тому, кто утратил это сознание. Он явно потерял точку опоры. Первая строка убивает всё стихотворение. Поэт сразу определенно заявляет, что мы ему неинтересны:

Я не знаю мудрости, годной для других.

Неожиданно для него, мы платим ему той же монетой: если мы тебе не интересны, и ты нам не интересен. Какое мне дело до какого-то облачка, их много плавает... Настоящие облака, по крайней мере, не издеваются над людьми. Отказ от «собеседника» красной чертой проходит через поэзию, которую я условно называю бальмонтовской. Нельзя третировать собеседника: непонятый и непризнанный, он жестоко мстит. У него мы ищем санкции, подтверждения нашей правоте. Тем более поэт. Заметьте, как любит Бальмонт ошеломлять прямыми и резкими обращениями на «ты»: в манере дурного гипнотизера. «Ты» Бальмонта никогда не находит адресата, проносясь мимо, как стрела, сорвавшаяся со слишком тугой тетивы.

И как нашел я друга в поколеньи,
Читателя найду в потомстве я.

Проницательный взор Боратынского устремляется мимо поколения, — а в поколении есть друзья, — чтобы остановиться на неизвестном, но определенном «читателе». И каждый, кому попадутся стихи Боратынского, чувствует себя таким «читателем» — избранным, окликнутым по имени... Почему же не живой конкретный собеседник, не «представитель эпохи», не «друг в поколеньи»? Я отвечаю: обращение

к конкретному собеседнику обескрыливает стих, лишает его воздуха, полета. Воздух стиха есть не о ж д а н н о е. Обращаясь к известному, мы можем сказать только известное. Это — властный, неколебимый психологический закон. Нельзя достаточно сильно подчеркнуть его значение для поэзии.

Страх перед конкретным собеседником, слушателем из «эпохи», тем самым «другом в поколении», настойчиво преследовал поэтов во все времена. Чем гениальнее был поэт, тем в более острой форме болел он этим страхом. Отсюда пресловутая враждебность художника и общества. Что верно по отношению к литератору, сочинителю, абсолютно неприменимо к поэту. Разница между литературой и поэзией следующая: литератор всегда обращается к конкретному слушателю, живому представителю эпохи. Даже если он пророчествует, он имеет в виду современника будущего. Литератор обязан быть «выше», «превосходнее» общества. Поучение — нерв литературы. Поэтому для литератора необходим пьедестал. Другое дело поэзия. Поэт связан только с провиденциальным собеседником. Быть выше своей эпохи, лучше своего общества для него не обязательно. Тот же Франсуа Виллон стоит гораздо ниже среднего нравственного и умственного уровня культуры XV века.

Ссору Пушкина с чернью можно рассматривать как проявление того антагонизма между поэтом и конкретным слушателем, который я пытаюсь отметить. С удивительным беспристрастием Пушкин предоставляет черни оправдываться. Оказывается, чернь не так уж дика и непросвещенна. Чем же провинилась эта очень деликатная и проникнутая лучшими намерениями «чернь» перед поэтом? Когда чернь оправдывается, с языка ее слетает одно неосторожное выражение: оно то переполняет чашу терпения поэта и распаляет его ненависть.

А мы послушаем тебя —

вот это бестактное выражение. Тупая пошлость этих, казалось бы, безобидных слов очевидна. Недаром поэт именно здесь, негодуя, перебивает чернь... Отвратителен вид руки, протянутой за подаянием, и ухо, которое насторожилось, чтобы слушать, может расположить к вдохновению кого угодно — оратора, трибуна, литератора — только не поэта... Конкретные люди, «обыватели поэзии», составляющие «чернь», позволяют «давать им смелые уроки» и вообще готовы выслушать что

угодно, лишь бы на посылке поэта был обозначен точный адрес. Так, дети и простолюдины чувствуют себя польщенными, читая свое имя на конверте письма. Бывали целые эпохи, когда в жертву этому далеко не безобидному требованию приносились прелесть и сущность поэзии. Таковы ложногражданская поэзия и нудная лирика восьмидесятых годов. Гражданское и тенденциозное направление прекрасно само по себе:

Поэтом можешь ты не быть,
Но гражданином быть обязан —

отличный стих, летящий на сильных крыльях к провиденциальному собеседнику. Но поставьте на его место российского обывателя такого-то десятилетия, насквозь знакомого, заранее известного, — и вам сразу станет скучно.

Да, когда я говорю с кем-нибудь, — я не знаю того, с кем я говорю, и не желаю, не могу желать его знать. Нет лирики без диалога. А единственное, что толкает нас в объятия собеседника, — это желание удивиться своим собственным словам, плениться их новизной и неожиданностью. Логика неумолима. Если я знаю того, с кем я говорю, — я знаю наперед, как отнесется он к тому, что я скажу, — что бы я ни оказал, а следовательно, мне не удастся изумиться его изумлением, обрадоваться его радостью, полюбить его любовью. Расстояние разлуки стирает черты милого человека. Только тогда у меня возникает желание сказать ему то важное, что я не мог сказать, когда владел его обликом во всей его реальной полноте. Я позволю себе формулировать это наблюдение так: вкус сообщительности обратно пропорционален нашему реальному знанию о собеседнике и прямо пропорционален стремлению заинтересовать его собой. Не об акустике следует заботиться: она придет сама. Скорее о расстоянии. Скучно перешептываться с соседом. Бесконечно нудно буравить собственную душу. Но обменяться сигналами с Марсом — задача, достойная лирики, уважающей собеседника и знающей свою беспричинную правоту. Эти два превосходных качества поэзии тесно связаны с «огромного размера дистанцией», какая предполагается между нами и неизвестным другом — собеседником.

Друг мой тайный, друг мой дальний,
Посмотри.

Я — холодный и печальный
Свет зари..
И холодный и печальный
Поутру,
Друг мой тайный, друг мой дальний,
Я умру.

Этим строкам, чтобы дойти по адресу, требуется астрономическое время, как планете, пересылающей свой свет на другую.

Итак, если отдельные стихотворения (в форме посланий или посвящений) и могут обращаться к конкретным лицам, поэзия, как целое, всегда направляется к более или менее далекому, неизвестному адресату, в существовании которого поэт не может сомневаться, не усумнившись в себе. Только реальность может вызвать к жизни другую реальность.

Дело обстоит очень просто: если бы у нас не было знакомых, мы не писали бы им писем и не наслаждались бы психологической свежестью и новизной, свойственной этому занятию.

Цит. по: *Мандельштам О. Слово и культура. М., 1987. С. 48—54.*

О. Розенцток-Хюсси. Право человека говорить

1. ГОВОРЯТ ВСЕ

<...>

В лингвистике недостаточно иметь теорию о языке. Ведя разговор о разговоре, держа речь о речи и письменно изъясняясь о письме, я нахожусь в этот момент в положении куда более трудном и рискованном, чем зоолог, думающий о жабе. Жаба не слушает лекций, который зоолог читает о жабах. Но ведь сам-то я, будучи говорящим индивидом, отлично слышу свои собственные речи о речи. Человек внутри меня, который хочет говорить и имеет свободу речи, прислушивается к моим тирадам о смысле речи. Заученные понятия, предлагаемые моим «высоколобым» ученым Эго, должны вызвать в моем «низколобом» смертном «я» чувство безопасности. Последнее слово в грамматике будет сказано только тогда, когда каждое человеческое существо, живущее под луной, сумеет осознать и признать, что этим

словом защищено его собственное врожденное право на свободную речь.

Но разве человек не является в достаточной мере самим собой и без речи? Прибавляет ли ему речь что-либо помимо способности говорить? Является ли речь чем-то большим, чем инструмент? Человек ест, спит, переваривает пищу, совокупляется, трудится; он сначала молод, потом стареет по законам биологии. Разве этого недостаточно? Почему этого недостаточно? Каждый знает, что этого мало. Но если спросить, почему, человек, как правило, начинает запинаться и впадает в сомнения.

Существует один простой довод в пользу ответа «нет». Одной биологии мало потому, что мы нуждаемся в самореализации. Личинку насекомого мы не зовем именем целого существа. Не назовем мы этим именем и бабочку. Насекомое — это все фазы его жизни *вместе взятые*. Только *взаимопричастность* всех моментов жизни создает подлинную действительность. Стало быть, «мужчина» или «женщина» в нас — это еще не подлинный человек. Седой старик — это еще не весь человек; то же и ребенок. Подлинное, действительное «настоящее» в нас всегда вмещает в себя больше, чем какой бы то ни было биологический компонент. И мы жаждем стать «подлинными». Каждый призван реализовать себя и каждый заявляет свое право на это. Противоречие между нашим физическим строением — мужчины или женщины, «каждой твари по паре» — и нашим притязанием на то, чтобы быть людьми, редко учитывается в философии языка. <...>

<...> Чтобы обрести цельное существование, нужно обладать большей внутренней силой и более тонким пониманием жизненных связей. Однажды группа педагогов пыталась определить, что значит быть гражданином. Один из них сказал, вызвав всеобщее одобрение: гражданин — это человек, который работает на доходном месте. Это было до того, как наши граждане пошли записываться в ополчение. Из приведенной дефиниции видно, что даже наши учителя-преподаватели были в 30-е годы чистокровными марксистами, для которых средний человек — только рабочая сила. Гражданин — это, конечно, не тот человек, который работает на доходном месте, *гражданин — тот, кто живет и работает так, как если бы он сам был основателем дела, которому он служит, законодателем общности или «града», где он нашел*

свое место. И вот именно эта способность приобретает человеком посредством речи.

«Граду» должны мы принадлежать, чтобы быть людьми. Ежедневно и ежечасно нуждаемся мы в этой своей принадлежности, которая на самом деле должна вмещать в себя всю полноту реальности, внутренний мир человеческого сознания и внешний мир вселенной. Человек требует свободы во всех направлениях своей самореализации. Каждый индивид ощущает, что причастность к древнейшему источнику всего человеческого и к злободневнейшим политическим событиям сегодняшнего дня, ко всем этим сокровищам действительности — это неотъемлемая часть его билля о правах. Отсюда и всеобщее право людей на речь — равенство, которым всякое сообщество одаривает своих членов.

Пользуясь словами живого языка, каждый член сообщества общается всему, что когда-либо было сказано в орбите его социальной группы, как бы играючи заучивает опыт, удержанный в речи других людей. Вбирая в себя напоминания обо всем, что когда-либо оседало или кристаллизовалось в памяти сообщества, он становится носителем памяти своей нации или своего племени. Так, слепой певец как некая мембрана способен оживить своим словом века греческой истории; или человек, давно потерявший работу, еще сегодня может дрожащим от волнения голосом рассказать нам сказку о дворце или ферме своей мечты, потрясающую гомеровскую историю о том, чего не было, не могло быть. Или юный студент, своими песнями вселяющий мужество, действительно нужное его сообществу для решения больших грядущих задач. Слова и ритм его песен утверждают и каким-то образом предсказывают его жизнь, в которой им суждено пройти проверку на подлинность.

Рассмотрим теперь структуру любого языка. Не чудо ли великое, что язык дает возможность женщине цитировать слова мужчин, а ребенку воспринять мысли дряхлого старца? Величие эпоса или волшебной сказки, народных песен или сказаний заключается в том, что они воспринимаются каждым. Коль скоро родной язык получил распространение в некотором сообществе, каждый приобретает способность и компетентность во всем, что пел или думал на этом языке другой человек, и извлекает из всего этого собственную энергию. Мой родной язык не есть поэтому язык одной моей матери (the mother's

tongue), это — язык моей родины-матери (the mother tongue): разница огромная, в иных случаях мучительная. Физически мы — дети своей матери. Духовно, однако, наш национальный язык и есть наш родной язык. Это — матрица, где вместо «родной язык» мы могли бы сказать «речевое сознание родины» (the mother mind), реформаторами (the reminders) которого мы являемся. Мы воспринимаем, воспроизводим, воссоединяем все, что когда бы то ни было вызывалось к существованию этим матричным сознанием. Конечно, такое развивающее традиции воспоминание на деле мы зачастую реализуем вполне по-дурацки; живая память может выродиться в механическое цитатничество и начетничество, однако родной язык всегда оставляет возможность возобновить, возродить прерванный живой процесс, который делает нас законными наследниками речевого родника сознания своей родины. Мы можем выучить мир вещей «наизусть» (by heart). Если мы научились говорить наизусть, от сердца, владения данного языка перестают быть для нас только внешним фактом. Внутри любого языка непрерывно совершаются миллионы событий, осуществляя метаболизм и трансляцию всех, когда-либо произнесенных слов, поскольку врожденное право каждого человека — памятью сердца (by heart) быть причастным к великому дару объединяющей нас речи.

Мы говорим о даре, который дан каждому индивиду, а не просто о сокровищнице языка. От слова «сокровище» за версту несет залежалым товаром, гниющим на складе. Образование или цивилизацию слишком часто понимают как сокровища, упрятанные в библиотеку и в музеи. Между тем то, что выпадает на нашу долю — дар удачный, а равно и неудачный — это расчищать себе путь сквозь язык, впуская его в себя, а затем снова отдавая его вовне. «Язык — средство общения»: это — одно из самых тривиальных определений речи, но оно передает все же загадочнейшее свойство языка, как правило, не осознаваемое теми, кто пользуется этим определением. В нем ведь не утверждается, что человек *понимает другого*, когда тот говорит; утверждается только, что один человек *понимает то, что говорит другой человек*.

Так как мне может быть не под силу сказать, благодаря чему я мог бы быть понят (а кому это под силу?), первое, что мы узнаем о любом высказывании, — это то, что язык понимают или разделяют как минимум два собеседника: А в такой же мере, как и В. Когда я вижу двух человек, беседующих друг с другом на улице, я вполне могу усо-

мниться в том, что они и впрямь хотят понять друг друга. Было бы легкомысленно приписывать им намерение, которого у них не было и в помине. Они просто хотят поговорить друг с другом, ни больше, ни меньше. Лишь в редкие моменты мы пользуемся языком для того, чтобы узнать и признать друг друга в духе и по истине, и раскрыться, не ставя никаких условий.

Всякий разумный человек знает, что мы понимаем друг друга изнутри только в том случае, если любовь или ненависть, солидарность или вражда откроют нам глаза на нашего vis-a-vis. Проникая таким образом друг в друга, мы всякий раз переживаем возвышенный миг рождения нового языка и образования новых человеческих слов. Когда же эти подлинные силы любви или враждебности не посещают мою душу, я пользуюсь языком иначе, как получится, и именно в эти периоды расслабленности и бездумности язык и речь для меня безгранично ценны. Теперь они, правда, не раскрывают меня, поскольку я бездельничаю, но они раскрывают моему собеседнику тот общий для нас фон восприятий, ассоциаций, оценок, который вообще делает возможной нашу беседу. Разговор, там, где он на самом деле возможен, порождает согласие и приятие, потому что самими согласием и приятием уже порожден, а потому и возможен. Такой дружеский разговор соединяет меня с другим, не моею духовной основой, а, так сказать, общими корнями. По этой причине уметь разговаривать друг с другом — это не так уж мало, хотя для самих собеседников это может быть всего лишь ничего не значащий разговор о погоде. Мы не в состоянии все время быть личностями, то есть мы не можем непрерывно любить или ненавидеть. Но тогда в каком смысле и в какой мере мы все-таки живем в эти долгие промежуточные периоды? Мы живем тогда волевым напором традиций прошлого, которое воспроизводим в качестве предличностного и общего для нас наследия всякий раз, когда пользуемся в разговоре готовыми фразами родного языка. Конечно, открывая рот, чтобы что-то сказать, мы уже как-то открываем свою душу. Но ведь разговаривать вовсе не означает все время «открывать душу». Мы говорим друг другу «Это прелесть, не правда ли?», или «Отлично!», или «Превосходно!», или еще что-то в том же роде и остаемся все же рупорами истины, так как предоставляем доброму старому родному языку говорить через нас. *Сердцам, говорившим до нас, дозволено говорить через нас* — вместо нашего собственного сердца.

Мы не так часто поем новые песни, зато мы любим вспоминать и повторять старые. Говорить — значит или создавать, или цитировать, и в той мере, в какой мы сохраняем существующий язык, каждый из нас достоин уважения в качестве гигантской трансляционной сети, через которую передаются все выражения общей воли. Подобно шелесту листьев вяза, язык обладает отзвуками, шепотом, невнятным бормотанием. Все эти голоса и звуки артикулируют скрытую волю общности. Почему все мыслители ищут систему? Потому что они верят, что если один человек сможет-таки стать голосом всего языка, тогда у нас будет самая верная система, содержащая, с одной стороны бесконечное разнообразие, а с другой — бесконечное единодушие. Говорить — значит верить в единодушие. Это можно продемонстрировать на примере того удивительного факта, что всякий язык притворяется завершенным. Содержит ли он восемьсот слов или восемьдесят тысяч — говорящие на нем в любом случае наивно полагают, что они могут выразить на этом языке все, что угодно.

Цит. по: *Розенток-Хюсси О. Речь и действительность.*
М., 1994. С. 165—171.

Если гуманитарная культура в целом
путь к сердцу нации, то наука — к ее уму.
Д.С. Лихачев

Глава 6. МЕТОДОЛОГИЯ СОВРЕМЕННОЙ ФИЛОЛОГИИ

6.1. Методологические основания современной филологии

Методология (др.-греч. *methodos*) науки, в том числе, разумеется, и филологической, — это учение об основаниях и способах действия с ее объектами.

В методологии современной филологии проявляется еще одно основание единства составляющих ее наук. К тезису о том, что современная филология представляет собой совокупность наук и научных дисциплин, имеющих своими объектами естественный язык, текст и *homo loquens* (глава 1), имеющую междисциплинарное (= общефилологическое) ядро знания (глава 2), прибавляется **положение о филологии как особом способе исследования своих объектов** (глава 6).

Таким образом, единство современной филологии создается общими для филологических наук объектами, общефилологическим ядром знания и принципами исследования этих объектов, присущими и лингвистике, и литературоведению, и фольклористике, а также филологическим дисциплинам. Основания и способы действия с объектами рассмотрим раздельно.

Исследовательская установка (**основание действия с объектами**) в современной филологии предполагает, что существует филологический (= собственно филологический) подход к исследованию объектов филологии. В главах 3–5 были показаны общий для филологических наук взгляд на язык, текст и *homo loquens* и взгляды, свойственные отдельным филологиче-

ским наукам — лингвистике и литературоведению. Это иллюстрация положения о том, что одни и те же объекты, изучением которых занимаются филологические науки, могут быть рассмотрены на основе разных подходов: филологического и отдельно — лингвистического и литературоведческого.

Филологический подход предполагает обращение в процессе исследования объекта и к языковой, и к литературной его стороне, и как к тексту, и к многообразным проявлениям homo loquens — как говорящего, пишущего, автора, читателя, интерпретатора и пр., что делается, как правило, в контексте времени и пространства.

Так, при изучении творчества В.М. Шукшина филологический подход реализуется во внимании исследователей к трем граням литературно-художественного творчества писателя: языковой, поэтической, смысловой. Язык его прозы питается различными источниками: устно-разговорной стихией, книжными сферами (в том числе деловой, публицистической, научной), письменной и песенной речью, языком фольклора и др. Оценка этого факта с точки зрения литературоведения позволяет «вытащить» из буквы как графического знака естественный голос человека. Речь человека, в том числе у нашего автора, не сводима только к устно-разговорной стихии (как иногда писали о рассказах Шукшина критики). Из диалогов повседневной жизни, из слов обыденного языка, соседствующих со словами других речевых стихий, выстраивается иной мир — мир сложных образов. В этом мире читатель может усмотреть сложные духовные поиски современного Шукшину человека.

Филологический подход напрямую нацелен на раскрытие главного предназначения филологии в жизни человека и общества. Предназначение это, по мысли С.С. Аверинцева, состоит в том, что **филология — это служба понимания**. «Как служба понимания филология помогает выполнению одной из главных человеческих задач — понять другого человека (и другую культуру, и другую эпоху)»¹. В самом деле, исследование литературно-художественного творчества В.М. Шукшина только лингвистически может дать перечень языковых форм: слов, предложений, абзацев и других речевых структур в их отношениях друг к дру-

гу, только литературоведчески — может предложить перечень художественных структур, образов, представлений, тоже в их отношениях друг к другу. Достаточно ли этих сведений для понимания творчества писателя? Скорее всего, нет. Сопряжение данных лингвистики и литературоведения позволяет читателю (исследователю) усмотреть языковые и поэтические структуры художественного текста в их взаимных отношениях, обнаружить в тексте новую, ранее не могущую быть обнаруженной реальность — художественную. На этой основе и усматриваются в тексте художественные смыслы.

Филологический подход предполагает учет связей между языком, текстом и *homo loquens* как объектами филологии даже при рассмотрении одного из них (в целом или в каких-то отдельных проявлениях). Тем самым предмет изучения рассматривается не в изолированном виде, а в его взаимодействиях с другими.

Способы действия с объектами — это методы филологии. Способ действия включают в себя процедуры выделения объекта и предмета исследования, способы конструирования гипотезы и получения результата.

Понятие метода значимо для получения как нового результата в процессе практической деятельности, так и нового знания в теоретической деятельности. В первом случае речь идет, например, о методах слушания, чтения, говорения, интерпретации, речевого воздействия, филологического обеспечения виртуальной коммуникации и т.д., т.е. **о методах практической деятельности**; во втором — о методах исследовательской деятельности, или **методах исследования**.

В основе методов исследования в филологии лежит **анализ**. Общая задача и лингвистического, и литературоведческого анализа состоит в том, чтобы найти и установить научный факт, определить его место в совокупности фактов науки (лингвистики, литературоведения), превратить его в материал для нахождения теоретического результата. На этой основе и возникает теоретический результат. Лингвистический и литературоведческий анализ существуют в филологии и порознь, и как составляющие филологического анализа (см. ссылку на анализ литературно-художественного творчества В.М. Шукшина).

Выбор и использование метода имеет ключевое значение в процессе достижения цели исследования.

Так, при решении «школьной» задачи определить, каким второстепенным членом является словоформа в предложении, используются разные способы. В одном случае устанавливается морфологическая природа зависимого слова: полное прилагательное — определение; косвенный падеж существительного — дополнение; наречие — обстоятельство. В другом случае учитываются *соотношения* изучаемой структуры с другими — синонимичными и / или антонимичными.

Рассмотрим пример: *Цветы находятся на подоконнике.*

Решаем задачу первым способом. Исходим из морфологической природы словоформы: *на подоконнике* есть имя существительное в косвенном падеже, значит, выполняет функцию дополнения. Этому выводу соответствует и вопрос: *на чем?* — *на подоконнике.*

Применим второй способ. По отношению к данной структуре синонимом являются, например, следующее: *находятся на подоконнике* → *находятся там, здесь* → *находятся везде*: и *на подоконнике, и на столике, и в углу, и здесь, и там*; антонимичная структура: *находятся на подоконнике, а не там*. Вспомним правило: члены предложения, находящиеся в сочинительной связи, являются однородными. Если это так, то предложно-падежная форма *на подоконнике* признаётся обстоятельством: наречная форма в данной структуре ни при каких условиях не может быть дополнением. Как быть с вопросом? К наречию-обстоятельству может быть поставлен только один вопрос: *находятся где?* — *там, здесь, везде...* На этот же вопрос отвечает и однородная словоформа косвенного падежа: *находятся где?* — *на подоконнике*. Итак, второй способ дает иное решение: наша словоформа выполняет синтаксическую функцию обстоятельства.

Какой из двух способов признаем правильным? Если учесть, что словоформа косвенного падежа отвечает на падежный вопрос и вне связи с другими словами, то вопрос *на чем?* следует квалифицировать как морфологический; второй же вопрос — синтаксический: он возможен только в условиях контекста. Вывод: для решения синтаксической задачи единственно правильным признаем второй способ.

И в настоящее время в филологии актуально одно из традиционных положений науковедения: «**Метод решает судьбу дела**» (акад. И.П. Павлов).

В филологических исследованиях велика роль т.н. **субъективного фактора**. Субъективный фактор — это исследователь, который находится не отдельно от изучаемого объекта, а «внутри», не отчужденно от процесса исследования, а в «самом процессе». Отсюда вытекает возможность разных интерпретаций полученных в ходе исследования результатов.

Вернемся к творчеству В.М. Шукшина. Так, в 1970—1980-е годы творчество писателя истолковывалось как выражение чаяний сельского жителя; с середины 1990-х в нем видится осознание современных проблем нации, поиск путей обновления нашей страны. Эти различия проистекают прежде всего из того, что изменился сам исследователь: на рубеже 1980—1990-х годов он начал освобождаться от стереотипов прежнего литературоведения (литература изображает действительность в ее революционном развитии; в произведении социальное господствует над индивидуальным и др.), пришел к пониманию литературно-художественного творчества как свободного.

Филологические исследования проводятся в **контексте гуманитарных наук** (семиотики, герменевтики, теории коммуникации, когнитивных наук, истории, психологии, культурологии, истории искусств и др.), **опираются на философию**.

Опора на философию проистекает из исторического единства двух областей знания, что зафиксировано в первых частях их названий (*фило*-софия и *фило*-логия). В современной науке эти связи определяются прежде всего тем, что философия обратила более пристальное внимание на естественный язык и иные знаковые системы.

Возвращаясь к нашему примеру, отметим, что закономерным этапом исследования творчества В.М. Шукшина является фило-софская интерпретация данных, полученных филологией. Именно на этом этапе исследования и обнаруживаются глубинные пласты личностной философии самого Шукшина, трагичность бытия сельского человека, расширяваются скрытые основания русской духовности (дом, душа, красота, добро, человек).

В филологии и составляющих ее науках (и научных дисциплин) используются также **методы других наук** — в пограничных и междисциплинарных исследованиях (см., например: лингвистика и философия, психология и литературоведение, фольклористика и теория искусства и др.). Филологические науки сами служат методом практической и исследовательской деятельности **в других науках** — при работе историков над древними и старыми текстами, при интерпретации философами специальных (философских) текстов, при проведении психологами и медиками психиатрической экспертизы и др.

Итак, методология филологии является одним из оснований ее единства как отрасли современных гуманитарных наук. Наряду с филологическим подходом и методами в лингвистике и литературоведении, в филологических дисциплинах существуют «свои» подходы и методы: в лингвистике — лингвистические, в литературоведении — литературоведческие и др.

6.2. Филологическое научное исследование: основные понятия и методы

Научное исследование представляет собой элементарный факт научно-исследовательской деятельности с целью получения нового научного результата.

Научное исследование начинается с возникновения **проблемной ситуации**, «когда субъект попадает в относительно “непривычную” ситуацию, в относительно новые и необычные для него условия.

...А. Кестлер называет проблемную ситуацию вызовом, бросаемым миром человеку, на который он вынужден искать креативный ответ: “Шок служит как спусковой крючок для творческой реакции” (Дух в машине / / Вопросы философии. 1993. № 10. С. 95)»². Дело в том, что в познавательной ситуации субъект обнаруживает некоторый разрыв в имеющемся научном знании.

Познавательная ситуация цементирует все основные элементы структуры научного исследования: объект исследования, предмет исследования, средства исследования, факти-

ческую область. Все исследование направлено на разрешение данной конкретной проблемы и постановку... новой. (О науке и научном исследовании см. в приводимых ниже материалах для чтения фрагменты статьи М. Эпштейна.)

Проиллюстрируем приведенное положение материалом исследования, посвященного мене абзацной структуры текста при переводе его с одного языка на другой³. Читателями, владеющими двумя и более языками, и специалистами-филологами давно отмечалось, что при переводе текста с одного языка на другой переводчиком изменяется абзацная структура текста: одни абзацы исчезают, другие появляются. Что происходит в переводном тексте в сопоставлении с текстом оригинала? почему исчезают абзацы текста оригинального и как появляются абзацы в тексте перевода? На эти и многие другие вопросы ответа в науке до некоторого времени не существовало. Так возникает познавательная ситуация.

Объектом исследования являются определенные стороны, явления, факты, составляющие **фактическую область** исследования и выраженные в теоретическом знании до осуществления данного конкретного исследования.

Продолжим рассмотрение приведенного выше примера. До проведения описываемого здесь исследования в теории текста существовали понятия абзаца, оригинального и переводного текста; отношения последнего к первому иногда квалифицировались как «дочерние», а значит, признавалось не тождество текстов, а производность одного от другого. Суждения по поводу названных (и ряда других) фактов составляют объект рассматриваемого исследования.

Предмет исследования — то «белое пятно» в картине объекта, на ликвидацию которого («белого пятна») направлено исследование.

В нашем примере главным вопросом, от ответа на который зависит ликвидация «белого пятна», является вопрос о методах исследования: **как** найти ответы на описанные выше вопросы?

Итак, предмет исследования представляет собой некоторую сторону, грань объекта исследования, неизвестное в известном. В филологических исследованиях различается два основных типа предмета исследования: 1) отдельные явления,

факты или их стороны; 2) связи и отношения между явлениями, фактами, их сторонами. В приведенном нами примере создается предмет исследования второго типа.

Как найти в объекте исследования его предмет? Эта задача решается

1) при изучении научной литературы, посвященной интересующей исследователя области. При чтении литературы в сознании исследователя складывается теоретическая картина объекта исследования в ее противоречивой сущности;

2) при сопоставлении данных фактической области и теоретической картины объекта. В процессе сопоставления находятся факты либо не объясненные теорией, либо противоречащие ей.

В нашем примере: факт изменения абзацной структуры оригинального и переводного текстов оказался за пределами теории абзаца.

Средствами исследования выступают методы исследования и инструментальные средства (аудио- и видеотехника, каталожная карточка и др.).

Методы решения задачи, связанной с исследованием мены абзацной структуры при переводе текста с одного языка на другой, в теории текста отсутствуют. Впрочем, в лингвистической теории все-таки имеются некоторые аналогии: это методы исследования отношений между исходным и производным словом (стол → стол-ик), между исходным и производным предложением (Я люблю вас → Люблю вас), между исходным и производным текстом (см. раздел 4.3) и др. Принципы изучения отношений исходного и производного объектов могут быть распространены и на изучение описываемого здесь предмета исследования.

Фактическую область исследования составляет его материал: факты языка, тексты, материалы анкетирования и опроса, впечатление, производимое художественным произведением, проявления эффективности высказывания и др. Материалы, составляющие фактическую область исследования, находятся методом наблюдения (см. ниже).

Демонстрируемое здесь исследование выполнено на материале текста романа «Kassandra» (1983) немецкой писательницы Ch. Wolf и его русского перевода «Кассандра» (1985).

Представим еще одну группу понятий.

Цель исследования. Общая цель, которую преследует любое научное исследование, — получение нового теоретического результата.

Каждое конкретное исследование определяется тем, каков смысл рассмотрения предмета исследования. Начинаящий филолог обычно ведет исследование для достижения одной из следующих целеустановок: введение в научный оборот новых фактов, явлений, процессов, отношений и под.; обнаружение взаимодействий между фактами процессами и под.; истолкование (интерпретация) нового или уже известного материала в современных условиях, построение модели и др. Более сложные исследования выдвигают в качестве цели построение концепции, установление тенденций развития фактической области и др.

Цель исследования, посвященного абзацированию, состояла в поиске соответствующей методики исследования.

Задачи исследования — те промежуточные действия, которые необходимо осуществить на пути достижения цели.

Вернемся еще раз к нашему примеру. Задачами описываемого исследования являются следующие: 1) выявить специфику художественного текста, выступающего компонентом системы *говорящий — текст — слушающий*; 2) на основе лингвистической характеристики абзаца рассмотреть роль абзацирования в формировании художественной картины мира; 3) разработать методику, позволяющую провести сопоставление особенностей абзацирования оригинального текста и его перевода и др.

Обратимся к методам исследования.

В науковедении различаются методы общенаучные и частнонаучные. **Общенаучные методы** применяются во всех науках или во многих из них, **частнонаучные** — в одной науке или в небольшой группе наук. В учебном пособии представлены важнейшие общенаучные методы (наблюдение, эксперимент, классификация и моделирование). Они применяются и в лингвистике, и в литературоведении, а также в филологических научных дисциплинах. Частнонаучные методы, характерные для лингвистики и литературоведения, изучаются в соответствующих учебных дисциплинах.

Общенаучные методы исследования различаются по их направленности на решение эмпирических (др.-греч. *empeiria* — опыт) или теоретических (др.-греч. *theōria* — наблюдение, исследование) задач. К первой группе относятся наблюдение и эксперимент; ко второй — классификация и моделирование.

Далее представим общенаучные методы в их проекции на филологию.

Наблюдение — это метод исследования, выражающийся в преднамеренном и целенаправленном восприятии познающим субъектом предметов и явлений. В филологии это, как правило, нахождение в тексте интересующих исследователя явлений.

Ситуация, в которой используется метод наблюдения, описана в пьесе Б. Шоу «Пигмалион» (1912—1913). Фонетист Генри Хиггинс, слушая речь цветочницы Элизы Дулиттл, записывает произносимые ею высказывания. В этих высказываниях Хиггинса интересует их звуковая сторона. По звучанию звуков речи, входящих в высказывания, он устанавливает место рождения и проживания героини. Хиггинс повторяет фразу Элизы: *Ни расстраивайтесь, кэптен; купити лучи цвоточик у бедны девушки.* Он устанавливает, что Элиза родилась в местности Лиссонгров. Точно так же, по звучанию высказываний других персонажей, участвовавших в сцене, Хиггинс определяет место их рождения или проживания. Отвечая на вопрос одного из персонажей, Хиггинс объяснил, «как он это делает»: *Фонетика — и только. Наука о произношении. Это моя профессия и в то же время мой конек. Счастлив тот, кому его конек может доставить средства к жизни. Нетрудно сразу отличить по выговору ирландца или йоркширца, но я могу с точностью до шести миль определить место рождения любого англичанина. Если это в Лондоне, то даже с точностью до двух миль. Иногда можно указать даже улицу.*

Воспринимая речевой поток, в примере из Б. Шоу, исследователь выделяет определенные звуковые сегменты; на основе имеющихся у него знаний об английской фонетике, о территории распространения тех или иных звуков речи он идентифицирует полученные факты и дает им первичную квалификацию — по признаку территории распространения.

Наблюдение позволяет найти фактический материал исследования. В этом его главная ценность как метода исследования.

В процессе нахождения, или сбора, материала он фиксируется на специальных карточках, магнитных носителях, киноплёнке, вводится в память компьютера и др. Выбор способа фиксации определяется фактурой материала (устной, письменной и др.), целью, задачами исследования.

При кажущейся простоте метода наблюдения его применение вызывает **ряд трудностей**.

Сложным является вопрос об **источниках материала**. Главная проблема здесь — в отборе источников, в установлении степени их надёжности. Так, при изучении художественного текста едва ли не первостепенное значение имеет выбор наиболее авторитетного источника. К ним относятся, например, академическое или полное собрания сочинений писателя. При отсутствии такого рода изданий используется издание избранных произведений. Следует различать первое и последнее прижизненное издание произведения, его журнальный вариант. Дело в том, что тексты изданий могут не совпадать: при подготовке своего произведения к переизданию автор нередко вносит в него изменения; журнальный вариант, как правило, отличается некоторой краткостью.

Другой сложный вопрос: **что искать?** Для лингвиста такой вопрос как будто не возникает. Например, при изучении союза «и» в русском языке лингвист выбирает из устного или письменного текста высказывания с «и». В их число попадают, например, следующие: *пишу и читаю; и пишу и читаю; пишу, да и читаю; пишу, да еще и читаю; читаю и пишу лежа и карандашом*. Тот факт, что фрагменты всех высказываний содержат графическое «и», — очевиден. Однако возникает вопрос: во всех ли случаях ли мы имеем дело с союзом «и»? (Вспомните определение союза и сделайте попытку решить эту задачу самостоятельно.) Здесь же дадим предварительный ответ: нет, не во всех. Если это так, то можно утверждать, что приведенные «и» относятся к разным фактам.

Еще сложнее с понятием факта в литературоведении. Дело в том, что текст не представляет для литературоведения факта: текст рассматривается обособленно от автора и тем более читателя. В литературный факт текст «превращается» только тогда, когда исследователь рассматривает его как факт «художествен-

ного впечатления» (М.М. Бахтин). Для того чтобы рассмотреть текст именно так, он «помещается» в пространство *автор — текст — читатель*. Литературоведение имеет дело с текстом, помещенным в пространство *автор — текст — читатель* (или хотя бы в одну часть этой схемы: автор — текст; текст — читатель). То же относится и к фрагменту текста. В самом деле, при изучении любого литературного явления вне отношения текста к автору и / или читателю исследователь останется «сугубым» лингвистом: филологом, исследующим язык как систему или язык в действии (см. главу 3). В тексте не дана ни композиция, ни образ персонажа, ни художественная деталь: все они «являются» только при выполнении условия, которое сформулировал М.М. Бахтин.

Найденный в ходе наблюдения материал далее изучается посредством других методов.

Эксперимент (лат. *experimentum* — проба, опыт) выражается в преднамеренном и целенаправленном воздействии познающего субъекта на предметы и явления. Классическим примером эксперимента является «школьное» задание заменить выделенное слово другим, близким по смыслу.

Преднамеренность и целенаправленность воздействия исследователя-филолога на изучаемый объект проявляется в операциях либо реальных, либо мысленных. В первом случае появляется новая реальность: языковая, текстовая; художественная, политическая и др., во втором — видоизменяется лишь модель. Соответственно различаются **эксперимент реальный и мысленный**.

В первом случае воздействию подвергается сам объект. Так, изучая различия между наречием и кратким прилагательным в современном русском языке, исследователь может помещать словоформу в тот или иной контекст, характерный для употребления наречия и краткого прилагательного. Ср.: *мелко писать* — сочетание с глаголом; следовательно, *мелко* в данном употреблении — словоформа наречия; *озеро мелко* — сочетание с существительным; следовательно, второе *мелко* — словоформа прилагательного. Основа же подобного вывода кроется в знании принципа сочетаемости наречия и краткого прилагательного.

В приведенном случае воздействие заключается в том, что одно и то же слово перемещается в разные словосочетания.

Во втором случае видоизменяется модель объекта. Мысленный эксперимент часто проводится в литературоведении, когда, истолковывая те или иные психологические коллизии, сложные отношения между героями произведения, исследователь ставит их в возможные ситуации, «проигрывает» несколько им созданных вариантов, с тем чтобы доказать правомерность авторского решения (либо опровергнуть его!). Примером мысленного эксперимента служит поиск исследователем ответа на вопрос: *А что изменилось бы в романе «Евгений Онегин» А. Пушкина, если бы Ленский не был убит на дуэли?* В подобных случаях реальный эксперимент, по понятным причинам, невозможен.

Эксперимент имеет дело с фактами, найденными в ходе наблюдения, рассматривает изучаемый объект в динамике: при изменении самого объекта, его модели (наш второй пример) или условий его существования (первый пример). **Исследователь получает знания о жизни объекта**, в чем состоит познавательная ценность метода эксперимента в филологии.

Иногда к эксперименту относят и анкетирование как способ получения информации от носителей языка, читателей, специалистов путем воздействия на них через вопросник анкеты.

Анкетирование распространено, например, при изучении читательского спроса, уровня эстетического развития учащихся, в психолингвистике, социолингвистике, при установлении степени владения языком в условиях дву- или многоязычия и др. К анкетированию часто прибегают составители рекламных текстов, чтобы понять, какой из текстов обладает большей степенью воздействия на потенциального потребителя услуг и товаров.

Приведем пример. Для установления степени действенности текста, рекламирующего некий предмет (шкатулку для хранения украшений), проведено анкетирование, задачами которого было получить от аудитории потенциальных покупателей информацию о видении ими рекламируемого товара, о словесной и несловесной (рисунок шкатулки) составляющих рекламного текста, о рекламном тексте как целом. В описываемом здесь примере информация первого рода была получена на основе анкеты. Она содержала ряд вопросов, в том числе:

1. Каково Ваше первое впечатление от шкатулки?
 2. Какие ассоциации она вызывает у Вас?
 3. Что Вам понравилось в ней?
 4. Что не понравилось?
 5. Завершите предложение:
 - Когда я беру в руки эту вещь...
 - Самое важное в ювелирных изделиях...
 - Человек, который имеет эту шкатулку...
 6. Составьте короткий рассказ (из 3–5 предложений) об этом изделии.
 7. Придумайте как можно больше названий для этой шкатулки.
 8. С чем можете сравнить этот предмет?
-
14. О себе: пол: м / ж, возраст: до 20–20–25–30.

Спасибо!

(Приведенная совокупность вопросов составлена студентом-филологом. Эти вопросы дали возможность узнать, что видит потенциальный покупатель в этом предмете и, самое главное, каким должен быть рекламной текст⁴.)

Перейдем к рассмотрению методов теоретического исследования.

Классификация (лат. *classic* – разряд и *facere* – делать) – метод исследования, выражающийся в преднамеренном и целенаправленном обобщении и систематизации изучаемых предметов и явлений на основе единого принципа (основания классификации) и путем установления связей между возникшими типами. Примеры классификаций: родо-видовая классификация произведений художественной литературы; классификация речевых жанров; деление звуков речи на гласные и согласные и др. В основе классификации лежит логическая операция деления множества на подмножества (классы).

В филологических исследованиях важны два вида классификации: **описательный, объяснительный.**

1) Систематизация материала по уже известным в науке основаниям. Например: среди способов передачи чужой речи выделяется несобственно-прямая речь. Ее задача состоит в том,

чтобы фрагментом текста, формально принадлежащим повествователю, передать суждения, размышления персонажа, наблюдаемую им картину. Иначе говоря, текст устроен так, что при формальной принадлежности его повествователю содержательно он принадлежит и персонажу.

См. текст из романа Л. Толстого «Анна Каренина»: *Она хотела упасть под поравнявшийся с ней серединою первый вагон. Но красный мешочек, который она стала снимать с руки, задержал ее, и было уже поздно: середина миновала ее. **Надо было ждать следующего вагона.***

Не выделенная полужирным шрифтом часть текста — это слова повествователя: он видит происходящее. Последнее же, выделенное, предложение, не отличаясь в формальном отношении от слов повествователя, передает ощущение необходимости сделать то-то и то-то, возникающее у персонажа (здесь: у Анны Карениной): **надо** — таково решение именно персонажа (не повествователя). Несобственно-прямая речь может использоваться для передачи высказывания персонажа или его внутренней речи.

Если, обращаясь к новому, еще не изученному тексту, исследователь подводит обнаруженные им факты несобственно-прямой речи под уже выделенные и зафиксированные в науке классы, то в этом случае он применяет классификацию первого вида. Эта классификация является **описательной**.

2) Систематизация материала на основе принципов, процедур, оснований, которые науке еще не известны и разрабатываются в данном исследовании одновременно с изучением материала. Так, изучение песенного творчества В. Высоцкого поставило перед исследователями задачу «прописать» его песни в системе литературных жанров. Песни Высоцкого не «помещались» в традиционную систему жанров, в которой жанр рассматривается как типическая форма целого произведения, тип словесно-художественных структур, тип литературного произведения и др. Т.В. Сафарова⁵, изучавшая песенное творчество В. Высоцкого, нашла иное основание для выделения класса авторской песни: доминирующая авторская установка как первоэлемент жанра и принцип его образования. Материал песенного творчества В. Высоцкого позволил выделить, например, авторские

установки, ориентированные на поучение, обличение, восхваление; утверждение или отрицание всякого рода ценностей; на определенный тип общения автора с потенциальным читателем, и др. Таким образом, найдено то основание, которое и объединяет авторские песни Высоцкого в один класс, и в то же время служит объяснению их разнообразия (основания деления материала на втором, более низком уровне). Классификация данного типа является **объяснительной**.

В филологии востребованы классификации обоих типов. Одна из них позволяет доказать факт стабильности изучаемого объекта; вторая демонстрирует момент его динамики (развития, функционирования).

При применении метода классификации особо значим тот материал, который не подходит под уже выделенные классы.

Так, традиционно считается, что во французском языке основой предложения является соединение подлежащего со сказуемым: Pierre lit un livre с возможными распространителями (Пьер читает книгу). Вместе с тем во многих случаях структурная основа предложения содержит три члена: Pierre a un livre (У Пьера есть книга). С учетом описанной ситуации факты второго рода можно либо признать исключением, либо перестроить классификацию, посчитав, что структурная основа предложения может быть двух-, трехчленной (а возможно, содержать и больше членов). Специалисты по французскому синтаксису⁶, учитывая, что в современном французском языке есть большая группа глаголов, не употребляющихся без дополнения, признают, что предложения с точки зрения их структурной основы образуют два класса: предложения с двучленной основой и с основой, более чем двучленной. Так языковой материал и стремление исследователей осмыслить его как можно более полно, точно и непротиворечиво заставляют провести корректировку уже известной классификации.

Рассмотренный пример побуждает ввести одно правило классификации: **не оставлять без внимания ни одного обнаруженного факта**. В противном случае осуществленная систематизация материала не будет отражать реального положения дел. Это значит, что построенное объяснение будет грешить неточностью, некорректностью.

Моделирование (лат. *modulus* — мера, образец) — метод, в основе которого лежит исследование объектов познания по их аналогам. Эти аналоги, сходство которых с изучаемым объектом существенно, а различие — несущественно, и являются **моделями**.

Например, при изучении проблемы создания и понимания текста и в лингвистике, и в литературоведении используется целый ряд моделей коммуникации. Эти модели с различной степенью детализации демонстрируют задачи, решаемые в процессах создания и восприятия текста говорящим (автором), слушающим (читателем) и самим текстом (произведением). В одну из наиболее полных моделей коммуникативного акта включаются следующие компоненты: коммуниканты, процессы вербализации и понимания, язык, текст, обстоятельства коммуникативного акта, практические и коммуникативные цели.

В зависимости от вида деятельности (повседневной, деловой, политической, рекламной, эстетической и др., что обобщается понятием обстоятельства коммуникативного акта) эта модель имеет различное наполнение. Так, в актах литературно-художественной деятельности коммуниканты выступают в функциях автора и читателя, язык — как естественный язык, преобразующийся в язык художественной литературы.

Исследование создания и понимания художественного текста потребует выдвижения, например, одного из компонентов модели, при этом все прочие «превратятся» в фон. Если мы изучаем деятельность говорящего по созданию текста, то все прочие компоненты модели учитываем как такие, которые *помогают* рассмотреть изучаемый: текст — продукт деятельности, слушающий — получатель текста и истолкователь смысла, у истоков которого стоит говорящий (автор), язык — инструмент, которым пользуется создатель текста, и т.д.

В филологии чаще всего применяются **знаковые модели** (схемы, формулы, чертежи, рисунки, языковые выражения и др.). Выбор модели осуществляется в соответствии с задачей исследования: модель заменяет изучаемый объект.

Моделирование позволяет изучить объект в динамике, в его развитии и функционировании; объектом моделирования нередко является коммуникативное, речевое, литературное

поведение человека. В этом состоит значимость моделирования как метода исследования в филологии.

6.3. Филологическое научное исследование: логика процесса исследования

Важнейшими аспектами рассмотрения научного исследования является внутренняя логика процесса исследования (движение мысли исследователя в направлении *проблема — гипотеза — результат исследования*), последовательность организационных этапов исследования (*нахождение методов исследования и их применение*), оформление результатов исследования, представление их в научной коммуникации и внедрение в практику.

Начнем с рассмотрения **логики процесса научного исследования.**

Понятие **проблема** (др.-греч. *problēma* — задача, задание) имеет три значения: препятствие в деятельности; знание о незнании; столкновение двух непротиворечивых знаний об одном и том же предмете.

В научно-исследовательской деятельности проблема представляет собой вопрос, на который не только нет ответа, но и в наличном знании нет готовых средств для его поиска. Так, в современной филологии существуют проблемы классификации слов по частям речи, типологии простых предложений, положительного героя в литературе.

В основе проблемы лежит противоречие между знанием и незнанием. Поиск и формирование такого противоречия составляет начальное звено в движении мысли исследователя и выступает признаком рождения познавательной ситуации. Различается два основных вида противоречий:

1) противоречие между мыслью и действительностью. Рассмотрим пример из исследования тувинской фольклористики. Д.С. Куулар⁷ отмечает, что традиционное представление о несамостоятельности и несамодостаточности тувинского фольклора не соответствует многообразным фольклорным материалам, об-

наруженным в конце XIX — середине XX в. Данные экспедиций и исследований М.П. Грязнова и М.Х. Маннай-оола показывают, что истоки тувинского фольклора относятся к VII в. до н.э. Более того, тувинский фольклор по своим жанровым признакам близок к тюрко-монгольской устной народной поэзии с четко различимыми элементами индо-тибетского фольклора;

2) противоречие между мыслями. Пример: топонимия Западной Сибири традиционно изучалась в связи с решением вопроса о происхождении и выявлении мест первоначального обитания народов Сибири (научная школа профессора А.П. Дульзона); в 1960—1980-е годы на изучение топонимии Западной Сибири были распространены принципы и методы системного исследования (научная школа профессора И.А. Воробьевой). Здесь очевидно противоречие между двумя научными традициями: середины XX в. и более новой, 1960—1980-х годов. Это и есть один из случаев противоречия между мыслями, т.е. не что иное, как противоречие между научными позициями, концепциями, теориями, рассматривающими один и тот же объект.

Работа, связанная с постановкой проблемы, включает в себя ряд действий: 1) формулирование проблемы (отделение знания о предмете от незнания); 2) построение проблемы («расщепление» проблемы на подвопросы, ограничение поля изучения); 3) оценка и обоснование проблемы; 4) словесное выражение проблемы, выбор и создание терминологии. Такова типовая схема работы исследователя с проблемой.

Продолжим рассмотрение примера из работы Д.С. Куулара. Названную выше проблему он формулирует в виде серии вопросов, которые одновременно «расщепляют» ее: существует ли такое явление, как тувинский фольклор? Если да, то представляет ли он собой самостоятельный феномен? какой вклад внесли тувинцы в общую сокровищницу народного творчества великой Азии? Как тувинцы заимствовали, использовали и распространяли творческие достижения исторических соседей, ушедших в другие местности Азии?

В процессе разрешения проблемы исследователь не сразу приходит к новому знанию, а дает предположительное объясне-

ние явлениям. Так **исследование проходит через стадию гипотетического** (др.-греч. *hypothesis* — основание, предположение) **знания**. Примером гипотезы в филологии служит содержание X главы романа А.С. Пушкина «Евгений Онегин».

Гипотетическая стадия исследования состоит в поиске, разработке и оценке гипотезы. Общие направления создания гипотезы обуславливаются проблемой. В примере из работы Д.С. Куула-ра возможные ответы на поставленные исследователем вопросы служат материалом для формулирования гипотезы. Устно-поэтическое творчество тувинского народа не примитивное и подражательное явление, а самостоятельная и самодостаточная часть центральноазиатского фольклора.

Однако содержательные источники гипотез лежат за пределами проблемы — в характеристиках объекта исследования, в идеях, принципах и методах науки, в исследовательском опыте. Кроме того, каждая наука обладает своеобразным «банком гипотез». Важны также опыт исследования по смежной проблематике, творческая интуиция, ассоциации, аналогии и др.

Разработка гипотезы проходит три основных этапа.

На первом этапе гипотеза возникает как необоснованное предположение, догадка. Она и оформляется соответственно в виде предположительного высказывания: *А что, если...?*

Второй этап предполагает обоснование гипотезы фактическим материалом. Исследователь методом наблюдения извлекает из источника фактического материала как можно больше фактов. Он проверяет, могут ли эти факты быть объяснены данной гипотезой. Если это удастся, то догадка имеет шанс превратиться в обоснованное знание; если не удастся (а это случается, когда слишком много фактов противоречит предположению), то возникает задача корректировать догадку или, при невозможности сделать это, отказаться от нее и искать новое предположение.

Третий этап — теоретическое обоснование гипотезы, т.е. включение гипотетического знания в уже существующую систему знания — теоретическую картину объекта исследования. Филология как совокупность знаний может отторгнуть новое знание, которое не вписывается в господствующее в данный мо-

мент развития науки представление. Поэтому от исследователя зависит, как он сможет установить связи нового знания со старым, инновационного с традиционным.

Теоретически обоснованная гипотеза формулируется в виде **системы суждений**. В результате работы по обоснованию гипотезы может сложиться несколько ситуаций: 1) гипотеза обоснована и становится структурным компонентом теории; 2) гипотеза в целом обоснована, но какие-то ее стороны требуют дополнительной проработки (имеется «остаток» фактического материала, который не объясняется гипотезой; в терминологии отсутствуют обозначения обнаруженных явлений и др.); 3) гипотезу обосновать не удалось (в этом случае неизбежно обращение к конкурирующим гипотезам или создание новых).

Теоретическое (др.-греч. *theōria* — наблюдение, исследование), **знание**, с точки зрения системы *проблема — гипотеза — теория*, представляет собой обоснованную (доказанную) гипотезу. Различие между теорией и гипотезой — в степени обоснованности, развитости и объяснительных возможностей знания. Поэтому существует особая задача построения теории как знания объясняющего и истолковывающего.

Процесс построения теории проходит две основные стадии⁸: 1) формирование оснований теории; 2) построение «тела» теории.

Основания теории начинают формироваться уже на начальном этапе исследования в процессе разработки проблемы и построения гипотезы. Основания теории — это, во-первых, такие научные положения, на которых выстраивается и существует собственный результат исследования; во-вторых, факты, явления, отношения между ними, требующие теоретического объяснения. Эти положения привносятся из наличного запаса знаний об исследуемом объекте.

При изучении вопроса о тувинском фольклоре в качестве важнейших оснований теории выступают следующие положения.

- Творчество тувинского народа есть творчество этнически обусловленное, запечатлевшее время жизнедеятельности тувинских племен в период тюрко-монгольского, манчжуро-китайского господства, участия в делах племен, населявших Великую Степь.

- Тувинский фольклор связывал и связывает до сих пор около 40 тувинских родо-племенных групп с многочисленными племенами, народностями Азиатского материка, о чем свидетельствуют фольклорные материалы о бытовании «Джангра» и «Гэсэра».

- Общность тувинского фольклора с народным словесным искусством народов Азии опирается на кочевой скотоводческо-охотнический образ жизни, на шаманско-буддийские философские взгляды их творцов, а также на общности языков якутских, хакасских, алтайских, казахских, киргизских и др.

Понятие «**тело**» **теории** выражает результат мыслительной работы, который интуитивно ощущается исследователем как завершение процесса исследования. Построение «тела» теории существенно различается в зависимости от формы теоретического знания: собственно теория как наиболее развитая и сложная форма знания; объяснение; новая модель; новое осмысление известного факта, явления; классификация материала и др.

Однако в любом случае теоретическое знание соответствует некоторой совокупности критериев. Укажем два важнейших: оно выражает *сущность предмета* и представляет его как *целостное знание*.

Сущностная характеристика тувинского фольклора состоит в том, что он не есть ограниченное, замкнутое географическими рамками явление, а представляет целостное историко-художественное народное достояние.

6.4. Организация научного исследования: подготовительный, основной и заключительный этапы, их задачи

Научное исследование как деятельность исследователя, целью которой является получение нового теоретического результата, представляет собой ряд взаимосвязанных действий — **от выбора темы до введения полученных результатов в научную коммуникацию**. Эти действия включают три этапа: подготовительный, основной и заключительный. Рассмотрим каждый из них.

Подготовительный этап имеет своими задачами выбор темы исследования, определение плана работы; накопление научной информации и фактического материала по теме. Далее проводится пробное исследование и анализируются его результаты. Предварительный этап считается завершенным, когда исследователь убедился в правомерности избранной темы, сформулировал первоначальную гипотезу, определил и проверил на ограниченном материале методику исследования.

При выборе темы исследования руководствуются прежде всего ее актуальностью (лат. *actualis* — деятельный). **Актуальной является тема, исследование которой востребовано наукой, общественной практикой.**

Каждая наука в тот или иной период своего развития имеет «банк» нерешенных проблем, тупиковых ситуаций, разработка которых продвинула бы научное знание как систему или, что чаще, отдельные ее звенья. Однако не все наличные проблемы требуют своего решения в тот или иной момент развития науки. Требуют решения проблемы, которые соответствуют актуальным направлениям науки. Так, в современных филологических науках одним из актуальных является направление, связанное с преодолением ее дегуманизации, с изучением *homo loquens* в многообразных его проявлениях. Стало быть, те проблемы, которые вписываются в данный научный контекст, и являются актуальными.

Тема исследования может быть существенной с точки зрения потребностей развития человека и общества. К числу таких тем в нашей стране относятся темы, связанные с изучением противоречий и сложностей коммуникативно-речевой ситуации, практики обучения языкам народов России, практикой обучения русскому языку иностранцев.

Разумеется, оптимальным считается положение, когда согласуются все стороны актуальности темы, а сама тема соотносится с интересами исследователя.

Существует ряд приемов выбора темы. Это: 1) консультации с ведущими учеными, работниками производства (школ, учреждений и организаций, компаний и фирм, редакций СМИ и др.); 2) использование принципа исследования в пограничных

областях науки, в междисциплинарной сфере (лингвистики и литературоведения, поэтики и риторики, истории литературы и истории культуры и др.); 3) использование принципа переинтерпретации уже известных науке фактов в русле новых идей (новые интерпретации русской классики); 4) применение принципа более эффективного решения практических задач (изучение читательской компетенции разных категорий населения) и др.

Сбор литературы по теме исследования начинается с подготовки библиографического списка. Знакомство с литературой традиционно начинается с изучения общих работ: энциклопедических изданий, академических трудов, монографий, поиска материалов в Интернете. Затем следует перейти к чтению статей, опубликованных в периодических изданиях и научных сборниках. Изучение научной литературы сопровождается выписками основных положений, их изложением или цитированием. Выписки и цитаты оформляются в соответствии с требованиями действующего ГОСТ. (О работе с источниками см. в приводимых ниже материалах для чтения фрагменты книги У. Эко.)

Сбор фактического материала производится методом наблюдения. Для получения точных и объективных выводов в работе собирается фактический материал в объеме, необходимом для доказательства гипотезы.

На основном этапе осуществляется применение метода исследования к материалу. Решение проблемы идет через дальнейшую разработку гипотезы и превращение ее в теоретическое знание. Основной этап включает две стадии: 1) работа с фактическим материалом; 2) объяснение с целью раскрыть существенные характеристики изучаемого явления (преобладают классификация, моделирование и другие методы).

Основной этап завершен, когда получен теоретический результат.

Заключительный этап вырастает непосредственно из основного — из того его звена, которым является формулирование нового знания. На этом этапе исследователь вновь обращается к объекту исследования: делается попытка вписать полученный результат в теоретическую картину объекта. Если попыт-

ка удалась, то исследование завершено; если нет, то это служит исследователю сигналом необходимости вернуться к каким-то ранним этапам исследования.

Далее на заключительном этапе раскрывается смысл полученного результата, его значение для науки и практики. Наконец важнейшая задача этапа — представление полученных результатов в научной коммуникации в виде научного доклада (сообщения), публикации. (См. в приводимых ниже материалах для чтения фрагменты книги В.И. Карасика.)

И, наконец, следует отдельно сказать **об учебном научном исследовании.**

Компетентностная модель современного филолога предполагает его готовность к исследовательской деятельности. Это требование к филологу выдвигается независимо от избранного модуля подготовки. Выбор модуля подготовки может определять тот вид научного исследования, который осваивается в процессе обучения в вузе — теоретическое или прикладное. Если теоретическое исследование направлено на поиск нового теоретического результата по теме, имеющей известную традицию осмысления в современных гуманитарных науках, то прикладное исследование направлено на осмысление фактов и процессов, имеющих место в практике использования языка, в литературном процессе, в функционировании текстов в коммуникации, деятельности говорящего и слушающего и др.

В соответствии с этими требованиями обучение в классическом университете включает работу над учебным научным сочинением. Это курсовая работа, выпускная квалификационная работа, сообщение, доклад в специальном семинаре, на практических занятиях и др. Названные виды работ выполняются в соответствии с требованиями, утвержденными в вузе.

Их отличие от обычного научного исследования состоит прежде всего в том, что они проводятся под руководством преподавателя — профессора, преподавателя или специалиста-практика. Учебное научное сочинение готовится в одном экземпляре (при необходимости копируется).

Интересные советы студенту даны У. Эко в книге «Как написать дипломную работу» (М., 2001).

¹ Аверинцев С.С. Филология // Русский язык: энциклопедия. М., 1979. С. 374.

² Дубина И.Н. Творчество как феномен социальных коммуникаций. Новосибирск, 2000.

³ Саланина О.С. Абзацирование вторичного текста как проблема общей теории текста (эвокационное исследование): дис. ... канд. филол. наук, Горно-Алтайск, 2005.

⁴ Соседкина О.С., Чувакин А.А. Относительно методов риторического исследования (Статья первая) // Человек — коммуникация — текст: сб. статей. Барнаул, 2004.

⁵ Сафарова Т.В. Жанровое своеобразие песенного творчества Владимира Высоцкого: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Владивосток, 2002.

⁶ Гак В.Г. Теоретическая грамматика французского языка. М., 1986. С. 53.

⁷ Куулар Д.С. История и современность: сборник трудов по фольклору и литературе. Кызыл, 2002.

⁸ Майданов А.С. Процесс научного творчества: Философско-методологический анализ. М., 1983.

ВОПРОСЫ И ЗАДАНИЯ

- Что изучает методология современной филологии?
- Раскройте понятия *основания действия с объектом* и *способы действия с объектом*. Как они связаны?
- В чем состоит сущность филологического подхода к исследованию?
- Что такое метод исследования? Соотнесите понятия *подход и метод*.
- Истокуйте суждение акад. И.П. Павлова: «*Метод решает судьбу дела*» применительно к филологии. Свое истолкование проиллюстрируйте.
- В чем вы усматриваете связи филологии и философии? филологии и гуманитарных наук? Свои рассуждения проиллюстрируйте.
- Приведите определение научного исследования.
- Что такое проблемная ситуация? Рассмотрите ее состав. Постройте схему проблемной ситуации в действии. Свои рассуждения проиллюстрируйте.

- Приведите определения основных понятий научного исследования. Свои рассуждения проиллюстрируйте.
- Назовите основные общенаучные методы научного исследования. В чем значимость каждого из них в процессе достижения теоретического результата? Свои рассуждения проиллюстрируйте.
- Продемонстрируйте связи понятий *проблема* — *гипотеза* — *теория*. Свои рассуждения проиллюстрируйте.
- Какие задачи решаются на подготовительном, основном и заключительном этапах научного исследования? Свои рассуждения проиллюстрируйте.
- В чем особенности учебного научного исследования?
- Соотнесите определение современной филологии, данное в главе 1, понятие общепилологического ядра знаний (глава 2) и понятие филологического подхода (глава 6). Сделайте вывод об основных аспектах характеристики современной филологии как отрасли науки. Рассмотрите в этих же аспектах каждую из филологических наук.

МАТЕРИАЛЫ ДЛЯ ЧТЕНИЯ

В.И. Карасик. Языковой круг: личность, концепты, дискурс

НАУЧНЫЙ ДИСКУРС

Научный дискурс традиционно привлекает к себе внимание лингвистов. Участниками научного дискурса являются исследователи как представители научной общественности, при этом характерной особенностью данного дискурса является принципиальное равенство всех участников научного общения в том смысле, что никто из исследователей не обладает монополией на истину, а бесконечность познания заставляет каждого ученого критически относиться как к чужим, так и к своим изысканиям. В научном сообществе принято уважительное обращение «коллега», нейтрализующее все статусные признаки. Вместе с тем ученые отличаются своим стремлением устанавливать различные барьеры для посторонних, степени научной ква-

лификации, академические звания и членство в престижных научных сообществах. Диада «агент — клиент», удобная для описания участников других видов институционального дискурса, в научном дискурсе нуждается в модификации. Дело в том, что задача ученого — не только добыть знания, оценить их и сообщить о них общественности, но и подготовить новых ученых. Поэтому ученые выступают в нескольких ипостасях, обнаруживая при этом различные статусно-ролевые характеристики: ученый-исследователь, ученый-педагог, ученый-эксперт, ученый-популяризатор. Клиенты научного дискурса четко очерчены только на его периферии, это широкая публика, которая читает научно-популярные журналы и смотрит соответствующие телепередачи, с одной стороны, и начинающие исследователи, которые проходят обучение на кафедрах и в лабораториях, с другой стороны.

Хронотопом научного дискурса является обстановка, типичная для научного диалога. Диалог этот может быть устным и письменным, поэтому для устного дискурса подходят зал заседаний, лаборатория, кафедра, кабинет ученого, а для письменного прототипным местом является библиотека.

<...>

Ценности научного дискурса сконцентрированы в его ключевых концептах (истина, знание, исследование), сводятся к признанию познаваемости мира, к необходимости умножать знания и доказывать их объективность, к уважению к фактам, к беспристрастности в поисках истины («Платон мне друг, но истина дороже»), к высокой оценке точности в формулировках и ясности мышления. Эти ценности сформулированы в изречениях мыслителей, но не выражены в специальных кодексах; они вытекают из этикета, принятого в научной среде, и могут быть сформулированы в виде определенных оценочных суждений: *Изучать мир необходимо, интересно и полезно; Следует стремиться к раскрытию тайн природы; Следует систематизировать знания; Следует фиксировать результаты исследований (отрицательный результат тоже важен); Следует подвергать все сомнению; Интересы науки следует ставить выше личных интересов; Следует принимать во внимание все факты; Следует учитывать достижения предшественников («Мы стоим на плечах гигантов»)* и т.д.

Оценочный потенциал ключевого для научного дискурса концепта «истина» сводится к следующим моментам: истина требует раскры-

тия, она неочевидна, путь к истине труден, на пути к истине возможны ошибки и заблуждения, сознательное искажение истины подлежит осуждению, раскрытие истины требует упорства и большого труда, но может прийти и как озарение, истина независима от человека. Истина сравнивается со светом, метафорой абсолютного блага. Истина едина, а путей к ней множество. Истине противопоставляется ложь и видимость истины. В русском языке осмысление истины зафиксировано в диаде «правда — истина» (см.: Логический анализ языка. Истина и истинность в культуре и языке. М., 1995). Системным контекстом для концепта «истина» выступает совокупность оппозитивных концептов «правда», «заблуждение», «ложь», «фантазия», «вранье» [Гак, 1995: 24]. Для научного дискурса актуальным является доказательство отклонения от истины, т. е. доказательство заблуждения. Способы такого доказательства детально разработаны в логике.

Стратегии научного дискурса определяются его частными целями: 1) определить проблемную ситуацию и выделить предмет изучения, 2) проанализировать историю вопроса, 3) сформулировать гипотезу и цель исследования, 4) обосновать выбор методов и материала исследования, 5) построить теоретическую модель предмета изучения, 6) изложить результаты наблюдений и эксперимента, 7) прокомментировать и обсудить результаты исследования, 8) дать экспертную оценку проведенному исследованию, 9) определить область практического приложения полученных результатов, 10) изложить полученные результаты в форме, приемлемой для специалистов и неспециалистов (студентов и широкой публики). Эти стратегии можно сгруппировать в следующие классы: выполнение, экспертиза и внедрение исследования в практику.

Стратегии научного дискурса реализуются в его жанрах (научная статья, монография, диссертация, научный доклад, выступление на конференции, стендовый доклад, научно-технический отчет, рецензия, реферат, аннотация, тезисы). Письменные жанры научного дискурса достаточно четко противопоставляются по признаку первичности / вторичности (статья — тезисы), ведутся дискуссии по поводу того, что считать прототипным жанром научного дискурса — статью или монографию, дискуссионным является и вопрос о том, относится ли вузовский учебник к научному дискурсу; устные жанры данного дискурса более размыты. Выступление на конференции меняется по сво-

ей тональности в зависимости от обстоятельств (пленарный доклад, секционное выступление, комментарий, выступление на заседании круглого стола и т.д.). Л.В. Красильникова [1999] рассматривает жанр научной рецензии и выделяет важнейшие функции этого жанра — репрезентацию научного произведения и его критическую оценку. Соотношение этих функций в тексте конкретной рецензии в значительной мере обусловлено фактором адресата: для читателя, незнакомого с рецензируемым текстом, важно получить представление об этом тексте, и поэтому такая рецензия должна включать элементы реферативного обзора, в то время как для специалистов в определенной области науки (и для автора, произведение которого рецензируется) нужна оценка выполненной работы. Существенное изменение в жанровую систему научного дискурса вносит компьютерное общение, размывающее границы формального и неформального дискурса в эхо-конференциях. Следует отметить, что стратегии дискурса являются ориентирами для формирования текстовых типов, но жанры речи кристаллизуются не только в рамках дедуктивно выделяемых коммуникативных институциональных стратегий, но и в соответствии со сложившейся традицией. Чисто традиционным является, например, жанр диссертаций, поскольку для определения уровня научной квалификации автора вполне достаточно было бы обсудить совокупность его публикаций. Но в качестве ритуала, фиксирующего инициацию нового члена научного сообщества, защита диссертации в ее нынешнем виде молчаливо признается необходимой. Ритуал, как известно, является важным способом стабилизации отношений в социальном институте.

Тематика научного дискурса охватывает очень широкий круг проблем, принципиально важным в этом вопросе является выделение естественнонаучных и гуманитарных областей знания. Гуманитарные науки менее формализованы и обнаруживают сильную зависимость объекта познания от познающего субъекта (показательно стремление философов противопоставлять научное и философское знание).

Научный дискурс характеризуется выраженной высокой степенью интертекстуальности, и поэтому опора на прецедентные тексты и их концепты [Слышкин, 2000] для рассматриваемого дискурса является одним из системообразующих признаков. Интертекстуальные связи применительно к тексту научной статьи представлены в виде цитат и ссылок и выполняют референционную, оценочную, этикетную и деко-

ративную функции [Михайлова, 1999: 3]. Прецедентными текстами для научного дискурса являются работы классиков науки, известные многим цитаты, названия монографий и статей, прецедентными становятся и иллюстрации, например, лингвистам хорошо известны фразы «*Colourless green ideas sleep furiously*» и «*Flying planes can be dangerous*», используемые в работах по генеративной грамматике.

Под дискурсивными формулами понимаются своеобразные обороты речи, свойственные общению в соответствующем социальном институте. Эти формулы объединяют всех представителей научной общественности, вместе с тем существуют четкие ориентиры, позволяющие, например, во многих случаях отличить литературоведческое исследование от лингвистического. Сравним: «*Итак, на конкретном историко-культурном фоне Йейтс свободно находит символы для своего поэтического воображения. Словно архитектор, он построил новую Византию с помощью собственных образов, переданных в условных рамках символизма*» и «*В художественном тексте разноуровневые знаки (от звука до текста) получают смысловые приращения, не представленные необходимо в их «дотекстовой» семантике*». Стремление к максимальной точности в научном тексте иногда приводит авторов к чрезмерной семантической (терминологической) и синтаксической усложненности текста. Вместе с тем следует отметить, что научное общение предполагает спокойную неторопливую беседу и вдумчивое чтение, и поэтому усложненный текст в научном дискурсе оптимально выполняет основные дискурсивные функции: на максимально точном уровне раскрывает содержание проблемы, делает это содержание недоступным для недостаточно подготовленных читателей (защита текста) и организует адекватный для обсуждения данной проблемы темп речи. Дискурсивные формулы конкретизируются в клише, например, в жанре рецензий: «*Высказанные замечания, разумеется, не ставят под сомнение высокую оценку выполненной работы*».

ЛИТЕРАТУРА

Гак В.Г. Языковые преобразования. М.: Школа «Языки русской культуры», 1998. 768 с.

Красильникова Л.В. Жанр научной рецензии: семантика и прагматика. М.: Диалог–МГУ, 1999. 139 с.

Михайлова Е.В. Интертекстуальность в научном дискурсе (на материале статей): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 1999. 22 с.

Слышкин Г.Г. От текста к символу: лингвокультурные концепты прецедентных текстов в сознании и дискурсе. М.: Academia, 2000. 128 с.

Цит. по: *Карасик В.И.* *Языковой круг: личность, концепты, дискурс.* — М., 2004. С. 276—280.

У. Эко. Как написать дипломную работу. Гуманитарные науки

О НАУЧНОМ СМИРЕНИИ

Не пугайтесь названия этого раздела. Я не имею в виду ваш моральный облик. Я имею в виду ваш подход к источникам и к их конспектированию.

Вы видели на примере конспект-карточек, что я, будучи еще незрелым филологом, посмеялся над каким-то исследователем и в два счета с ним разделался. До сих пор я убежден, что поступил тогда правильно и в любом случае мы квиты, потому что и он в два счета разделался со значительной темой. Но подобный случай, во-первых, достаточно нетипичен, а во-вторых, я все же и этого ученого законспектировал и вроде бы прислушался к его суждению. И не только из тех соображений, что надо учитывать все сказанное по нашей узкой тематике, но и потому, *что не всегда наилучшие идеи приходят от наикрупнейших знатоков вопроса.*

Вот, к примеру, случай из моей практики: аббат Валле.

Чтобы рассказывать по порядку, следует познакомить вас с некоторыми аспектами той моей давнишней работы. В течение года мой диплом буксовал из-за одной неувязки. Дело в том, что сегодняшняя эстетика считает перцепцию прекрасного интуитивной. Но для святого Фомы категория интуитивного не существовала. В нашем веке многие исследователи пытались доказать, что Фома в каких-то высказываниях подразумевал интуитивность, но они насиловали материал. При этом перцепция предметов вообще являлась для Фомы моментом столь стремительным и мгновенным, что непонятно, как могло осуществляться наслаждение эстетическими качествами, которые чрез-

вычайно сложны: игра пропорций, взаимосвязь между сущностью вещей и тем образом, которым эта сущность организует материю, и так далее.

Выход из противоречия таился (я нашел его для себя за месяц до защиты диплома) в открытии, что эстетическое созерцание опиралось на гораздо более сложное действие — суждение. Но у Фомы не говорится об этом открытым текстом. И тем не менее он говорит об эстетическом созерцании таким образом, что невозможно не прийти именно к этому выводу. Цель интерпретации часто сводится к процессу выуживания из автора ответа на вопрос, который ему пока не задавали, но если бы задали, автор не мог бы отвечать никаким другим образом. Иными словами: сопоставляя различные утверждения, надо демонстрировать, как из логики исследуемой мысли сам собою вытекает единственно мыслимый ответ.

Авторы, бывает, не высказываются напрямую лишь по причине, что смысл кажется им слишком очевидным. Или, в случае святого Фомы, иное: для него было неестественно размышлять на эстетические темы, он затрагивал эти вопросы лишь мимоходом, подразумевая их однозначность.

Из-за этого я находился в тупике. И никто из читаемых мною критиков и философов не помогал из него выйти. В то же время единственным по-настоящему оригинальным аспектом моего исследования была именно эта проблема — вкуче, разумеется, с разгадкой, которую предстояло отыскать. В тщетных поисках озарения я натолкнулся на каком-то развале в Париже на брошюрку, которая меня очаровала, в первый момент, своим прекрасным переплетом. Раскрыв книжку, я увидел, что ее автор — некий аббат Валле, называется она «Идея прекрасного в философии Фомы Аквинского», Лувен, 1887. Ее не было ни в одной библиографии. Автор — малоизвестный исследователь девятнадцатого века. Разумеется, я купил эту брошюру (стоила она недорого). Читаю, вижу, что на аббата Валле жалею и этой суммы, что он повторяет общие места, ничего от себя не добавляет. Тем не менее я решил дочитать до конца. (Из научного смирения, но я тогда не знал, что это так называется; я научился научному смирению именно на этом эпизоде.) Аббат Валле изменил мою жизнь, подумать только, ну и казус.

Короче говоря, я читал из чистого упрямства. И в один прекрасный момент, в какой-то скобке, более чем походя, этот аббат, абсолютно не

понимая масштаба своего открытия, что-то произносит насчет теории суждения в применении к понятию красоты. Эврика! Вот что я искал так долго. И где нашел? У этого ничтожного аббата! Он умер сто лет назад, за сто лет никто о нем не вспомнил, и тем не менее он с того света озарил ум одного из потомков, который захотел в него внимательно вчитаться.

Вот вам пример научного смирения. Полезное можно перенять откуда угодно. Часто мы не настолько талантливы, чтоб уметь перенимать полезное от тех, кто бездарнее нас. Или кто только кажется бездарнее, а на самом деле его одаренность надо уметь рассмотреть. Кому-то кажется бездарным, а нам наоборот... Надо уметь уважительно вслушиваться. Поменьше оценочных суждений. Тем более когда чей-то стиль мышления отличается от нашего, или отличается идеология.

У заклятого противника можно взять блестящие идеи. Все зависит от настроения, от погоды, от степени усталости. Может, попадись мне аббат Валле на год раньше, я бы его открытия не разглядел. Но на этом случае я научился не пренебрегать никакой, даже самой ничтожной, возможностью.

Зовя это научным смирением, мы, возможно, прослывим лицемерными: уничтожение паче гордости. Давайте без моральных ярлыков! Уничтожение так уничтожение, гордость так гордость, почаще применяйте это на практике.

Цит. по: *Эко У. Как написать дипломную работу. Гуманитарные науки. СПб., 2004. С. 204—207.*

М. Эттейн. Знак пробела: О будущем гуманитарных наук

О НАУКЕ. МАССА ЗНАНИЯ, ЭНЕРГИЯ МЫСЛИ

* * *

Знание — это овеществленное, «прошлое» мышление, как фабрики, станки и другие средства производства, в терминах экономики, есть прошлый труд. Всегда есть опасность, что в научно-образовательных, академических учреждениях, профессионально занятых выработкой и распространением знаний, запас прошлой

мысли начнет преобладать над энергией живого, «незнающего» мышления. Основная задача научной и академической работы обычно определяется как исследование (research): «тщательное, систематическое, терпеливое изучение и изыскание в какой-либо области знания, предпринятое с целью открытия или установления фактов или принципов»¹.

Исследование — важная часть научного труда, но далеко не единственная. Любая частица знания есть результат мышления и предпосылка дальнейших мыслительных актов, которые от познания сущего ведут к созданию чего-то небывалого. Как уже говорилось, мышление приобретает форму знания, когда адаптирует себя к определенному предмету. Но следующим своим актом мышление распределчивает это знание, освобождает его элементы от связанности, приводит в состояние свободной игры, потенциальной сочетаемости всего со всем и тем самым конструирует ряд возможных, виртуальных предметов. Некоторые из них, благодаря искусству, технике, социально-политической практике, становятся предметами окружающей среды, которую мышление таким образом адаптирует к себе.

Обращаясь к конкретному содержанию научной работы, следует определять ее достоинство как мерой охваченного знания, так и мерой его претворения в мысль, точнее **соотношением этих двух мер**. Должна ли научная работа содержать ссылки на все наличные источники? В принципе, больше ссылок лучше, чем меньше. Но лучше и концептуальный охват большего материала, чем меньшего. А когда охватываешь большой материал, тогда и ссылок на конкретные его разделы приходится меньше. Жизнь ученого коротка, а возможности науки беспредельны, вот и приходится соразмерять проработку деталей с шириной замысла. То, что Фолкнер сказал о писателе Томасе Вулфе: он самый великий из нас, потому что потерпел самое грандиозное из поражений, — можно отнести и к ученому². Разве не поражение — попытка Эйнштейна силой мысли создать общую теорию поля, для кото-

¹ Webster's New World College Dictionary, 3rd ed. Cleveland (OH): Macmillan, 1997. P. 1141.

² «Тома Вулфа я поставил на первое место, потому что он пытался сделать наибольшее. Он попытался включить в свои книги всю вселенную и потерпел неудачу. Его поражение было самым славным». (Фолкнер У. Интервью Синтии Гренье // Статьи, речи, интервью, письма. М.: Радуга, 1985. С.224).

рой у него — да и у самой науки — не было и нет достаточно знаний? Такое большое поражение стоит многих маленьких побед.

Науку делают не всезнайки, а люди, которые остро переживают **нехватку знаний**, ограниченность своего понимания вещей. Чистой воды эрудиты, которые знают свой предмет вдоль и поперек, не так уж часто вносят творческий вклад в науку, в основном ограничиваясь публикаторской, комментаторской, архивной, библиографической деятельностью (безусловно, полезной и необходимой). Во-первых, поскольку они знают о своем предмете все, им уже больше нечего к этому добавить; во-вторых, знать все можно только о каком-то ограниченном предмете, а большая наука требует сопряжения разных предметов и областей. Можно, например, знать все о жизни и творчестве А. Пушкина или Ф. Достоевского, Б. Пастернака или М. Булгакова. Но нельзя знать всего о пастернаковском стиле, видении, мироощущении, о его месте в русской мировой литературе — это проблемные области, требующие концептуального, конструктивного мышления. Беда многих чистых эрудитов в том, что они не ощущают проблемы, они стоят твердо на почве своего знания и не видят рядом бездны, которую можно перейти только по мосткам концепций, мыслительных конструкций. **Наука начинается там, где кончается знание и начинается неизвестность, проблемность.** Такой взгляд на науку идет от Аристотеля. «Ибо и теперь и прежде удивление побуждает людей философствовать и недоумевающих и удивляющийся считает себя незнающим» («Метафизика», кн. 1, гл. 2). В идеале ученому нужно приобретать сколь можно больше знаний, но не настолько, чтобы утратить способность удивления.

В науке есть разные слои и уровни работы: (1) наблюдение и собирание фактов, (2) анализ, классификация, систематизация, (3) интерпретация фактов и наблюдений, поиск значений, закономерностей, выводов, (4) генерализация и типология, создание обобщающей концепции или характеристики (например, данного писателя, эпохи, тенденций, национальной или мировой литературы и т.д.), (5) методология, изучение разных методов анализа, интерпретации, генерализации, (6) парадигмальное мышление — осознание тех предпосылок, познавательных схем и «предрассудков», на которых зиждется данная дисциплина или ее отдельные методы, и попытка их изменить, установить новое видение вещей (то, о чем пишет Т. Кун в «Структуре научных революций»).

Было бы идеально, если бы на всех этих уровнях наука двигалась синхронно и параллельно: нашел новые факты — дал новую интерпретацию — создал новую парадигму. Но в том-то и суть, что научные революции происходят иначе. Многие известные факты начинают просто игнорироваться, потому что они мешают пониманию иных, ранее не замеченных фактов, само восприятие которых делается возможным только благодаря новой парадигме. А она в свою очередь уже меняет восприятие и ранее известных фактов — или даже меняет сами факты! Так, по словам Т. Куна, «химики не могли просто принять [атомистическую] теорию Дальтона как очевидную, ибо много фактов в то время говорило отнюдь не в ее пользу. Больше того, даже после принятия теории они должны были биться с природой, стараясь согласовать ее с теорией. Когда это случилось, даже процентный состав хорошо известных соединений оказался иным. Данные сами изменились»¹.

Если такое происходит в точнейших науках, то что же говорить о гуманитарных, где парадигмы гораздо более размыты, не организуют так жестко профессиональное сообщество: новые видения вспыхивают у разных авторов, не приводя к научным революциям, а научные революции не мешают живучему прозябанию самых традиционных отраслей «нормальной» науки (архивные, библиографические изыскания...).

История науки показывает, что множество идей, обновлявших научную картину мира, возникало не в ладу с известными тогда фактами, а в резком столкновении с ними. Вот почему философ и методолог науки Поль Фейерабенд формулирует правило контриндукции, «рекомендующее нам вводить и разрабатывать гипотезы, которые несовместимы с хорошо обоснованными теориями и фактами»². К сожалению, гуманитариям это правило контриндукции известно еще меньше, чем ученым-естественникам, хотя именно гуманитарные науки способны к более частным парадигмальным прорывам, отстранениям и озарениям, ввиду неустойчивости и размытости их собственных парадигм. И далее Фейерабенд настаивает: «контрправило», рекомендующее разрабатывать гипотезы, несовместимые с *наблюдениями, фактами и экс-*

¹ Кун Томас. Структура научных революций (1962). Гл. 10. М.: АСТ, 2002. С. 178.

² Фейерабенд Поль. Против методологического принуждения // Избранные труды по методологии науки. М.: Прогресс, 1986. С. 160.

периментальными результатами, не нуждается в особой защите, так как не существует ни одной более или менее интересной теории, которая согласуется со всеми известными фактами»¹. Такое несоответствие фактов и концепций динамизирует поле науки, позволяет обнаруживать новые факты и пересматривать старые.

Итак, ограничивать научную или академическую деятельность сферой познания, т. е. накопления и умножения знаний (фактов, закономерностей, наблюдений и обобщений), — значит упускать то целое, частью которого является знание. Правильнее было бы определить задачу научных и академических учреждений не как исследование, а как **мыслезнание, интеллектуальную деятельность в форме познания и мышления**, т. е. (1) установление наличных фактов и принципов и (2) производство новых понятий и идей, которые могут продуктивно использоваться в развитии цивилизации. Знание есть **информация** о наличных фактах и связях мироздания; мышление — **трансформация** этих связей, создание новых идей и представлений, которые в свою очередь могут быть претворены в предметы, свойства, возможности окружающего мира. Мышление перерабатывает известные факты, превращает их в фикции, чтобы некоторые из этих фикций могли стать новыми фактами.

Цит. по: *Эпштейн М. Знак пробела: О будущем гуманитарных наук. М., 2004. С. 46—51.*

¹ Там же. С. 164.

ОСНОВЫ ФИЛОЛОГИИ

Примерная программа учебной дисциплины для направления подготовки 032700 — Филология (бакалавриат)

Составитель:

А.А. Чувакин, доктор филологических наук, профессор
(Алтайский государственный университет, г. Барнаул)

Решением Президиума Совета по филологии УМО по классическому университетскому образованию от 5 мая 2010 г. (г. Оренбург) программа одобрена и рекомендована к использованию в вузах при переходе на ФГОС

Пояснительная записка

Федеральным государственным образовательным стандартом по направлению подготовки 032700 — Филология (бакалавриат) введена новая учебная дисциплина — «Основы филологии». «Основы филологии» является пропедевтической дисциплиной. Она входит в базовую часть общепрофессионального цикла дисциплин.

Для изучения основ филологии необходимы знания, умения и компетенции, полученные обучающимися в средней общеобразовательной школе и получаемые в процессе изучения введения в языкознание и введения в литературоведение, философии.

Изменения, происходящие в общественной и культурной жизни современной России, развитие гуманитарных наук, культуры и образования на основе их гуманизации обуславливают действие интегративных тенденций в современной филологии, укрепляет связи филологических наук с другими гуманитарными (философией, историей, культурологией, семиотикой,

герменевтикой, теорией коммуникации и др.) науками, создает широкий спектр междисциплинарных и пограничных проблем науки. В этих условиях возникла необходимость углубления филологической составляющей в подготовке бакалавра филологии. Важно сосредоточить внимание обучающихся на мысли о филологии как развивающемся знании, продемонстрировать им особенности филологии на современном этапе ее развития.

Проектируемые результаты освоения учебной дисциплины (компетенции): студент должен

знать: основные понятия, составляющие базу современной филологической науки, и ее термины;

уметь: применять на практике базовые навыки сбора и анализа языковых и литературных фактов;

владеть: основными методами и приемами исследовательской и практической работы в области филологии.

Курс основ филологии имеет своей целью дать студентам целостное представление о современной филологии как совокупности гуманитарных наук и научных дисциплин, изучающих посредством анализа естественный язык, текст и *homo loquens* — «главное воплощение человеческого духа» (Ю.С. Степанов).

Задачи курса: 1) представить картину возникновения и основных этапов развития филологии в ее движении от комплексного знания к комплексу наук; 2) ознакомить студентов с основными объектами филологии на современном этапе ее развития; 3) охарактеризовать основы методологии филологии; 4) рассмотреть особенности научного исследования в области филологии.

Сказанное определяет соотношение основ филологии с «традиционными» введениями — в языкознание и литературоведение, а также с вновь вводимыми — в спецфилологию, в теорию коммуникации. В совокупности названных дисциплин данная выделяется общефилологической направленностью и интегративным характером содержания.

Общая трудоемкость дисциплины составляет 2 зачетные единицы, или 72 часа. В том числе: лекций — 16 часов, семинарских и практических занятий — 20 часов. Изучение дисциплины завершается зачетом.

Специфика и функции основ филологии как учебной дисциплины определяют особую значимость активных и интерактивных форм занятий (компьютерных симуляций, деловых и ролевых игр, проектных методик, мозгового штурма, разбора конкретных ситуаций, эксперимента и иных форм), самостоятельной работы студентов, требуют использования разнообразных оценочных средств для контроля текущей успеваемости студентов (теоретические и практические задания, тесты, эссе, письменные работы, коллоквиумы, собеседования и др.). В системе форм самостоятельной работы по дисциплине могут присутствовать и курсовые работы. (Учебная дисциплина, в рамках которой выполняется курсовая работа, может избираться студентом по его усмотрению из некоторого перечня дисциплин, например: введение в языкознание, введение в литературоведение, основы филологии и др.)

Содержание теоретической части курса, описанное в программе, является примерным и может в известной мере варьироваться в зависимости от профиля подготовки и других факторов при условии достижения проектируемых результатов. Однако в любом случае лекции призваны показать поиск филологией своего облика и статуса в сообществе наук, значимость филологического труда для человечества и отдельного человека, рассмотреть основные филологические понятия, а также принципы, логику и методы научного исследования по филологии.

Семинарская и практическая части курса нацелены на то, чтобы помочь студенту выработать ответы на вопросы о специфике филологической деятельности и адекватном ей идеальном портрете филолога, «почувствовать» особенности филологических понятий и идей, научиться размышлять над филологической литературой и фактическим материалом, освоить некоторые требования к филологическому научному исследованию. Важное место на занятиях отводится обсуждению теоретической литературы по избранным проблемам филологии и решению практических задач. Зачет может быть выставлен студентам на основании собеседования по основному содержанию курса, с учетом результатов выполнения ими программы семинарских и практических занятий, заданий для самостоятельной рабо-

ты. Решающей при выставлении зачета является оценка уровня компетентностного развития студента по предмету.

Настоящая программа адресована в первую очередь кафедрам и преподавателям. На ее основе в вузах составляются рабочие программы для использования в учебном процессе.

Содержание дисциплины

1. Введение

Филология: слово — практическая деятельность — знание — область науки. Возникновение филологии как практической деятельности и как знания. Первые филологические профессии: учитель риторики, толкователь текстов, переводчик, библиотекарь.

Проблема понимания филологии на современном этапе ее развития.

Современная филология, ее объекты и материал изучения, методы исследования. Статус филологии в гуманитарном секторе науки.

Современная филология как совокупность гуманитарных наук и научных дисциплин, изучающих посредством анализа естественный язык, текст и *homo loquens* — «главное воплощение человеческого духа» (Ю.С. Степанов).

Современная филология как отрасль науки. Филологические науки и дисциплины.

Филология как направление высшего профессионального образования. Цели и задачи курса «Основы филологии».

2. История филологии: от филологии как комплексного знания к филологии как комплексу наук

Филология как практически ориентированное комплексное знание (V–IV вв. до н.э. — середина XIX в. н.э.).

Филологическая традиция. Возникновение основных направлений филологии: классической, библейской, восточной. Эпоха Возрождения и ее значение в складывании национальной филологии (интерес к «живым» языкам; переводы сакральных текстов на народные языки и др.). Реформация как филологическое движение.

Возникновение «научной» филологии. Рубежное значение трудов Ф.А. Вольфа, А. Бёка, Г. Германна в определении предмета научной филологии. Отделение филологии от древней истории. Герменевтика (Ф. Шлейермахер) и ее роль в превращении филологии в науку.

Специализация филологического знания и дифференциация филологических наук (середина XIX — середина XX в.).

Сравнительно-исторический подход к изучению языка, литературы, фольклора и рождение «новой филологии». Развитие национальных филологий. Дифференциация филологии в зависимости от объекта изучения (языкознание, литературоведение, фольклористика).

История филологии в середине XIX — середине XX в. как история борьбы двух тенденций: к интеграции и дифференциации научного филологического знания. Значение идей Л.В. Щербы, М.М. Бахтина и др. для развития общefилологического «ядра» в филологических науках.

1960–1970-е годы как начало этапа «новойшей», или современной, филологии. Человек как центр филологического знания и смысл существования филологии. С.С. Аверинцев о значимости для филологии проблемы понимания. Нарастание интегративных процессов в филологических науках.

Самопознание филологии и его роль в развитии филологии как отрасли гуманитарного знания.

3. Язык как объект современной филологии

Проблема языка как объекта филологии в ее истории. Общefилологическая значимость языка на современном этапе развития филологических наук — в связи с задачей изучения древних текстов, «воссоединением языка и литературы» (Р. Барт), специализацией языка в разных сферах деятельности человека, повышением роли проблемы понимания и др.

Естественный человеческий язык: язык как система (Ф. де Соссюр) и как «духовная энергия народа», «дух народа» (В. фон Гумбольдт). Плодотворность функционального понимания языка для современной филологии. Устройство языка; слово и предложение

как основные единицы языка как системы. Язык в действии; высказывание — основная единица языка в действии.

Естественный язык и другие знаковые системы (параязык, искусственные языки, мифы, фольклор, художественные моделирующие системы и др.).

Аспекты изучения языка в филологии. Филологические науки и дисциплины, изучающие язык как объект филологии. Гуманитарная семиотика.

4. Текст как объект современной филологии

Текст как традиционный объект филологии. Общефилологическая значимость текста на современном этапе развития филологии. Многообразие современных текстов. Фактура текста: тексты устные, письменные, печатные, электронные. «Лики» текста: текст как источник, памятник, произведение, сообщение. Постигание жизни текста как важнейшая тенденция современной филологии.

Традиционные и современные представления о тексте. Текст как несколько предложений, связанных по смыслу и грамматически; текст как языковое образование, обеспечивающее коммуникативное взаимодействие людей. Значимость каждого из представлений для филологии. Функциональное понимание текста и его плодотворность для современной филологии. Коммуникативность и системная организация как важнейшие признаки текста. Функции текста (Ю.М. Лотман).

Мир текстов. Текст в мире текстов. Многообразие и сложность отношений между текстами. Значение интертекстуальных и текстообразовательных отношений между текстами в решении задачи постижения жизни текста.

Аспекты изучения текста в филологии. Филологические науки и дисциплины, изучающие текст как объект филологии. Теория текста.

5. Homo loquens как объект современной филологии

Внимание к человеку говорящему на разных этапах развития филологии. Роль антропологического поворота в гуманитарных

науках, изменения статуса речевой коммуникации, повышения коммуникативной активности человека в середине XX — начале XXI в. в придании человеку говорящему статуса объекта филологии. Homo loquens как те стороны, грани человека как целого, которые составляет предмет интереса филологических наук.

Языковая личность, творческая личность как базовые понятия лингвистики и литературоведения, стимулирующие разработку категории homo loquens. Homo loquens как обозначение человека, осуществляющего посредством естественного языка деятельность по созданию и восприятию текста, содержащего любой вид реальности.

Важнейшие способности и характеристики человека как homo loquens: формально-демографические, социально-психологические, культурно-антропологические, философско-мировоззренческие, когнитивные и коммуникативные, лингвистические, ситуационно-поведенческие и др.

Аспекты изучения homo loquens в филологии. Филологические науки и дисциплины, изучающие homo loquens как объект филологии. Филологическая герменевтика. Анализ дискурса. Филологическая теория коммуникации.

6. Методология филологии

Методология филологии как учение об основаниях и способах действия с ее объектами.

Филология как научный принцип (С.С. Аверинцев). Филологический подход к исследованию, его сущность. Методы филологии: методы практической деятельности, методы исследования. Роль субъективного фактора и контекста гуманитарных наук в филологическом исследовании.

Филологическое научное исследование. Важнейшие понятия: познавательная ситуация, объект, предмет, фактическая область, цель, задачи, средства и др. Методы исследования — общенаучные и частнонаучные. Методы наблюдения и эксперимента. Методы классификации и моделирования.

Логика научного исследования в филологии: движение от проблемы через гипотезу к теоретическому результату. Спец-

ифика научных проблем в филологии. Постановка проблемы. Разработка гипотезы. Виды результата: теория, модель, описание, осмысление, новая интерпретация и др.

Организация научного исследования. Этапы научного исследования (подготовительный, основной и заключительный), их задачи. Выбор темы исследования, обоснование ее актуальности. Представление результатов исследования в научной коммуникации. Учебное научное исследование, его особенности.

Практическая часть

(примерная тематика семинарских и практических занятий)

1. Что такое современная филология? Основные особенности филологического труда.
2. Язык как объект современной филологии. Филологическое понимание языка.
3. От языка к тексту: текст как объект современной филологии.
4. От языка и текста к человеку: homo loquens как объект современной филологии.
5. Филология «как служба понимания» (С.С. Аверинцев).
6. Научное исследование в области филологических наук: важнейшие понятия и логика научного исследования.
7. Научное исследование в области филологических наук: общенаучные методы исследования и их специфика в филологии.
8. Филологическое научное сочинение. Учебное научное сочинение по филологии.
9. Филология как совокупность гуманитарных наук, междисциплинарное (= общефилологическое) ядро знания, научный принцип.
10. Важнейшие открытия в филологии XX—XXI вв. (на материале исследований основного языка и литературы).

ОСНОВНАЯ ЛИТЕРАТУРА

Чувакин А.А. Основы филологии: учеб. пособие (в печати).

ДОПОЛНИТЕЛЬНАЯ ЛИТЕРАТУРА

- Аверинцев С.С. Похвальное слово филологии // Юность. М., 1969. № 1.
- Аверинцев С.С. Филология // Краткая литературная энциклопедия. М., 1972. Т.7. или: Литературный энциклопедический словарь. М., 1987; Лингвистический энциклопедический словарь. М., 1990.
- Аландский П. Энциклопедия и методология филологических наук. Реферат кн.: A. Boeckh. Encyclopadie und Methodologie der philologischen Wissenschaften. Leipzig, 1877 // Университетские известия. Киев, 1878. № 8–9, 11–12.
- Бахтин М.М. Проблема речевых жанров // М.М. Бахтин. Эстетика словесного творчества. М., 1979.
- Богин Г.И. Филологическая герменевтика. Калинин, 1981.
- Виноградов В.В. О теории художественной речи. М., 1971.
- Виноградов В.В. Стилистика. Теория поэтической речи. Поэтика. М., 1963.
- Винокур Г.О. Введение в изучение филологических наук. М., 2000.
- Винокур Г.О. Критика поэтического текста // Г.О. Винокур. О языке художественной литературы. М., 1991.
- Винокур Г.О. Культура языка. М., 1925.
- Вольф Ф.А. Очерк науки древности. СПб., 1877.
- Гумбольдт В. Об изучении языков, или план систематической энциклопедии всех языков // В. Гумбольдт Язык и философия культуры. М., 1985.
- Зелинский Ф.Ф. Филология // Энциклопедический словарь. СПб.: Изд. Ф. Брокгауз, И. Ефрон, 1902. Т. XXXVa. Полугом 70.
- Кравцов Н.Н. Филология // Словарь литературоведческих терминов. М., 1974.
- Лихачев Д.С. О филологии. М., 1989.
- Лихачев Д.С. Текстология. СПб., 2001.
- Лотман Ю.М. Внутри мыслящих миров. Человек — текст — семиосфера — история. М., 1996.
- Основы общей риторики. Барнаул, 2000.
- Рождественский Ю.В. Введение в общую филологию. М., 1979.
- Рождественский Ю.В. Общая филология. М., 1996.
- Розеншток-Хюсси О. Говорят все // О. Розеншток-Хюсси. Речь и действительность. М., 1994.

Русская словесность: От теории словесности к структуре текста. Антология. М., 1997.

Степанов Ю.С. Слово // Philologica. М.; Лондон, 1991. Т. 1. № 1/2.

Степанов Ю.С. Филология // Русский язык. Энциклопедия. М., 1997.

Теория текста / под ред. А.А.Чувакина. М., 2010. Гл.1.

Трубачев О.Н. Образованный ученый // Русская словесность. 1993. № 2.

Филология: проблемы, методы, задачи // Литературное обозрение. 1979. № 1, 3, 4, 7, 10.

Чувакин А.А. Заметки об объекте современной филологии // Человек — коммуникация — текст. Барнаул, 1999. Вып.3.

Чувакин А.А. О сущности филологического подхода к изучению творчества писателя // А.А. Чувакин. Творчество В.М. Шукшина в исследованиях филологов Алтайского государственного университета (1989—1999) // Сибирский филологический журнал. 2002. № 1. С. 11—15.

Чувакин А.А., Кощей Л.А., Морозов В.Д. Основы научного исследования по филологии: учебное пособие. Барнаул, 1990.

Щерба Л.В. К вопросу о распространении в СССР знания иностранных языков и состоянии филологического образования // Л.В. Щерба. Избр. работы по языкознанию и фонетике. Л., 1958. Т. 1.

Эко У. Как написать дипломную работу. М., 2001.

Первые варианты программы опубликованы:

Основы филологии: Программа учебной дисциплины (составитель — проф. А.А.Чувакин) // Информационный бюллетень Совета по филологии УМО по классическому университетскому образованию.

Пермь, 2004. № 7. С. 11—14;

А.А.Чувакин. Курс основ филологии: к проблеме модернизации высшего филологического образования // Вестник Моск. ун-та. Сер. 9.

Филология. 2006. № 2. С. 123—134.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие	3
-------------------	---

Глава 1. Введение

1.1 Филология: слово — практическая деятельность — знание — область науки. Возникновение филологии как деятельности и как знания	5
1.2. Что такое современная филология?	8
1.3. Современная филология как отрасль науки и направление высшего профессионального образования. Цели и задачи курса «Основы филологии»	18
<i>Вопросы и задания</i>	22
<i>Материалы для чтения</i>	23
Сергей Аверинцев. Похвальное слово филологии	
Д.С. Лихачев. Об искусстве слова и филологии	23
Ю.С. Степанов. СЛОВО. Из статьи для Словаря концептов («Концептуария») русской культуры	31

Глава 2. История филологии: от филологии как комплексного знания к филологии как комплексу наук

2.1. Филология как практически ориентированное комплексное знание (V—IV вв. до н.э. — середина XIX в. н.э.)	35
2.2. Рубежное значение трудов Ф.А. Вольфа и его современников для филологии	40
2.3. Специализация филологического знания и дифференциация филологических наук: середина XIX — середина XX в.	42
2.4. Современная, или «новейшая филология»: человек как центр филологии	46
<i>Вопросы и задания</i>	53
<i>Материалы для чтения</i>	54
М.М. Бахтин. Проблемы творчества Достоевского	54
А.К. Михальская. Основы риторики. Определение современной риторики	57
М.Ю. Сидорова. Лингвистическая уникальность и лингвистическая банальность русского Интернета	60
Л.В. Щерба. Опыты лингвистического толкования стихотворений	64

Глава 3. Язык как объект современной филологии

3.1. Почему естественный язык является объектом современной филологии?	67
3.2. Естественный человеческий язык как «духовная энергия народа», «дух народа» (В. фон Гумбольдт) и как система (Ф. де Соссюр). Естественный язык как объект современной филологии	74
3.3. Естественный язык и другие знаковые системы	82
3.4. Аспекты изучения языка в филологических науках	85
<i>Вопросы и задания</i>	87
<i>Материалы для чтения</i>	88
Р. Барт. Предисловие к «Словарю Ашетт»	88
М.М. Бахтин. Автор и герой. К философским основам гуманитарных наук	91
Э. Бенвенист. Общая лингвистика. Глава XXIII. О субъективности в языке	97
В. фон Гумбольдт. Об изучении языков, или План систематической энциклопедии	100
Р. Якобсон. Язык в отношении к другим системам коммуникации	102

Глава 4. Текст как объект современной филологии

4.1. Почему текст является объектом современной филологии?	105
4.2. Традиционные и современные представления о тексте. Понятие текста как объекта современной филологии	109
4.3. Текст в мире текстов	117
4.4. Аспекты изучения текста в филологических науках	120
<i>Вопросы и задания</i>	122
<i>Материалы для чтения</i>	123
Р. Барт. От произведения к тексту	123
И.Т. Касавин. Текст. Дискурс. Контекст	128
Ю.М. Лотман. Текст в процессе движения: Автор — Аудитория, Замысел — Текст	133
Н. Пьеге-Гро. Введение в теорию интертекстуальности	138
У. Эко. Поэтика открытого произведения	142

Глава 5. Homo loquens как объект филологии

5.1. Почему homo loquens является объектом современной филологии?	146
5.2. Понятие homo loquens как объекта современной филологии	153
5.3. Аспекты изучения homo loquens в филологических науках	159

<i>Вопросы и задания</i>	162
<i>Материалы для чтения</i>	163
Иосиф Бродский. Нобелевская лекция	163
Г.Г. Гадамер. Неспособность к разговору	165
Т.А. ван Дейк. Структура дискурса и сообщения-новости	175
О. Мандельштам. О собеседнике	177
О. Розеншток-Хюсси. Право человека говорить	183

Глава 6. Методология современной филологии

6.1. Методологические основания современной филологии	189
6.2. Филологическое научное исследование: основные понятия и методы	194
6.3. Филологическое научное исследование: логика процесса исследования	206
6.4. Организация научного исследования: подготовительный, основной и заключительный этапы, их задачи	210
<i>Вопросы и задания</i>	214
<i>Материалы для чтения</i>	215
В.И. Карасик. Языковой круг: личность, концепты, дискурс	215
У. Эко. Как написать дипломную работу. Гуманитарные науки	220
М. Эпштейн. Знак пробела: О будущем гуманитарных наук	222
Приложение. Основы филологии.	
Примерная программа учебной дисциплины	227

Учебное издание

Чувакин Алексей Андреевич

ОСНОВЫ ФИЛОЛОГИИ

Учебное пособие

Подписано в печать 14.03.2011. Формат 60×88/16. Печать офсетная.

Усл.-печ. л. 14,7. Уч.-изд. л. 9,3.

Тираж 1000 экз. Изд. № 2221. Заказ

ООО «ФЛИНТА», 117342, г. Москва, ул. Бутлерова, д. 17-Б, комн. 324.

Тел. / факс: 334-82-65; тел. 336-03-11.

E-mail: flinta@mail.ru; WebSite: www.flinta.ru

Издательство «Наука», 117997, ГСП-7, г. Москва, В-485,

ул. Профсоюзная, д. 90.

А.А. Чувакин

ОСНОВЫ ФИЛОЛОГИИ

Учебное пособие

ФЛИНТА • НАУКА

ISBN 978-5-9765-0939-9

9785976509399